

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Новосибирский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Дружинина Юлия Викторовна

**СЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ И
СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук,
профессор В. А. Зверев

Новосибирск 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЗАПАДНОСИБИРСКАЯ СЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА КАК РЕГИОНАЛЬНАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА	40
1.1. Исторические условия формирования сельской интеллигенции в регионе ...	40
1.2. Численность и структура сельской интеллигенции	59
1.3. Социальный портрет и благосостояние сельской интеллигенции	80
Выводы по главе 1	107
ГЛАВА 2. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	109
2.1. Распространение общего и духовного образования в ходе профессиональной и общественной деятельности сельских интеллигентов	109
2.2. Влияние сельской интеллигенции на модернизационные процессы в аграрной сфере	128
2.3. Внутригрупповые взаимоотношения сельской интеллигенции	150
2.4. Взаимоотношение сельской интеллигенции с властью и деревенским населением в контексте профессиональной и общественной деятельности ...	172
Выводы по главе 2	192
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	195
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	204

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Российская интеллигенция на протяжении многих десятилетий вызывает интерес у ученых. При многообразии работ по истории интеллигенции малоизученными остаются вопросы, посвященные сельской интеллигенции Западной Сибири. Обращение к исследованию данной социальной группы, на наш взгляд, весьма актуально. Темпы формирования сельской интеллигенции досоветского времени во многом определялись уровнем развития системы школьного образования, специализированного обслуживания сельскохозяйственного производства, медицинской помощи. Кроме того, специфика законодательной политики, осуществляемой государством в Сибири, влияла на качественные и количественные характеристики сельской интеллигенции, направления ее деятельности.

Своевременно обращение к истории сельской интеллигенции и в связи с тем, что в России продолжается процесс формирования институтов и ячеек гражданского общества. Современная государственная политика в области сельского хозяйства, здравоохранения, образования, как и в конце XIX – начале XX в., направлена на привлечение квалифицированных кадров в деревню. Насколько удачно и плодотворно будут осуществлены преобразования в сельской местности, во многом зависит от поддержки и созидательного участия сельской интеллигенции в реализации государственных программ. Поэтому обращение современных интеллигентов к опыту своих предшественников в деле организации медицинского, ветеринарного, школьного, агрономического дела может способствовать разрешению многих современных актуальных задач в деревне Западной Сибири.

Степень разработанности темы. Заявленная нами тема до сих пор не являлась предметом специального изучения, но отдельные аспекты проблемы исследованы. В основу историографического обзора нами положен проблемно-хронологический принцип систематизации материала и выделено три периода: досоветский (1880-е гг. – 1920 г.), советский (с 1920 г. до начала 1990-х гг.), современный, начавшийся в 1990-е гг. Выделение периодов обусловлено изменением государственной политики по отношению к исследуемой группе и эволюцией теоретико-методологических основ исследования интеллигенции на разных этапах развития исторической науки.

В трудах, изданных до 1920 г., появляется термин «интеллигенция», популяризация которого, по мнению современных исследователей, принадлежит П. Д. Боборыкину. Были созданы многочисленные научные и публицистические труды, посвященные интеллигенции как социальному феномену¹. Этапным стал сборник «Вехи», в который включены тексты семи авторов: Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка. В сборнике содержались взгляды интеллигенции на саму интеллигенцию, а также были отражены ее идейные искания в эпоху обострения общественных отношений².

В дореволюционное время издаются работы, посвященные истории и современному состоянию в России медицины³, образования⁴, структур Русской православной церкви (РПЦ)⁵, крестьянского самоуправления⁶. В работах, как правило, рассматривалась Европейская Россия и интеллигенция, действовавшая на ее территории. В досоветской историографии почти нет обобщающих работ по истории ветеринарии, агрономии в нашей стране.

Нельзя сказать, что зауральские регионы полностью выпали тогда из поля зрения. На рубеже XIX–XX вв. созданы первые работы, авторы которых обращали внимание на положение интеллигенции, формы ее активности в Сибири. Ценными являются наблюдения М. А. Альтшуллера о том, что малочисленность квалифицированных кадров в деревне, недостаточное финансирование региона тормозили его культурное и экономическое развитие⁷. Сходные положения содержатся в публикациях В. С. Арефьева,

---

¹ *Иванов-Разумник Р. В.* Об интеллигенции. Что такое махаевщина? Кающиеся разночинцы. СПб., 1910; *Лозинский Е. И.* Что же такое, наконец, интеллигенция? СПб., 1907; *М[андельштам] М.* Интеллигенция как категория капиталистического строя. Казань, 1890; *Туган-Барановский М. И.* Интеллигенция и социализм [Электронный ресурс]. URL: http://www.yabloko.ru/Themes/History/tougan_bar.html (дата обращения: 1. 08. 2014); и др.

² *Вехи*: сборник статей о русской интеллигенции. Репр. изд. 1909 г. М., 1990.

³ *Архангельский Г. И.* Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823–1872 гг. СПб., 1874; *Змеев Л. Ф.* Чтения по врачебной истории России. СПб., 1896.

⁴ *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902 гг. СПб., 1902; *Фальборк Г. А., Чарнолуский В. И.* Народное образование в России. СПб., 1899; *Чехов Н. В.* Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М., 1912; *Иностранная школа: сб. ст. и материалов по вопросам иностранной школы / под общ. ред. Г. Г. Тумим, В. А. Зеленко.* Пг., 1916.

⁵ *Покровский И. М.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы: опыт церковно-исторического и географического исследования. Казань, Т. 2. 1913; *Преображенский И. В.* Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–1841 по 1890–1891 гг. СПб., 1897.

⁶ *Астырев Н. М.* О волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. СПб., 1886.

⁷ *Альтшуллер М. А.* Земство в Сибири. Томск, 1916.

В. В. Кирьякова, Н. Н. Медведева, М. Петрова¹ и др. Значимой для нашего исследования стала работа А. А. Кауфмана², посвященная переселению крестьян в Сибирь.

Лидер сибирского областничества Г. Н. Потанин отмечал, что для развития региона необходима интеллигенция, которая должна формироваться из деревенских детей, воодушевленных «благородною любовью к сибирскому крестьянству»³. Н. М. Ядринцев писал, что в сибирском городе просветительством занимаются не только школы, но и представители общественности, чего не было в селе⁴.

Положение школьного дела в Тобольской губ. нашло отражение в работах А. П. Лысова, Н. И. Палопеженцева, Е. Ф. Соколова⁵. Для нашего исследования значимыми стали выводы авторов о том, что необходимо было введение в сельской школе курсов по сельскому хозяйству, ремеслу, так как это находило положительную поддержку среди крестьян. В сборнике статей «Алтай» проанализированы основные типы начальных учебных заведений Алтайского окр. и отмечено, что школы духовного ведомства имели слабое материально оснащение по сравнению с «министерскими» училищами⁶. Это актуально для нашего исследования при характеристике просветительской активности интеллигентов.

Отдельные аспекты состояния школьного дела в регионе, принятые к сведению нами при исследовании просветительской активности интеллигенции, содержатся в трудах П. Т. Виноградова, С. Лобатынского, Г. Я. Маляревского, А. А. Мисюрева и других авторов. Писатели собрали сведения о том, при каких обстоятельствах открывались школы в селениях, на какие средства они содержались, какие образовательные программы реализовали, как относились деревенские жители к школам и педагогам⁷.

---

¹ *Арефьев В. С.* Описание Сибири: очерки для народного чтения. Томск, 1900. Вып. 1; *Кирьяков В. В.* Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). М., 1902; *Медведев Н. Н.* Переселенцы в Сибирь: доклад комитета Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. СПб., 1891; *Петров М.* Западная Сибирь: губернии Тобольская и Томская. М., 1908; и др.

² *Кауфман А. А.* Переселения и колонизация. СПб., 1905.

³ *Потанин Г. Н.* Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 286.

⁴ *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. С. 570.

⁵ *Лысов А. П.* Народное образование в Тюменском окр. в 1897 г.: очерк. Тюмень, 1898; *Палопеженцев Н. И.* Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском окр. Тобольской губ.: ист.-статист. очерк // Ежегодник / Тобольск. губ. музей (далее – ЕТГМ). 1894. Вып. 2. С. 86–100; 1895. Вып. 3. С. 1–60; *Соколов Е. Ф.* Положение начального школьного образования в Тобольской губ. за 1896/97 учеб. г. // ЕТГМ. 1898. Вып. 9. С. 80–115.

⁶ *Голубев П.* Народное образование // Алтай: ист.-стат. сб. по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного окр. Томск, 1890. С. 236–298.

⁷ *Лобатынский С.* О церковноприходских школах грамоты Томской епархии. Томск, 1893; *Маляревский Г. Я.* Очерк истории и современного состояния народного образования в Сибири. СПб., 1896;

В досоветское время были созданы работы, посвященные истории воскресных школ, народных училищ Сибири, отражавшие качественные и количественные характеристики обозначенных учебных заведений и их педагогического персонала¹.

В работах, посвященных деятельности духовенства РПЦ Западной Сибири, описано его влияние на религиозную жизнь крестьян. Для нашего исследования значимы выводы протоиерея Д. Н. Беликова о том, что личный пример священника во многом определял отношение прихожан к церкви². Внимание исследователей было обращено и на миссионерскую деятельность духовенства, представленную ими преимущественно в положительных тонах³. Однако А. А. Дунин-Горкавич усомнился в необходимости продолжения миссионерства в северных регионах края⁴.

В досоветское время возникают труды по истории медицины. Авторы обращали внимание на малочисленность медицинского персонала на обширных территориях врачебных участков (П. П. Еланцев, И. И. Казаринов, П. М. Головачёв, П. И. Мессарош и др.)⁵. Привлеченные нами материалы свидетельствуют о положительном влиянии интеллигенции на развитие отдельных секторов сельского хозяйства крестьян.

На данном этапе развития исторической науки появляется работа, посвященная кооперативам Сибири, материалы которой привлекались нами при исследовании участия интеллигенции в кооперативном движении в сельской местности Западной Сибири начала XX в.⁶

Мисюрев А. Краткий историко-статистический очерк Томской епархии. Томск, 1897; *Михайловский М.* О церковных школах Томской епархии. Томск, 1901; *Успенский А. П.* Краткий обзор церковно-школьного дела в Томской епархии за 1884–1910 гг. Томск, 1911; *Рамзевич А.* К вопросу о всеобщем обучении в Томской губ. // Памятная книжка Томской губ. на 1908 г. Томск, 1908. С. 58–62; *Виноградов П. Т.*: 1) Краткий очерк начального образования в Томской губ. в 1908 г. // Памятная книжка Томской губ. за 1910 г. Томск, 1910. С. 121–154; 2) Краткий очерк начального образования в Томской губ. в 1910 г. // Памятная книжка Томской губ. за 1912 г. Томск, 1912. С. 143–147; и др.

¹ *Вольфсон Д.* Сибирские воскресные школы. Томск, 1903; Практическая школьная энциклопедия: настольная книга для народных учителей и других ближайших деятелей в области народного образования / под ред. Н. В. Тулупова, П. М. Шестакова. М., 1912; Краткие сведения по истории дирекции училищ Томской губ. Томск, 1913.

² *Беликов Д. Н., протоиерей.* Томский раскол: (ист. очерк от 1834 по 1880-е гг.). Томск, 1901.

³ *Сумароков П.* Миссионерство в Сибири // Христианское чтение. 1883. № 9/10. С. 411–435; № 11/12. С. 561–593; 1884. № 1/2. С. 113–147; № 5/6. С. 639–673; № 9/10. С. 327–347; № 11/12. С. 657–685; *Городков Н.* Просвещение христианскою верою инородцев Западной Сибири // Томские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1888. № 15. С. 10–18; № 17. С. 1–16.

⁴ *Дунин-Горкавич А. А.* О деятельности Обдорской духовной миссии // Памятная книжка Тобольской губ. на 1908 г. Тобольск, 1908. С. 79–87.

⁵ *Еланцев П. П.* Обзор холерной эпидемии Томской губ. в 1892 г. Томск, 1893; *Казаринов И. И.* Холерная эпидемия 1892 г. в Сузунском заводе. Томск, 1895; *Головачёв П. М.* Сибирь: природа, люди, жизнь. М., 1902. С. 268; *Мессарош П. И.* Сельская медицина в Томской губ. Томск, 1911.

⁶ *Илимский Д.* [Голенищев-Кутузов Д. И.] Кооперативные союзы Сибири (1908–1918 гг.). М., 1919.

Характеризуя работы досоветского периода, можно отметить, что интеллигенция была в большей степени предметом социально-философского, чем научного анализа. Авторы того времени обращали внимание преимущественно на морально-нравственные качества представителей изучаемого социального слоя. Интеллигенты характеризовались как люди, оторванные от государства и от народа, хотя позиционировали себя представителями интересов последнего. Споры исследователей были посвящены хронологии зарождения интеллигенции и её миссии в истории России. Разделение интеллигенции на отдельные профессиональные группы еще не практиковалось. Однако в данный период появляются работы, отражающие положение просвещения, медицины, а также некоторые аспекты деятельности РПЦ в исследуемом регионе, носящие фактологический характер, что актуально для настоящего исследования.

В историографии периода 1920-х – начала 1990-х гг., развивавшейся на марксистско-ленинском методологическом основании, выделим три этапа в связи с переменами, происходившими в политической и социально-экономической структуре общества, изменением положения в нем интеллигенции: 1920-е – середина 1950-х гг., вторая половина 1950-х – начало 1980-х гг., середина 1980-х – начало 1990-х гг.

Рассмотрим историографическую ситуацию темы в *1920-е – середине 1950-х гг.* В. И. Ленин рассматривал интеллигенцию как компонент социально-классовой прослойки общества. К интеллигенции он относил «представителей свободных профессий вообще» и акцентировал тот факт, что деятельность этих людей не связана с физическим трудом¹. Данный подход, при котором интеллигенция выделялась по характеру трудовой деятельности, стал методологическим обоснованием исследования интеллигенции в последующее время.

В этот временной период стали появляться первые масштабные обобщающие труды, посвященные развитию образования в Сибири конца XIX – начала XX в. Н. С. Юрцовским был предпринят количественный анализ региональных данных переписи начальных школ 1911 г. Автор отметил, что образовательные процессы в Сибири в целом повторяли историко-педагогический опыт центральных районов

---

¹ Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад // Избр. соч.: в 10 т. М., 1984. Т. 3. С. 413.

страны¹. Г. И. Фураев представил историю деятельности Общества вспомоществования учащим и учившим Акмолинской обл. в годы Первой российской революции и в последующем десятилетии². Внимание исследователей было обращено на историю школы малых народов в составе Российской империи. Так, в работе А. Ф. Эфирова проанализированы соответствующие материалы школьной переписи 1911 г.³ Выводы этих исследователей привлекались нами при определении численности и направлений просветительской деятельности сельской интеллигенции. Во второй половине 1950-х гг. началась исследовательская деятельность Ф. Ф. Шамахова по истории педагогики в Западной Сибири досоветского периода, продолжившаяся до начала 1990-х гг. Автор касался, в частности, и проблем просвещения деревни⁴.

В советской время история РПЦ была крайне непопулярна по идеологическим причинам⁵. Обобщающий труд по истории РПЦ появился в 1930 г. Его автором был Н. М. Никольский⁶, который предопределил негативную оценку деятельности церкви и духовенства, транслировавшуюся в дальнейшем прочими историками. Эпизодическое внимание ученых привлекали миссионеры РПЦ⁷.

История сибирской медицины в это время находилась на этапе становления. Исследователь П. Т. Приходько отмечал, что в Сибирском регионе не хватало медиков, санитарное состояние сел было неудовлетворительным, и это способствовало возникновению эпидемий⁸. К аналогичным выводам пришла Е. С. Грудзинская⁹. Выводы этих исследователей учитывались нами при реконструкции профессиональной и общественной активности интеллигенции.

---

¹ Юрцовский Н. С.: 1) Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923. Вып 1; 2) Народное образование в Омской губ. (прошлое, настоящее и ближайшие перспективы) // Омская губ. Омск, 1923. С. 41–104.

² Фураев Г. Очерк по истории профессионального объединения работников просвещения Омской губ. (1895–1924). Омск, 1924.

³ Эфиров А. Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири: ист. очерки. М., 1948.

⁴ Шамахов Ф. Ф.: 1) Учительские институты дореволюционной Западной Сибири // Тр. / Томск. пед. ин-т. 1952. Т. 9. С. 3–63; 2) Динамика развития общеобразовательной школы Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Учен. зап. / Томск. пед. ин-т. 1955. Т. 13. С. 399–510; 3) Школа Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Томск, 1957; и др.

⁵ Лукин Н. М. Революция и церковь. М., 1924; Рыбкин Г. Ф. Православие на службе самодержавия в России. М., 1930; и др.

⁶ Никольский М. Н. История русской церкви. Л., 1931.

⁷ Базанов А. Г. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере (Тобольский Север). Л., 1936.

⁸ Приходько П. Т. Охрана здоровья, труд и быт трудящихся Сибири. Томск, 1930.

⁹ Грудзинская Е. С. Средние медицинские школы в дореволюционной Сибири // Научная конференция, посвященная истории медицины Сибири. Томск, 1955. С. 42–44.

В 50-х гг. XX в. появилась первая крупная работа по истории отечественной ветеринарии, написанная М. В. Короповым, в которой, однако, практически не уделено внимания ветеринарии Сибири¹.

Отметим, что в это время и у зарубежных исследователей также существовал интерес к истории русской интеллигенции. И. Берлин в 1950-х гг. написал работу «Рождение русской интеллигенции». Для нас данная работа важна для понимания истоков интеллигенции в стране, развития идеологии интеллигентов и их самоидентичности².

Во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. историки получили возможность расширить исследовательское поле, сделать более гибкой методологию исследования. Интеллигенцию рассматривали как особую социальную группу, изучался состав российской интеллигенции. Появились обобщающие труды по истории интеллигенции Л. К. Ермана, Р. О. Карапетяна, А. В. Ушакова, В. Р. Лейкиной-Свирской и др.³ В работах И. Г. Мосиной рассматривались качественные и количественные характеристики интеллигенции именно Западной Сибири⁴, что облегчило нам определение численности сельских интеллигентов в этом регионе.

В трудах, посвященных истории Сибири и отдельных ее регионов, отмечена положительная динамика развития народного просвещения, сельского хозяйства края в начале XX в. По мнению исследователей, это было связано с событиями 1905–1907 гг., которые способствовали притоку политических ссыльных в регион. Потребность старожилов в получении знаний возникала и под влиянием переселенческого движения, строительства Транссибирской железнодорожной магистрали⁵. Выводы авторов привле-

---

¹ Коропов В. М. История ветеринарии в СССР. М., 1954.

² Берлин И. Рождение русской интеллигенции // История свободы: Россия. М., 2001. С 9–32.

³ Ерман Л. К. Интеллигенция в Первой русской революции. М., 1966; Лейкина-Свирская В. Р.: 1) Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971; 2) Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981; Карапетян Р. О.: 1) Становление и развитие интеллигенции как особого социального слоя. М., 1974; 2) Место и роль интеллигенции в развитии общества: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1977; Ушаков А. В. Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. М., 1985.

⁴ Мосина И. Г.: 1) Интеллигенция в Сибири в начале XX в. (численность и структура) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 1. С. 133–136; 2) Политическая ссылка и интеллигенция в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Ссылочные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск, 1985. Вып. 9. С. 114–115.

⁵ Горюшкин Л. М.: 1) Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне: об уровне и особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 1962; 2) Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX). Новосибирск, 1967; 3) Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976; Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября: (к вопросу о формировании соц.-экон. предпосылок социалист. революции). Иркутск, 1966; История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков. Л., Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма / отв. ред. Ф. А. Кудрявцев. 1968;

кались нами для реконструкции исторических условий формирования сельской интеллигенции, ее профессиональной и общественной активности.

В 60–80-х гг. XX в. созданы обобщающие работы по истории школы и педагогической мысли в России дооктябрьского периода¹. В ряде исследований была отражена история развития начальной школы и в Сибири². Авторами затрагивались вопросы состояния школьного дела в регионе, освещалась роль школ в общественно-политической и экономической жизни сибиряков. Ученые исследовали внутреннюю жизнь образовательных учреждений, связи школы с жизнью общества, что значимо для нашего исследования.

Учительство Западной Сибири конца XIX – начала XX в. продолжил изучать Ф. Ф. Шамахов. Основатель региональной научной школы истории педагогики показал, что сибирская сельская школа, имея свои региональные специфические черты, развивалась как составная часть всей системы просвещения империи. Шамахов отмечал, что в Западной Сибири училища были удалены друг от друга, от учебной администрации, наблюдался пестрый этнический и конфессиональный состав учащихся, что накладывало отпечаток на деятельность учительства. Гражданская активность педагогов рассматривалась автором через призму революционной борьбы 1905–1907 гг.³ Отметим, что в работах Шамахова отсутствует целостная картина становления системы просвещения в сельской местности. Л. П. Михайлова проанализировала положение школьного дела в Тобольской губ. накануне революции 1917 г.: состояние учебных заведений, их количество и пр.⁴ Британский историк М. Pergie, проанализировав активность интеллигенции

Шейнфельд М. Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.). Красноярск, 1973; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск, 1983; и др.

¹ *Богданов И. М.* Грамотность и образование в дореволюционной России и СССР. М., 1964; *Осолков А. В.* Проблема введения всеобщего начального обучения в дореволюционной России (1861–1916 гг.). М., 1970; *Буслаев Л. П.* История развития просвещения и школы народов СССР с X в. по октябрь 1917 г. Горький, 1974; *Бородин А.* Государственный совет и попытка Столыпина реформировать начальное образование // *Вопр. истории.* 1975. № 8. С. 82–96; *Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, вторая половина XIX в.* М., 1976.

² *Дмитриев П. Г.* Связь школы с жизнью. Томск, 1978; *Голованов В. М.* Проблемы демократизации народного образования в Сибири в последней трети XIX – начале XX в. (до октября 1917 г.): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1979; *Проблемы и перспективы развития образования в Сибири.* Новосибирск, 1982.

³ *Шамахов Ф. Ф.*: 1) *Внешшкольное образование в Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907–1917 гг.)* // *Учен. зап. / Томск. пед. ин-т.* 1962. Т. 20, вып. 3. С. 67–88; 2) *Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907–1917 гг.)*. Томск, 1966; 3) *Роль народной инициативы в борьбе за просвещение в дореволюционной Сибири* // *Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг.* Новосибирск, 1967. С. 99–106; и др.

⁴ *Михайлова Л. П.* Школа Тобольской губ. накануне Октября // *Учен. зап. / Тюмен. пед. ин-т.* 1968. Вып. 8, сб. 41. С. 6–20.

России, том числе и сельской, акцентировала внимание на значимость просветительской деятельности для интеллигентов¹. Выводы этих авторов учитывались нами при реконструкции просветительской деятельности интеллигенции.

Сюжеты о правовом положении учителей в учебных заведениях, становление профессиональных союзов, работа педагогических съездов освещены П. Л. Трофимовым на региональном материале², что учитывалось нами при реконструкции корпоративных отношений интеллигентов.

В работах, посвященных истории РПЦ, отмечалась консервативность, оторванность духовенства от народа во время правления последних двух Романовых³. В трудах Л. В. Островской рассматривались сюжеты, посвященные характеру религиозности сибирских крестьян, их отношению к духовенству, к святым таинствам⁴. Выводы ученых были учтены в нашем исследовании при реконструкции деятельности интеллигентов по духовно-нравственному воспитанию крестьян.

Исследователи медицины рассматривали историю становления системы здравоохранения в регионе. Г. И. Мендрина выявила не всегда сочувственное отношение крестьян к деятельности врачей⁵. Б. Н. Палкин⁶, Г. И. Мендрина и Н. П. Федотов⁷ констатировали недостаточное оснащение сибирских губерний медиками, выявили направления их профессиональной деятельности. В. П. Березин, П. А. Бова, Н. П. Федотов в коллективной монографии пришли к выводу, что медицинская помощь

---

¹ *Perrie M. The Russian Peasant Movement of 1905–1907 [Электронный ресурс]: Its Social Composition and Revolutionary Significance.* URL: [http://psi203.cankaya.edu.tr/uploads/files/Perrie,%20Russian%20Peasant%20Movement%20of%201905-1907%20\(1972\).pdf](http://psi203.cankaya.edu.tr/uploads/files/Perrie,%20Russian%20Peasant%20Movement%20of%201905-1907%20(1972).pdf) (дата обращения: 21.08.2014).

² *Трофимов П. Л.* От Общества взаимопомощи учителей до Профессионального союза работников просвещения: (из истории создания Профессионального союза работников просвещения Омской обл.) // Из истории советской интеллигенции. Новосибирск, 1974. С. 62–73.

³ *Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.): крит. очерки / под ред. Н. А. Смирнова.* М., 1967; *Грекулов Е. Ф.* Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1969.

⁴ *Островская Л. В.:* 1) Некоторые замечания о характере крестьянской религиозности (на материалах пореформенной Сибири) // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в.: классовая борьба, общественное сознание, культура. Новосибирск, 1975. С. 172–186; 2) Христианство в понимании русских крестьян пореформенной Сибири // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 135–150; и др.

⁵ *Мендрина Г. И.* Медицинская деятельность политических ссыльных в Сибири. Томск, 1962.

⁶ *Палкин Б. Н.* Очерки истории медицины и здравоохранения Западной Сибири и Казахстана в период присоединения к России (1716–1868 гг.). Новосибирск, 1967.

⁷ *Федотов Н. П., Мендрина Г. И.* Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975.

в регионе отставала от передовых губерний, отсутствовала специализированная помощь¹. А. П. Бова отметил тяжелые условия работы медиков².

Названные авторы констатировали плачевное положение медицины в регионе, но не уделяли должного внимания общественной активности медиков, осуществлявшейся в союзе с другими представителями интеллигенции. Не исследовалось влияние интеллигентов на положительные изменения в деле медицинского обслуживания, в области санитарно-гигиенической культуры сельского населения.

А. Н. Сикорский³, И. П. Трошин⁴ продолжили разрабатывать темы, посвященные ветеринарии Западной Сибири, обозначили численность ветеринарных служащих, проанализировали законодательную основу их службы, отмечали зависимость деятельности ветеринаров от состояния крестьянской культуры животноводства. Развитие агрономической службы отражено в одной из работ Л. М. Горюшкина, констатировавшего стремление интеллигентов улучшить санитарное состояние заводов по переработке молока⁵.

Сосредоточившись на изучении истории советской интеллигенции в Сибири, В. Л. Соскин, С. А. Красильников ретроспективно интересовались также социально-профессиональными качествами интеллигенции, ее численностью в предреволюционное время⁶. Т. Н. Осташко подсчитывала количество интеллигентов в интересующий нас момент, не включая в состав этого слоя духовенство и писарей⁷. Выводы названных авторов активно привлекались в нашей работе.

С середины 1980-х гг. в науке наблюдалось увеличение интереса к интеллигенции в связи с изменением общественно-политической ситуации в стране.

Американские историки Дж. Брукс и Б. Эклоф представили работы, посвященные вопросам просвещения крестьянства и развития народной культуры в России конца

---

¹ Березин В. Т., Бова П. А., Федотов Н. П. Очерки по истории здравоохранения Томской обл.: (к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции). Томск, 1967. С. 8.

² Бова П. А. Положение сельского врача в Сибири в период капитализма // IV Симпозиум по истории медицины СССР – ГДР: тез. докл. М., 1981. С. 82–85.

³ Сикорский А. Н. Вопросы истории ветеринарии Западной Сибири в дореволюционный период и первые годы советской власти (до 1929 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964.

⁴ Трошин И. П. История развития скотоводства Западной Сибири. Новосибирск, 1969.

⁵ Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С. 165.

⁶ Красильников С. А., Соскин В. Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение советской власти (1917 – лето 1918 г.). Новосибирск, 1985. С. 5.

⁷ Осташко Т. Н. Сельская интеллигенция Сибири, конец 1919 – 1927 г. Новосибирск, 1988.

имперского периода¹. У отечественных специалистов получила поддержку идея изучения школьного образования и читательской активности крестьянства для понимания динамики модернизационных процессов в русской деревне².

Активизировалось исследование вопросов развития школьного образования в регионе, выявлялись особенности этого процесса в Сибири, в сельской местности Западно-Сибирского региона³. Было обращено внимание на актуальные для нас темы участия интеллигенции Сибири в политической жизни региона, но активность не всех профессиональных групп интеллигенции получила равнозначное освещение⁴. М. М. Громыко актуализировала тематику крестьянского мировоззрения и религиозности, что учитывалось нами при реконструкции взаимодействия интеллигентов с крестьянами в сельской местности⁵.

Советская историческая наука преимущественно уделяла внимание вопросам формирования интеллигенции. Исследовались также материальное и общественное положение интеллигенции, ее участие в революционной деятельности, характеризовались взаимоотношения интеллигенции с властью, народом. Определялось место интеллигенции в российском и советском социуме, делалось это при помощи использования

---

¹ *Brooks J.* When Russia learned to read: literacy and popular literature, 1861–1917. Princeton, 1985. В переводе на русский язык см.: *Брукс Дж.*: 1) Грамотность и печать в России, 1861–1928 // Чтение в дореволюционной России. М., 1991. С. 82–99; 2) Когда Россия научилась читать: грамотность и народная литература, 1861–1917 // Что мы читаем? Какие мы? СПб., 1993. С. 151–171; *Eklof B.* Russian peasant schools: officialdom, village culture and popular pedagogy, 1861–1914. Berkeley, 1986.

² *Энгельштейн Л.* Повсюду «культура» [Электронный ресурс]: о новейших интерпретациях русской истории XIX–XX вв. // Новая русская книга: критическое обозрение. 2001. № 3/4. URL: <http://magazines.russ.ru/nrk/2001/3/engelsh.html> (дата обращения: 21.08.2014).

³ Образование и наука в Сибири: история и современность. Новосибирск, 1985; *Паначин Ф. Г.* Учителство и революционное движение в России (XIX – начало XX в.): ист.-пед. очерки. М., 1986; *Зверева К. Е.*: 1) Деревенская школа и нужды агротехнической подготовки крестьянства Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Земледельческое и промышленное освоение Сибири (XVII – начало XX в.) Новосибирск, 1985. С. 131–142; 2) Советская историография проблемы просвещения крестьянства Сибири эпохи капитализма // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма: историография проблемы. Новосибирск, 1988. С. 171–190; 3) Просвещение крестьянства Сибири в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1988; *Зверева К. Е., Соловьёва Е. И.* Образовательный уровень крестьянства Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в XVII – начале XX в. Новосибирск, 1987. С. 78–79; и др.

⁴ *Кабацкий Н. И.* Деятельность большевиков Сибири среди непролетарских масс в революции 1905–1907 гг. // Большевики во главе трудящихся масс Сибири в трех российских революциях. Новосибирск, 1986. С. 3–13; *Ноздрин Г. А.* Агитационно-пропагандистская работа социал-демократов в сибирской деревне в 1907–1914 гг. // Большевики во главе трудящихся масс... С. 40–53; *Порхунов Г. А.* Борьба большевиков Сибири против мелкобуржуазного влияния на демократическую интеллигенцию в период революции 1905–1906 гг. // Большевики в Сибири в борьбе против царизма (1895 – февраль 1917 г.). Омск, 1987. С. 10–19; и др.

⁵ *Громыко М. М.*: 1) Семья и община в традиционной духовной культуре крестьян XVIII–XIX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 7–24; 3) Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

классового подхода. В то же время вопросы о духовном мире интеллигентов, ее мировоззрении, о том, как воспринимали идеи интеллигентов их современники, не получили специальной научной разработки.

На советском этапе развития науки ученые привлекали в свои исследования ранее не известные источники, которые позволили создать обобщающие труды по истории здравоохранения, медицины, ветеринарии, истории православия в Сибири и ее крупных субрегионах.

Современный период историографии темы начался в 1990-е гг. и продолжается по сегодняшний день. В начале 90-х гг. произошли радикальные изменения жизни общества, сказавшиеся и на развитии науки. Исследователи стали искать новые методологические подходы. Важными для нашего исследования стали работы, посвященные развитию теории модернизации традиционного общества применительно к России и ее регионам¹.

Появились многочисленные исследования, посвященные экономическим, политическим, социальным, культурным изменениям, происходившим в России², Сибирском регионе³ и Западной Сибири⁴ в конце имперского периода. В ходе таких трансформаций

---

¹ См.: *Ермоленко Т. Ф.* Патерналистские контуры российской модернизации. Ростов н/Д, 2011; *Опыт российской модернизации, XVIII–XX вв.* / отв. ред. В. В. Алексеев. М., 2000; *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006; *Федотова Ф. Г.* Модернизация «другой» Европы [Электронный ресурс]. URL: http://philosophy.ru/iphras/library/fedot_mod.html (дата обращения: 21.08.2014); и др.

² *Гавров С.* Социокультурная традиция и модернизация российского общества [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/gavr/02.php (дата обращения: 21.08.2014); *Ганишин В. Г.* Формирование гражданского общества в России и Китае. М., 2007; *Желтова В. П., Иванова Н. А.* Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX в. М., 2004; *Змеев М. В.* Социальный мир интеллигенции рубежа XIX–XX вв. в контексте русской общественной мысли: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Пермь, 2003; *Ely C.* The question of civil society in late imperial Russia [Электронный ресурс] // A companion to russian history. Series: Wiley blackwell companions to world history series. URL: http://books.google.ru/books?id=JyN0hIKcfTcC&pg=PR2&lpg=PR2&dq=a+companion+to+russian+history+online&source=bl&ots=B0vYKRbbHO&sig=Nky_CsyA9wMmZ26TDfoHuoePFTA&hl=ru&sa=X&ei=nKMxU9OfIai4gSM04GoBA&ved=0CF4Q6AEwBw#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 21.08.2014).

³ *Дегальцева Е. А.* Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX в. Бийск, 2005; *Зверев В. А.* 1) Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1998; 2) Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2014; *Зиновьев В. П.* Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007; *Катионов О. Н.* Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2008; *Ремнёв А. В.* Самодержавие и Сибирь: административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск, 1997; *Сибирь в составе Российской империи* / отв. ред.: Л. М. Дамешек, А. В. Ремнёв. М., 2007; *Скубневский В. А.* Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Томск, 1991; и др.

⁴ *Андрющенко Б. К.* Винная монополия в Западной Сибири и организация казенной торговли [Электронный ресурс]. URL: <http://sun.tsu.ru/mmminfo/000063105/276/image/276-167.pdf> (дата обращения: 21.08.2014); *Население Западной Сибири в XX в.* / отв. ред.: Н. Я. Гущин, В. А. Исупов. Новосибирск, 1997; и др.

складывались предпосылки и факторы формирования и развития интеллигенции в Западной Сибири, ее сельских отрядов. Значимы для нас новые выводы отечественных и зарубежных исследователей о ментальных и поведенческих особенностях интеллигенции Российской империи¹ и Сибири, взятой в целом².

Исследователи начинают переосмысливать³ дефиницию «интеллигенция», место интеллигенции в обществе; усиливается интерес к ее психологии и духовно-нравственным исканиям⁴. Ученые продолжили разрабатывать вопросы участия интеллигенции в политических процессах начала XX в. (А. Е. Плотников, М. В. Станкова, А. П. Толочко, М. В. Шиловский, В. Д. Шипилин, А. Е. Язынин и др.)⁵. Не ме-

---

¹ *Бормотова И. М.* Формирование этикетного кодекса интеллигенции [Электронный ресурс]: интеллигенция и интеллигентность. URL: <http://www.myakushkin.ru/ru/partnery/formirovanie-etiketnogo-kodeksa-intelligenczii-intelligencziya-i-intelligentnost.html> (дата обращения: 06.05.2014); *Лотман Ю. М.* Интеллигенция и свобода [Электронный ресурс]: (к анализу интеллигентского дискурса). URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/uspen/12.php (дата обращения: 21.08.2014); *Пайнс Р.* Русская революция [Электронный ресурс]. Кн. 1. URL: http://russiabgu.narod.ru/pages/themes/txt/paips_russkaya_revolutciya.pdf (дата обращения: 03.05.2014); *Сабурова Т. А.* Русский интеллектуальный мир / миф: социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия. Омск, 2005; *Савчук В. В.* Инакомыслие или конформизм: нравственный выбор интеллигенции в России // Логос. 2005. № 6. С. 233–242; *Соколов А. В.* Формула интеллигентности [Электронный ресурс]. URL: <http://teterin.raid.ru/formula-intelligentnosti> (дата обращения: 03.05.2014); *Соколов К. Б.* Русская интеллигенция XVIII – начала XX в.: картина мира и повседневность. СПб., 2007; *Экитут С. А.* Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. М., 2012; *Элбакян С. Е.* Российская интеллигенция: ментальность и архетип [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ni-journal.ru/archive/52ab0058/0f2c52b8/95041ca6/e0673b9a> (дата обращения: 21.08.2014); и др.

² *Артамонова Н. Я.* Интеллигенция Восточной Сибири: опыт формирования и деятельности (конец XIX – середина XX в.). М., 2000; *Рыженко В. Г., Назимова В. Ш.* Возможности междисциплинарного изучения интеллигенции: (XX в., региональная версия) // Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход. Иваново, 2000. С. 34–36; *Рыженко В. Г.* Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е гг.: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Екатеринбург, 2003; *Сабурова Т. А.* Интеллигенция Омска на рубеже XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004; и др.

³ *Беленький В. Х.* Еще раз об интеллигенции // Социол. исследования. 2004. № 4. С. 94–102; *Давыдов Ю.* Два подхода к пониманию российской интеллигенции // Свободная мысль. 1991. № 18. С. 15–26; *Красильников С. А., Холявченко Д. С.* Интеллигенция Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. [Т. 1]: А–И. С. 631–638; и др.

⁴ *Агаджанян Н. А.* Экология души: культура, нравственность, альтруизм. М., 2002; *Возилев В. В., Назаров Ю. Н.* Философия интеллигенции: разум как революционная сила. Иваново, 2002; *Волгина Н. Д.* Влияние социальных изменений в российском обществе на статусные характеристики интеллигенции. Саратов, 1999; и др.

⁵ *Ноздрин Г. А.* Политические объединения в сибирской деревне (середина 90-х гг. XIX в. – 1914 г.). Новосибирск, 2011; *Плотников А. Е.* Организация политических партий в Сибири в период Первой российской революции (1905–1907 гг.): (перечень и предварительный анализ) // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период. Омск, 1992. С. 96–114; *Станкова М. В.* Черносотенно-монархическое движение в Западной Сибири в 1905–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1999; *Толочко А. П.* Черносотенцы в Сибири (1905 – февраль 1917 г.). Омск, 1999; *Шиловский М. В.* 1) Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 1995. Вып. 2; 2) Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003; 3) Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008; *Шипилин В. Д.* Революционная деятельность социал-демократов Западной Сибири и Акмолинской обл. в годы реакции в связи с проведением Столыпинской реформы // Большевики в Сибири в борьбе против царизма (1895 – февраль 1917 г.). Омск, 1987. С. 34–41; *Язынин А. Е.* Генезис черносотенно-монархического движения и его противоборство с политическими противниками. Ишим, 2010; и др.

нее актуальным для современной исторической науки остается вопрос о взаимоотношениях интеллигенции в целом, а также формирующих ее профессиональных групп, и власти¹. Востребованы нами суждения исследователя Токийского университета Y. Aoshima, который, анализируя активность русских педагогов, их взаимоотношения с властью, обратил внимание на то, что интеллигенты считали просветительскую деятельность не только своим профессиональным долгом, но и миссией².

Разрабатывается тематика распространения профессионального образования в регионах страны, в том числе в Западной Сибири. Труды Н. А. Дереза, О. В. Ищенко, И. С. Сковородиной, А. П. Толочко³, С. Н. Ушаковой⁴ облегчили нам реконструкцию той социальной базы, которая пополняла ряды сельской интеллигенции за Уралом.

Популярна у историков тематика развития начального образования в Западной Сибири, участия в этом процессе интеллигенции⁵. Ученые изучают историю конкретных учебных заведений края, отражают общие проблемы начального образования в сельской местности Тобольской губ. Это характерно для работ Н. И. Загороднюк, Н. А. Жулаевой, А. М. Невского, Ю. П. Прибыльского, В. С. Сулимова, Л. Г. Улыбиной и др.⁶

---

¹ *Ерахтин А. В.* Интеллигенция, власть и социальная справедливость в современной России // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С. 28–38; *Мансуров В. А., Барбакова К. Г.* Интеллигенция в структуре власти – миф или реальность? // Интеллигенция и мир. 2008. № 1. С. 7–31; *Фёдоров В. А.* Православие и церковь // Очерки русской культуры XIX в. М., 2000. Т. 2: власть и культура. С. 266; *Weiming T.* Intellectuals in a world of knowledge [Электронный ресурс] // Procedia – social and behavioral sciences. URL: http://ac.els-cdn.com/S1877042810012346/1-s2.0-S1877042810012346-main.pdf?_tid=3cd37f78-b1ca-11e3-a695-00000aac360&acdnat=1395496971_a12928d4f113b608d79bdf6c07080c51 (дата обращения: 21.08.2014).

² *Aoshima Y.* Professionals or bureaucrats? [Электронный ресурс]. Pedagogues and the state during russia's great reforms. URL: <http://src-home.slav.hokudai.ac.jp/publicn/acta/25/aoshima.pdf> (дата обращения: 21.08.2014).

³ *Сковородина И. С.* Развитие низшего и среднего профессионального образования в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003; *Толочко А. П., Ищенко О. В., Сковородина И. С.* Развитие профессионального образования в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: (опыт истории в контексте современности). Омск, 2005; *Дереза Н. А.* История становления и развития системы начального профессионального образования России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006.

⁴ *Ушакова С. Н.* Профессиональное образование начальное и среднее // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. [Т. 2]: К–Р. С. 718–721.

⁵ *Фёдорова М. И.* Народное просвещение Тобольской губ. на рубеже XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1998; *Горелова Ю. Р.* Проблема просвещения народа в духовно-нравственных исканиях и внепрофессиональной деятельности интеллигенции Западной Сибири (1880-е – 1904 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2001; *Ермачкова Е. П.* 1) Проблема изучения образования и культуры сельского населения Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. / Тобольск. пед. ин-т. 2004. № 4. С. 136–145; 2) Развитие образования и просвещения среди населения западносибирской деревни (1861–1913 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006; и др.

⁶ *Прибыльский Ю. П., Невский А. М.* Народное образование в Тюменском крае в XVIII–XX вв.: концепция развития // Западная Сибирь: проблемы региональной культурологии. Томск, 1992. С. 66–69; *Улыбина Л. Г., Микова Е. В.* Из истории народного образования в Тобольской губ. (конец XIX – начало XX в.): обзор литературы // Народное образование Тюменского края: историография, источниковедение. Тюмень, 1993. С. 52–57; *Сулимов В. С.*: 1) Чувства добрые пробуждать: светская школа Тобольской губ. в конце XIX – начале XX в. Тюмень, 2004; 2) Светское школьное образование Тобольской губ. конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тобольск, 2006; и др.

Исследователи продолжают изучать историю возникновения и функционирования церковных школ в Западной Сибири¹. Масштабную работу по истории школ духовного ведомства в обширной Томской епархии провела Ю. Ю. Гизей², но ею не затрагивались взаимодействие педагогов с местным населением, корпоративное общение учителей, их общественная активность. Для нашей темы в трудах Гизей значимы выводы об особенностях функционирования школ духовного ведомства, характеристики их учительского персонала.

Из работ современных авторов нами привлекались материалы о просветительской активности интеллигенции, проявлявшейся в организации народных чтений, открытии воскресных школ, устройстве библиотек³, а также информация о различных аспектах жизни учительства Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в.⁴

Интерес ряда авторов обращен сегодня к изучению отношения крестьян к просвещению, его значимости в жизни села, к выявлению уровня грамотности крестьян, а

---

¹ *Половинкин Н. С., Чернышов А. В.* Роль Тобольской епархии в системе образования и просвещения в крае, XVIII – начало XX в. // *Религия и церковь в Сибири.* Тюмень, 1991. Вып. 2. С. 14–21; *Овчинников В. А.* Церковная школа в Томской губ. // *Из истории юга Западной Сибири.* Кемерово, 1993. С. 114–122; *Сулимов В. С.* К вопросу о динамике развития церковноприходских школ и школ грамоты в Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // *Религия и церковь в Сибири.* Тюмень, 1996. Вып. 9. С. 59–63; *Кондратьев С. В.* Церковные школы Алтайской духовной миссии конца XIX – начала XX в. // *Пишем времена и случаи.* Новосибирск, 2008. С. 125–128; и др.

² *Гизей Ю. Р.* Церковноприходская школа Томской епархии (1884–1917). Кемерово, 2004.

³ *Горелова Ю. Р.* Проблема просвещения народа в духовно-нравственных исканиях и внепрофессиональной деятельности интеллигенции Западной Сибири (последняя четверть XIX – начало XX в.). Омск, 2005; *Дегальцева Е. А.* Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Барнаул, 2002; *Елизарова Н. В.* Роль миссионерских библиотек в распространении православия на территории Омского Прииртышья конца XIX – начала XX в. // *Омский научный вестник.* 2003. № 4. С. 46–49; *Зверев В. А., Тимофеева Ю. В.* Книжная культура сельского населения Западной Сибири в конце имперского периода: основные итоги исследования // *Образование в истории, история в образовании.* Новосибирск, 2011. С. 215–224; *Исхакова Р. Р.* Создание церковноприходских школ в 1880-х гг.: политический курс и идейная борьба. Казань, 2002; *Мезенцева В. В.* Профессиональная и общественная деятельность интеллигенции Западной Сибири в 1907–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2000; *Полов Д. И.* Культурно-просветительские общества в Сибири в конце XIX – начале XX в. Омск, 2006; *Тимофеева Ю. В.:* 1) Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011; 2) Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2012; *Харченко Л. Н.* Православная церковь в культурном развитии Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): очерк истории. СПб., 2005; и др.

⁴ *Блинова О. В.:* 1) Взаимодействие учителей сельских и городских образовательных учреждений Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. в рамках деятельности общественных организаций // *Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города: юбилейные события: историческая память горожан.* Омск, 2009. С. 328–330; 2) Региональная специфика института учительства в Западной Сибири в последней четверти XIX – начале XX в. // *Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых.* Омск, 2009. Вып. 13. С. 58–64; 3) Социокультурный облик учительства в Западной Сибири в 1880-х – 1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010; 4) Социокультурный облик учительства в Западной Сибири в 1880-х – 1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010; *Чуркина Н. И.:* 1) Педагогическое образование как фактор социокультурного развития Западной Сибири (XVIII–XX вв.). Омск, 2011; 2) Становление педагогического образования в Западной Сибири (вторая половина XIX в. – 1919 г.): автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Омск, 2012; и др.

также к источникам приобщения селян к грамоте¹. Значимыми для нашего исследования являются выводы о роли школы, грамоты и книги в деле инициирования процессов социокультурной модернизации сибирской деревни, содержащиеся в книге новосибирских историков К. Е. Зверевой и В. А. Зверева².

С 1990-х гг. возобновилось утраченное на предыдущем этапе историографии внимание исследователей к истории православного духовенства Западной Сибири. Ученые характеризуют социальное, материальное, правовое положение духовенства, направления его миссионерской, образовательной, культурно-просветительной и благотворительной деятельности. В авторитетном энциклопедическом издании получили отражения вехи истории данной социальной группы в Сибири³. Учеными выявляются динамика численности церковнослужителей (преимущественно в приходах юга Западной Сибири), их возрастной и образовательный уровень, различные аспекты профессиональной деятельности (А. М. Адаменко⁴, П. Верт⁵, Н. В. Елизарова⁶, В. А. Есипова⁷, Е. В. Караваева⁸, Г. Ш. Мавлютова¹, А. Н. Розов², В. Ю. Софронов³, О. Н. Устьянцева⁴,

---

¹ Зверева К. Е., Зверев В. А.: 1) Вклад русского крестьянства в развитие образовательного потенциала Сибири (1861–1914 гг.) // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992. С. 85–104; 2) Начальная школа на Алтае в начале XX в. (по воспоминаниям Ф. Д. Останина) // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 2. С. 192–199; Зверева К. Е., Андрияшкевич Ю. В. Модели отношения сибирского крестьянства к школьному образованию в конце XIX – начале XX в. // Социальные конфликты в истории России. Омск, 2006. С. 250–254; и др.

² Зверева К. Е., Зверев В. А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 2013.

³ Зольникова Н. Д. Приходское духовенство РПЦ // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. [Т. 2]: К–Р. С. 700–703; Зольникова Н. Д., Покровский Н. Н. Русская православная церковь // Историческая энциклопедия Сибири. [Т. 2]: К–Р. С. 788–794.

⁴ Адаменко А. М.: 1) Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX в. Кемерово, 2004; 2) Образование и деятельность церковноприходских попечительств на территории Томской епархии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/his/15/image/15-034.pdf> (дата обращения: 21.08.2014).

⁵ Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012.

⁶ Елизарова Н. В. Библиотеки Русской православной церкви в распространении духовного просвещения среди населения Западной Сибири в 1881–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007.

⁷ Есипова В. А. Приходское духовенство Западной Сибири в период реформ и контрреформ второй половины XIX в. (на материалах Томской епархии): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1996; Поплавская-Есипова В. А. Русское законодательство относительно церкви во второй половине XIX в. // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 119–133.

⁸ Караваева Е. В.: 1) Законодательные и другие нормативные акты – основа для санитарно-просветительской и медицинской деятельности православного духовенства в конце XIX – начале XX в. // Сибирский медицинский журнал. 2009. Т. 24, № 3, вып. 1. С. 48–56; 2) Деятельность православного духовенства Томской епархии по устройству деревенских яслей-приютов летом 1915 г. // Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве. Новосибирск, 2010. С. 212–216; 3) Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви среди сельского населения во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Томской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011; 4) Зверев В. А., Караваева Е. В. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви в деревне Томской губ. во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1. С. 59–64; и др.

ва⁴, О. В. Чернятевич⁵ пр.). Однако взаимоотношение духовенства с крестьянами, с иными профессиональными группами интеллигенции пока не освещены.

На современном этапе развития исторической науки ученые продолжают более детально работать над вопросами истории медицины Западной Сибири, которые были обозначены на предыдущих этапах развития историографии⁶. История ветеринарии Западной Сибири досоветского периода представлена в работах А. С. Донченко, Н. И. Лапанова⁷, Г. А. Ноздрин⁸, Т. Н. Осташко⁹. Выводы этих авторов использовались нами при выявлении численности ветеринаров в регионе, правовой и материальной базы их деятельности.

Несмотря на проявившийся сейчас спад интереса ученых к аграрной истории, сельскохозяйственная деятельность, особенности хозяйствования сибирских крестьян получили отражение в работах П. Ф. Никулина, И. В. Транквилицкой¹⁰, представлены на страницах «Исторической энциклопедии Сибири»¹¹. Актуальной при исследовании

---

¹ Мавлютова Г. Ш. Миссионерская деятельность РПЦ в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Тюмень, 2001.

² Розов А. Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003.

³ Софронов В. Ю.: 1) Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири (конец XVII – начало XX в.). Тобольск, 2005; 2) Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди мусульман и старообрядцев Западной Сибири. Тобольск, 2005; 3) Христианизация Тобольского Севера. Тобольск, 2007.

⁴ Устьянцева О. Н.: 1) Культурно-просветительная деятельность Русской православной церкви: организация библиотек в Томской епархии в конце XIX – начале XX в. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2006. С. 145–148; 2) Взаимоотношения сельского православного духовенства и крестьян в Томской губ. в конце XIX в. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2002. Ч. 2. С. 35–37; 3) Томская епархия в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003; и др.

⁵ Чернятевич О. В. Участие духовенства Томской епархии в распространении сельскохозяйственных знаний в начале XX в.: (омское общество «Пчеловодство») // Сибирская деревня. Омск, 2004. Ч. 2. С. 278–280.

⁶ Гончарова О. А. История становления и развития системы здравоохранения национальных районов юга Сибири в 1920–1941 гг. Томск, 1995; Семёнова К. А. 1) Здравоохранение г. Томска в историческом развитии (начало 1860-х – 1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2009; 2) Здравоохранение Томска: время становления (1860-е – 1919 гг.). Томск, 2010; Букин С. С., Исаев В. И. Медицина и здравоохранение // Историческая энциклопедия Сибири. [Т. 2]: К–Р. С. 335–337; Byford A. Professional cross-dressing: doctors in education in late imperial Russia (1881–1917) [Электронный ресурс]. URL: <http://fpp-mpsu.ru/uploads/all/all-rqmyQPeKDVLTOpvnUO54iIK7FSQWfN.pdf> (дата обращения: 21.08.2014); и др.

⁷ Лапанов Н. И. Сергей Степанович Евсеенко, 1850–1915: (ученый в области ветеринарии). М., 1990.

⁸ Ноздрин Г. А. Ветеринария Сибири в XIX – начале XX в. // Опыт природопользования в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 52–101.

⁹ Донченко А. С., Осташко Т. Н., Самолова Т. Н. Очерки истории ветеринарии в Западной Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 2002.

¹⁰ Никулин П. Ф. Внутренний экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2009; Транквилицкая И. В. Развитие системы земледелия в Томской губ. в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2006.

¹¹ Мамсик Т. С., Ноздрин Г. А. Агронимия народная // Историческая энциклопедия Сибири. [Т. 1]: А–И. С. 39–40.

взаимоотношения интеллигенции с крестьянами для нас стала работа Н. А. Давыденко¹. Востребованы выводы автора об условиях, в которых протекала работа агрономов и ветеринаров, особенностях крестьянского мировоззрения в аспекте восприятия аграрных инноваций. Важной для нашего исследования стала монография И. В. Герасимова (I. V. Gerasimov)². Автор не только обозначил направления деятельности сельских интеллигентов России, но и выявил изменения в мировоззрении интеллигенции на рубеже XIX–XX вв., ее поворот к легальным формам деятельности в сельской местности через распространение просвещения и агрономических знаний.

Возникновение, отдельные направления функционирования сибирской кооперации отражены в работах В. К. Алексеевой, Е. Е. Бекембаевой, А. О. Бунина и А. Ю. Кабанова, Г. М. Запорожченко, А. В. Иванова, Я. Коцониса, Г. А. Ноздрина, У. Уильямс и других авторов³. Их наработки обязали нас обратить внимание на участие сельских интеллигентов в деле популяризации кооперативного движения в селах Западной Сибири.

В последние годы стали появляться работы, посвященные писарям Западной Сибири. Авторы обращают внимание на ментальные основания поведения писарей, их качественные характеристики и особенности профессиональной деятельности, взаимоотношения с крестьянами и начальством, а также на их корпоративные взаимоотношения, что актуально для нашего исследования⁴. Однако участие писарей в просветитель-

---

¹ Давыденко Н. А. Трудовые традиции сибирских крестьян в животноводстве (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006.

² Gerasimov I. V. Modernism and public reform in late imperial Russia: rural professionals and self-organization, 1905–1930. N. Y., 2009.

³ Алексеева В. К. Кооперативное движение в Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1993; Бекбаева Е. Е. Сельская кооперация Степного края в конце XIX – начале XX в.: (по материалам Акмолинской и Семипалатинской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992; Бунин А. О., Кабанов А. Ю. Масломолочная кооперация Сибири в конце XIX – начале XX в.: проблемы становления и развития // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений. Новосибирск, 2009. Вып. 6. С. 28–45; Запорожченко Г. М. Первые потребительские кооперативы в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Кооперация Сибири: история и современное состояние. Новосибирск, 2006. Вып. 5. С. 130–145; Иванов А. В. Проблемы кооперации и гражданского общества в дореволюционной Сибири // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений. Вып. 6. С. 16–27; Коцонис Я. Как крестьян делали отстающими: сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861–1917. М., 2006; Ноздрин Г. А. Кооперативное движение в общественно-политической жизни сибирской деревни второй половины XIX – начала XX в. // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений. Вып. 5. С. 146–160; Уильямс С. Либеральные реформы при нелиберальном режиме: создание частной собственности в России в 1906–1915 гг. М., 2009; и др.

⁴ Суворова Н. Г. Подготовка кадров для крестьянской администрации в Омской школе волостных писарей (1861–1885) // 280 лет Омску: история и современность. Омск, 1996. С. 22–25; Ремнёв А. В., Суворова Н. Г. Волостной писарь: слуга двух господ или хозяин сибирской деревни // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2005. С. 281–311; Фролова Т. А. «Пришлый» человек в Сибири: ментальные основания поведения, или История

стве, их общественная активность, взаимодействие с другими группами интеллигентов не изучены.

М. М. Громько и Н. А. Миненко описали мировоззренческие особенности крестьян, их отношение к религии. Их подходы и выводы мы учитывали при исследовании социального портрета интеллигентов, их взаимодействиях с крестьянами¹.

Таким образом, в современное время исследование интеллигенции Западной Сибири конца XIX – начала XX в. осуществляется на стыке наук, вырабатываются междисциплинарные подходы. Процесс формирования сельской интеллигенции нашел отражение в исследовательской литературе, но многие аспекты этой темы до сих пор остаются не разработанными. Особенно необходимо обратить внимание на изменение качественных и количественных характеристик сообщества интеллигентов, их корпоративное взаимодействие. Требуют изучения коммуникации интеллигенции с крестьянством, просветительские аспекты деятельности разных групп сельских интеллигентов, которые получили слабое освещение в работах наших предшественников. Остаются не исследованными вопросы о влиянии интеллигенции на сельскую жизнь на раннем этапе модернизационных процессов, протекавших в сельской местности Западной Сибири.

Цель и задачи работы. Цель данного диссертационного исследования – охарактеризовать сельскую интеллигенцию Западной Сибири конца XIX – начала XX в. как часть региональной сибирской и российской интеллигенции в процессе ее жизненной активности. Для достижения цели нам потребовалось решить следующие взаимосвязанные задачи: 1) определить исторические условия и факторы развития сельской интеллигенции в Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.; 2) определить динамику численности и структуры сельской интеллигенции региона в рассматриваемый период; 3) реконструировать социальный портрет и идентичность сельской интеллигенции как полипрофес-

---

сельского писаря Петра Аниканова // Локальные сообщества имперской России в условиях социальных конфликтов: (подходы и практики в современных региональных исследованиях). Омск, 2009. С. 138–147; *Бакиева Г. Т.* Портрет волостного писаря у сибирских татар (вторая половина XIX – начало XX в.) // Тобольск научный – 2010. Тобольск, 2010. С. 73–75; *Гильденберг В. Н.* Сельская власть в Тобольской губ. в конце XIX – начале XX в.: отражение практики «неблаговидных поступков» в официальных документах [Электронный ресурс]. URL: http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/1VNMK/021_Gil'denberg.pdf (дата обращения: 21.08.2014); *Почеревин Е. В.* Низовая административно-судебная система в Алтайском окр. (конец XIX в. – 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013; *Якимова И. А.* Волостные писари в системе крестьянского самоуправления на Алтае во второй половине XIX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod4/part2-p197-201.pdf> (дата обращения: 21.08.2014); и др.

¹ *Громько М. М.* Мир русской деревни. М., 1991; *Миненко Н. А.*: 1) Культура русских крестьян Зауралья, XVIII – первая половина XIX в. М., 1991; 2) Русское население Урала и Западной Сибири и православная церковь XVIII–XIX вв. // Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1995. Вып. 8. С. 36–55; и др.

сионального регионального сообщества интеллигенции России; 4) выявить направления и формы общественной активности сельских интеллигентов; 5) раскрыть внутригрупповые взаимоотношения в среде интеллигенции, а также формы отношений интеллигентов с крестьянством.

Объектом исследования является сельская интеллигенция Западной Сибири конца XIX – начала XX в. Автор уточняет ключевое понятие применительно к тематике своего исследования. Термином *«сельская интеллигенция»* в данном случае обозначается общественный слой людей, проживающих в сельской местности; обладающих образованием и специальными знаниями в областях, необходимых для успешного демографического, экономического, культурного, духовно-нравственного развития деревни; профессионально занимающихся умственным трудом.

Мы в нашей работе исходим из гипотезы, согласно которой высокие моральные и гражданские качества были в той или иной мере присущи значительной части сельской интеллигенции Западной Сибири. Эту часть можно представить в качестве системообразующего ядра сельской интеллигенции региона. Ядро, имевшее подвижные и размытые границы, аккумулировало в себе духовно-нравственные и идеологические установки, присущие российской интеллигенции как таковой, задавало образцы жизненных установок для остальной части сельских интеллигентов (далеко не всегда этим образцам соответствовавшей) и определяло, таким образом, духовно-нравственный и общественно-политический портрет исследуемой нами группы.

Принятому нами определению сельской интеллигенции в Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. соответствовали постоянно или временно проживавшие в русской деревне региона представители агрономической и ветеринарной службы; медицинский персонал; писари волостные и сельские; учительство; православные священнослужители; служители иных религиозных культов; представители государственной администрации; сотрудники Лесного департамента; телеграфные и почтовые служащие. В диссертации характеризуются пять основных профессиональных групп (первые в этом списке), которые оказали наиболее существенное влияние на социокультурную и экономическую ситуацию в русской деревне. Остальные категории не рассматриваются в силу их крайней малочисленности.

Предметом изучения в диссертации стали количественные (численность, половозрастная и территориальная структура) и качественные (профессиональный состав, уровень образования, социальный портрет с его поведенческой и коммуникационной составляющими) характеристики сельской интеллигенции Западной Сибири конца XIX – начала XX в. Они формировались и динамично развивались в условиях начального этапа модернизации традиционного общества, особенно ярко проявились в активности интеллигенции по созданию условий для модернизационных процессов на селе, по обеспечению эффективности этих процессов.

В своем исследовании мы используем термин «социальная активность». Опираясь на выводы ученых, рассматривавших понятие «активность» (И. М. Дзялошинский, А. В. Петровский и др.)¹, термин «социальная активность» мы наделяем следующей смысловой нагрузкой. Социальная активность – деятельность человека или группы людей, направленная на осуществление общественно значимых преобразований в рамках определенной территории, предполагающая привлечение их интеллектуальных, волевых и физических ресурсов. Социально активному субъекту свойственны следующие характеристики: осознание социальной ответственности за свои поступки, мобильность, многообразие методов и сфер действия, восприимчивость к инновациям, организаторские и коммуникативные способности, творчество и креативность. В диссертации показано, что общественная активность сельской интеллигенции нашла проявление в распространении светского и духовного образования, демонстрации новых образцов поведения, способствующих ускорению процесса модернизации в сельской местности Западной Сибири.

Отметим, что термины «общественная активность», «социальная активность» и «активность» в данном исследовании являются синонимичными.

Территориальные границы исследования включают следующие административные единицы изучаемого периода: Тобольскую и Томскую губернии, Актмолинскую обл. Их территория имела в изучаемый период однотипный правовой, экономический и социокультурный статус, сходный состав населения, преимущественно русского. Она

---

¹ Дзялошинский И. М. Медиа и социальная активность молодежи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/data/2010/10/18/1222990467/Медиа%20и%20социальная%20активность%20молодежи.doc> (дата обращения: 12.07.2014); Петровский А. В. Личность в психологии: парадигма субъектности [Электронный ресурс]. URL: http://vk.com/doc36519343_126074781 (дата обращения: 12.07.2014); и др.

входила в состав Западно-Сибирского учебного округа (1885–1917 гг.), деятельность учреждений и служащих которого играла большую роль в формировании регионального отряда интеллигенции.

Хронологические рамки исследования. Начальный рубеж исследования – середина 1880-х гг., условная «точка отсчета», с которой начинается формирование и деятельность в регионе сельской интеллигенции. В это время развернулся массовый приток аграрных переселенцев из Европейской России в Западную Сибирь, что содействовало открытию Западно-Сибирского учебного округа (1885 г.) и Сибирского университета (1888 г.), расширению в регионе сети учебных заведений и православных церквей, созданию сельских медицинской и сельскохозяйственной служб, а в итоге – привлечению интеллигенции в деревню. В заключительную стадию вступило формирование предпосылок для модернизации хозяйственной деятельности, демографического поведения, системы социализации подрастающих поколений крестьянства Западной Сибири. Следовательно, возникла потребность в специалистах, которые могли бы направлять модернизационные процессы. В качестве конечного рубежа исследования нами принят 1914 г. – начало Первой мировой войны, которая привела к значительным качественным и количественным изменениям интеллигенции в связи с нуждами военного времени. Со вступлением России в мировую войну многие инновационные процессы в сибирской деревне были приостановлены или свернуты, что отразилось на численности и структуре сельской интеллигенции, на ее социальной роли и положении в деревне.

Источниковедческая база исследования. Разработка темы осуществлялась на основе комплексного изучения письменных опубликованных и неопубликованных источников нескольких видов.

Законодательные источники другие нормативные акты исследования были опубликованы в постоянно пополняемом «Полном собрании законов Российской империи»¹, а также в «Своде законов Российской империи», вышедшем официальным изданием в 1857 г., а затем дополнявшемся в неофициальных переизданиях (1885, 1892, 1899, 1900, 1910, 1913 гг. и др.)². Кроме этого, нами привлекались нормативные доку-

---

¹ Полное собрание законов Российской империи: собр. 3-е (1882–1913 гг.) (ПСЗ-III). СПб.; Пг., 1885–1916. Т. 1–33.

² Свод законов Российской империи (СЗРИ): неофиц. изд.: все 16 т. со всеми относящимися к ним продолж.: в 1 кн. / под ред. А. Ф. Волкова, Ю. Д. Филиппова. 2-е стер. изд. СПб., 1899; Свод законов Российской империи: все 16 т. со всеми относящимися к ним продолж.: в 2 кн. / под ред. А. Ф. Волкова, Ю. Д. Филиппова. 3-е пересм. и доп. изд.

менты, регламентировавшие деятельность педагогического сообщества¹, духовенства², писарей³. Активность медицинского персонала регламентировалась «Уставом врачебным», который содержался в 13-м томе «Свода законов Российской империи» 1857, 1892, 1905 гг. издания. Врачебный устав 1892 г. был дополнен новым разделом «Об управлении сельской врачебной частью» и главой «О местном врачебном управлении в некоторых губерниях и областях в особенности». Законы о сельской медицине и ветеринарии, представлены в книге, составителем которой стал И. К. Войно⁴.

Агрономический и частично ветеринарный персонал в Западной Сибири подчинялся постановлениям Министерства государственных имуществ (до 1894 г.), затем Министерства земледелия и государственных имуществ и с 1905 г. – Главного управления землеустройства и земледелия.

Законодательные и другие нормативные акты отражают ожидания властей, о том как должна была выстраиваться профессиональная и общественная деятельность интеллигентов, их взаимодействие друг с другом и сельским населением. Однако говорить о тождестве нормативных актов исторической действительности затруднительно, так как возникающие отношения могли не соответствовать официальным предписаниям. В связи с этим, считаем, что для объективного описания положения сельской интеллигенции исследуемого периода, следует обратиться и к другим видам исторических источников, которые позволят более точно реконструировать положение исследуемой социальной общности.

Обширность и содержательность *делопроизводственных документов* светских и церковных структур определила важность этого вида источника.

СПб., 1900; Свод законов Российской империи: все 16 т., исправ. по Продолжениям 1906 и 1908 гг. и доп. позднейшими узаконениями: в 4 кн. / сост. и изд. А. М. Нюренберг. М., 1910; и др.

¹ *Фальборк Г., Чарнолуский В.* Иностранческие и иноверческие училища: систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах: колонистских, протестантских, католических, армянских, для раскольников и сектантов, иностранческих, магометанских, караимских и еврейских. СПб., 1903.

² Устав духовных консисторий / под ред. Ф. В. Ливанова. СПб., 1871; Полный круг духовных законов (по Своду законов, его приложениям, Духовному регламенту и Уставу духовных консисторий) / сост. И. П. Богословский. Изд. 2-е. СПб., 1881; Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по Ведомству православного исповедания / сост. Т. Барсов. СПб., 1895; Циркулярные указы Святейшего правительственного Синода 1867–1900 гг. / сост. А. Завьялов. Изд. 2-е. СПб., 1901.

³ *Волчков В.* Руководство для крестьян: сборник действующих узаконений, касающихся общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов. М., 1880.

⁴ *Войно И. К.* Сборник законов, правил, наставлений и распоряжений правительства для врачей, фармацевтов, ветеринаров и прочих медицинских чинов. Киев, 1871.

Автором изучены делопроизводственные материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА, ф. 129, 398, 796, 1149, 1237, 1276, 1288, 1291, 1298, 1409), Государственном архиве Томской обл. (ГАТО, ф. 1, 3, 4, 100, 126, 170, 171), Государственном архиве в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске, ф. 3, 152, 156, 352), Государственном архиве Алтайского края (ГААК, ф. 65, 164, 178, 181, 182). В тексте диссертационного исследования задействовано около 70 единиц хранения из 26 архивных фондов, многие материалы которых введены в научный оборот впервые.

В исследовании привлечены документы центральных и местных органов власти (материалы из канцелярии Синода, Департамента земледелия, Собственной е. и. в. Канцелярии, Управления главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел (МВД), Тобольского и Томского губернских правлений, Тобольской и Томской духовных канцелярий, канцелярии попечителя Западно-Сибирского учебного округа и т. д.). В источниках этого вида содержатся послужные списки, личные дела интеллигентов. К сожалению, источники данного вида количественно ограничены, не все категории интеллигенции в них отражены.

Делопроизводственные документы государственных и церковных органов (канцелярии Синода, Тобольской духовной консистории, Томского губернского правления, Томской губернской врачебной управы, Томской духовной консистории и др.) содержат широкий спектр данных о деятельности разных групп сельской интеллигенции, их взаимодействии с властью, внутригрупповых коммуникациях и взаимоотношениях с крестьянами. Эти источники представлены отчетами, рапортами, прошениями, ходатайствами интеллигентов и крестьян.

Делопроизводственная документация актуальна для нас в связи с тем, что в ней получили освещение общественные инициативы интеллигентов, а также отражено их участие в борьбе с эпизоотиями и эпидемиями

Отдельной группой делопроизводственной документации являются материалы, исходящие от сельских обывателей, которые обращались в канцелярии Тобольской и Томской консисторий, в Тобольское и Томское губернские правления, к попечителю Западно-Сибирского учебного округа, во врачебное отделение Тобольского губернского управления, в волостные правления и т. д. В нашем исследовании использовались материалы прошений, ходатайств, приговоров сельских сходов (об открытии приходов,

школ, библиотек, сельских лечебниц; о назначении или удалении с должности волостных и сельских писарей, священнослужителей, учителей, фельдшеров; об учреждении обществ трезвости, о выражении благодарности отдельным представителям сельской интеллигенции и пр.). Эта группа источников позволяет охарактеризовать взаимоотношение крестьян с сельскими интеллигентами, а также реконструировать отдельные черты социального портрета интеллигенции.

Справочные и статистические материалы извлекались нами из фондов архивов, а также из публикаций ежегодных «Обзоров» и «Памятных книжек» Акмолинской обл., Тобольской и Томской губерний; «Справочных книг» по Тобольской, Томской, Омской епархиям; «Отчетов» обер-прокурора Синода по Ведомству православного исповедания; «Отчетов» Алтайской и Киргизской духовных миссий; «Отчетов» о педагогических курсах; из «Отчетов» о деятельности сельскохозяйственных обществ, опытных полей и пасек; из «Отчетов» правительственных агрономов и агрономической организации; из «Всеподданнейших докладов» министра земледелия и государственных имуществ; «Справочных книжек» и «Указателей» по маслоделению. Значимым для нашей работы является труд Ю. И. Ласкова, содержащий материалы по сельской медицине в Акмолинской обл. за период 1884–1910 гг.¹ Востребованы «Списки населенных мест» Акмолинской обл., Тобольской и Томской губерний за разные годы. Статистика в нашем исследовании представлена также опубликованными данными Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.² и Однодневной переписи начальных школ Российской империи, произведенной в 1911 г.³

Использование справочных и статистических материалов позволило выявить динамику качественных и количественных характеристик сельской интеллигенции. Данный вид источников позволяет проследить масштабы работы интеллигентов в деле оказания помощи крестьянам во время эпидемий, эпизоотий, а также в деле распространения общего и духовного образования, сельскохозяйственных инноваций и пр.

---

¹ Ласков Ю. И. Статистический и исторический материал по сельской медицине в Акмолинской обл. за 1884–1910 гг. Омск, 1911.

² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: в 89 т. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1904. Т. 79. Томская губерния; 1904. Т. 81. Акмолинская область; 1905. Т. 78. Тобольская губерния.

³ Однодневная перепись начальных школ в [Российской] империи, произведенная 18 янв. 1911 г. СПб., 1914. Вып. 12/15: Азиатская Россия (Западно-Сибирский учебный окр., Восточная Сибирь, Приамурский край и Туркестан).

Разновидностью справочных материалов можно считать тематические библиографические указатели В. И. Межова, М. К. Азадовского, Н. Н. Аблова, А. А. Богдановой, Н. П. Матхановой, а также многочисленные указатели содержания периодических изданий¹. Библиографические указатели помогли вычленивать из огромного массива опубликованных источников материалы по проблематике нашего диссертационного исследования, ряд малоизвестных работ, имеющих исследовательскую ценность.

Периодическая печать – источник, который носит комплексный характер. Материалы периодической печати включают в себя официальные документы, письма, статистические материалы, публицистические очерки и заметки, фельетоны и некрологи, отражающие многие стороны жизнедеятельности сельской интеллигенции. Нами были востребован фактологический материал, отраженный в публикациях региональных периодических изданий. Тексты выявлены в результате выборочного просмотра периодических изданий. Это газеты «Восточное обозрение» (1885, 1894, 1896–1897, 1899–1902 гг.), «Жизнь Алтая» (1911–1912 гг.), «Сибирская жизнь» (1908, 1913–1914 гг.), «Сибирский вестник» (1903–1904 гг.), «Сибирский листок» (1903–1904, 1906, 1908 гг.), «Сибирь» (1907 г.), «Степной край» (1894–1895 гг.), «Томские губернские ведомости» (1901 г.); журналы «Алтайский крестьянин» (1913–1914 гг.), «Сибирская деревня» (1914 г.), «Сибирские вопросы» (1907–1911 гг.). Востребована и информация, опубликованная в местных церковных изданиях – «Омских епархиальных ведомостях» (1908–1909 гг.), «Тобольских епархиальных ведомостях» (1886, 1891, 1893–1896, 1906, 1910 гг.), «Томских епархиальных ведомостях» (1885–1889, 1891–1893, 1896, 1913 гг.). Используются публикации отраслевой периодики – миссионерского журнала «Православный благовестник» (1906 г.), педагогических журналов «Вестник воспитания» (1896–1897 гг.), «Русская школа» (1903, 1908, 1915 гг.), медицинской газеты «Сибирский врач» и журнала «Сибирские врачебные ведомости» (1904 г.), а также издания по ветеринарии – «Архива ветеринарных наук» (1914 г.).

В процессе исследования мы обращались к периодическим изданиям, имеющим различную политическую направленность, ориентированные на разную целевую аудиторию,

---

¹ Межов В. И. Сибирская библиография. СПб., 1892–1903. Т. 1–3; Азадовский М. К. Сибирь в художественной литературе. Иркутск, 1927. Вып. 1; Аблов Н. Н. Педагогическая периодическая печать (1803–1916): библиогр. обзор. М., 1937; Богданова А. А. Сибирская тема в периодической печати, альманахах и сборниках XIX в. (1800–1900). Новосибирск, 1970; Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX в. Новосибирск, 2010; и др.

для того, чтобы более объективно реконструировать историю сельской интеллигенции. Однако мы учитывали, что периодическая печать не только отражает явления, произошедшие в действительности, но и формирует определенное отношение читателей к описываемым событиям. Поэтому материалы, публикуемые на страницах периодических изданий, с одной стороны, являются откликом на самые актуальные проблемы, а с другой, предполагают проверку описываемого с помощью других видов исторических источников.

Системообразующей для периодики разновидностью материалов нужно признать напечатанные в газетах и журналах публицистические сочинения. Их можно подразделить на корреспонденции и тематические очерки. Они чаще всего принадлежат перу представителей самой сибирской интеллигенции, реже – крестьянства. Люди, хорошо знавшие изучаемый нами предмет и имевшие о нем заинтересованное суждение, по свежим следам отображали и оценивали процессы, происходившие в селах региона¹.

Источники личного происхождения. Значимым для раскрытия темы диссертации оказалось для нас изучение *переписки* литератора Г. Д. Гребенщикова², письма петербургскому исследователю и библиотекарю Х. М. Лопарёву от его родственников и знакомых из Тобольской губ., в частности, от П. И. Лопарёва и Н. С. Скрипунова³. В письмах содержатся сведения об условиях педагогической деятельности, а также о работе писарей в сельской местности Зауралья.

Воспоминания и дневниковые записи как действующих, так и бывших педагогов (Ф. Д. Останина, А. И. Редикарцевой, А. М. Топорова, М. В. Чевалкова, И. К. Чувашевой и др.)⁴ позволяют выявить личностные характеристики учителей, охарактеризовать их внутригрупповые взаимоотношения, а также взаимодействие с другими группами сельской интеллигенции, с крестьянами в рамках как профессиональной, так и общественной деятельности.

---

¹ Н. Г. Педагогические съезды в Тобольской епархии в 1891 г. // Тобольские епархиальные ведомости (далее – ТобЕВ). 1891. № 23/24. Ч. неофиц. С. 520; Г-нов И. О необходимости педагогического съезда для учащихся // Степной край. 1894. 30 янв.; Е-в С. Врачебная помощь в деревне // Сиб. вопросы. 1909. № 9. С. 38; Сибирское лечение психоза // Сиб. вопросы. 1911. № 13/14. С. 46; и др.

² Гребенщиков Г. Д. Н. Белослюдову // Собр. соч. Барнаул, 2005. Т. 30, ч. 1. С. 33–34.

³ Самаровский петербуржец: письма сибиряков к Х. М. Лопарёву / ред.-сост. В. К. Белобородов. Ханты-Мансийск, 2008.

⁴ [Останин Ф. Д.] Из воспоминаний о детстве и юности «История – вечно живая память народа» // Зверева К. Е., Зверев В. А. Как Сибирь училась читать. Прил. С. 190–214; Из воспоминаний учительницы Анны Иоанновны Редикарцевой (Бакалдиной) – о передвижных школах // Школа Тобольской губ. в XVIII – начале XX в. Тюмень, 2001. С. 160–163; Топоров А. М. Я – учитель: воспоминания. М., 1980; Чевалков М. В. Памятное завещание: автобиография миссионера АДМ. М., 1894; Чувашева И. К. Слава Богу за всё: воспоминания деревенской учительницы. Новосибирск, 2008; и др.

Актуальными для нашего исследования являются автобиографические записки бывшего чиновника по крестьянским делам в Мариинском окр. Томской губ. Н. К. Зинина¹, купца крестьянского происхождения (из-под Тюмени) Н. М. Чукмалдина², выросшей в крестьянской семье в Курганском уезде Тобольской губ. Ф. С. Глухих³. Они отобрали в своих произведениях направления деятельности сельских интеллигентов и дали некоторым из них персональные характеристики.

Нами были востребованы материалы мемуаров, дневников и записок исторического содержания священнослужителей, публиковавшихся в церковной периодике. Записки и дневники миссионеров Алтайской духовной миссии нами были выявлены в ГААК (ф. 164). Записки алтайского миссионера протоиерея В. И. Вербицкого собраны воедино в опубликованном недавно сборнике⁴. Историк Н. П. Матханова, характеризуя мемуары миссионеров, отметила, что руководители миссии обязывали сотрудников писать дневники-отчеты о своих действиях, но этим текстам были присущи черты личного дневника⁵. Массив источников личного происхождения, авторами которых были миссионеры, весьма представительен, но по содержанию они схожи, содержат аналогичные сюжеты и сходные оценки.

Художественные произведения. В качестве источников нами были привлечены литературные произведения, созданные в одном временном промежутке – в конце XIX – начале XX в. Мы использовали тексты сибирских писателей, популярность трудов которых свидетельствовала об актуальности описываемых проблем (Г. А. Вяткин, Г. Д. Гребенщиков, А. И. Ершов, А. И. Жилияков, С. И. Исаков, Е. Н. Пермитин)⁶.

Исследовательница Е. Н. Цимбаева пишет, что в художественных произведениях «в живых образах раскрываются идеология, быт, психология, язык избранной автором эпохи и сферы жизни, и все это превращает литературу в источник по истории общественной

---

¹ Зинин Н. К. Воспоминания из сибирской жизни 1887–1892 гг. СПб., 1895.

² Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания: избр. произведения. Тюмень, 1997.

³ Глухих Ф. С. Из неведомого мира // Красен человек ученьем: материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1995. С. 72–75.

⁴ Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священника Василия Вербицкого / сост. И. Кропачев. Новокузнецк, 2008.

⁵ Матханова Н. П. Указ. соч. С. 81.

⁶ Вяткин Г. А.: 1) На ниве народной: (из записок сибирского учителя) // Вяткин Г. А. Открытыми глазами. Омск, 1985. С. 58–74; 2) Праздник // Вяткин Г. А. Открытыми глазами. С. 103–113; Гребенщиков Г. Д.: 1) Егоркина жизнь: автобиограф. повесть. Барнаул, 2004; 2) Нахал // Отголоски сибирских окраин: рассказы первые. Семипалатинск, 1906. С. 39–64; 3) Отец Порфирий // Избр. произведения. Томск, 2004. Т. 1. С. 163–175; Ершов А. И.: 1) Лесной голод // Избранное. Новосибирск, 1946. С. 41–50; 2) Просветители // Избранное. С. 69–98; Пермитин Е. Н. Первая любовь // Жизнь Алексея Рокотова. М., 1986. Кн. 2; и др.

жизни»¹. Однако мы учитывали, что художественная литература, с одной стороны, отражала некоторые аспекты существовавшей реальности, а с другой – способствовала формированию у читателей реальности новой, субъектно окрашенной; являлась способом формирования мировоззрения, привлечения внимания общественности к вопросам, волновавшим писателей и общество.

Обозначенный нами круг источников различного происхождения концентрирует в себе фактический материал, достаточный, как мы считаем, для решения поставленных в настоящем исследовании задач. Различные группы привлеченных нами источников дополняют или уточняют, в ряде случаев перекрестным образом корректируют в целом достоверную историческую информацию по теме нашего исследования.

Методологической основой диссертационной работы являются принципы историзма и системности. *Историзм* – принцип, являющийся методологическим выражением саморазвития действительности в плане ее направленности по оси времени в виде целостного непрерывного единства таких состояний (временных периодов), как прошлое, настоящее и будущее². Поэтому западносибирская сельская интеллигенция рассматривается нами как динамично развивающаяся общность, которая с момента своего формирования постоянно изменяла свои качественные и количественные характеристики.

Принцип *системности* (подразумевающий, в частности, применение системно-структурного и системно-функционального подходов), ориентирует исследователя на раскрытие целостности сложного объекта, на выявление многообразных типов связей объекта изучения, сведение их в единую картину, раскрытие внутренних механизмов функционирования объекта³. Сельская интеллигенция Западной Сибири рассматривается нами как неотъемлемая часть российской и региональной сибирской интеллигенции, имевшая сложный состав, но обладавшая в изучаемый период рядом единых качественных характеристик. Учет функциональной специфики умственного труда позволил определить социальные границы интеллигенции, выявить территориальные, профессиональные, квалификационные, демографические элементы ее структуры, обозначить их

---

¹ Димбаева Е. Н. Исторический анализ литературного текста. М., 2005. С. 5–6.

² Философия для аспирантов / Е. В. Золотухина, В. П. Кохановский, Т. Г. Лешкевич, Т. Б. Фатхи. Изд. 2-е. Ростов н/Д, 2003. С. 314.

³ Там же. С. 198.

количественные и качественные параметры¹. Общность этих групп проявлялась в единых закономерностях их развития в конкретных исторических условиях, в сущностном сходстве задач их профессиональной и общественной деятельности, в их тесном межгрупповом взаимодействии.

Ориентация исследования на применение *междисциплинарного подхода* обусловила обращение к теоретическим выводам и обобщениям историков, социологов, культурологов, представленных в следующих теориях и концепциях.

1. *Теория модернизации традиционного общества*. Относительно темы диссертации приемлемо понимание модернизации как процесса, «посредством которого традиционные, аграрные общества трансформируются в современные индустриальные»². Основные положения теории модернизации традиционного общества привлекаются отечественными специалистами при изучении истории в рамках как всей России (А. С. Ахиезер, Т. Ф. Ермоленко, В. А. Красильщиков, Б. Н. Миронов, И. В. Побережников и др.), так и таких ее крупных регионов, как Сибирь (Ю. М. Гончаров, В. А. Зверев, В. П. Зиновьев, А. К. Кириллов, В. А. Скубневский, Т. К. Щеглова и др.). Применяется она, в частности, для изучения истории крестьянства Сибири (В. А. Ильиных, Г. А. Ноздрин, А. Н. Сагайдачный и др.).

Ключевой для нашего исследования стала модель модернизационного анализа, предложенная историком И. В. Побережниковым, которую он определил как пространственно-ориентированную³. Эта модель признает значимость «природно-географических условий как факторов модернизации», тесных взаимосвязей между общей (страновой) динамикой модернизации и динамикой региональной структуры. Реконструируя деятельность сельской интеллигенции Западной Сибири на рубеже XIX–XX столетий, мы опирались также на положение о том, что в процессе модернизации особая роль принадлежит социальным акторам, которые всегда обладают «возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства», что «индивиды и социальные коллективы должны рассматриваться в качестве конечных

---

¹ *Осташко Т. Н.* Функциональный подход к изучению интеллигенции // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII–XX вв.). Омск, 1995. Т. 1. С. 8–9.

² См.: *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу. С. 59.

³ Там же. С. 233–234.

двигателей изменений»¹. Интеллигенция выступала катализатором, а в некоторых случаях и локомотивом, модернизационных процессов в исследуемой нами сельской местности.

Возникновение интеллигенции некоторые исследователи связывают с модернизационными процессами, произошедшими в стране в результате либеральных реформ второй половины XIX в.² Считаем, что модель модернизационного анализа, предложенная И. В. Побережниковым, дает возможность достаточно эффективно отразить процесс формирования и развития сообщества сельской интеллигенции, охарактеризовать направления ее деятельности на заре модернизации в сибирской деревне. Формирование и пополнение данной общности происходило на протяжении всего исследуемого нами периода выходцами из разных общественных слоев, что свидетельствовало о переходных процессах в стране. Это положение позволяет проанализировать и понять направления деятельности интеллигенции, которая осваивала роль института социокультурной модернизации, выполняла роль транслятора инновационных знаний, образцов поведения в селе.

2. Актуальными для нашего исследования стали *теории идентичности*. Автором одной из востребованных теорий является английский психолог Г. Тэджфел. Он отмечал, что люди оценивают себя по объективным и осознаваемым критериям. В тех случаях, когда критерии недостижимы, наблюдается запуск механизма социального сравнения с другими. Тэджфел пишет, что «человеку для ощущения собственной ценности и целостности необходимо чувство принадлежности к группе, параллельно с которым возникает межгрупповая дифференциация». При этом, по мнению исследователя, социальное сравнение является механизмом, актуализирующим и развивающим социальную идентичность. Социальное сравнение трактуется как действия дифференциации собственной группы от чужой. Это происходит в результате оценивания членов своей группы по отношению к чужим. Социальная идентичность может быть как позитивной, так и негативной. Такая ситуация возникает в связи с тем, что членство в группах связано с позитивной или негативной социальной оценкой. Соответственно, одна из основных закономерностей в динамике социальной идентичности – это стремление человека, в зависимости от ситуации, к достижению или сохранению «позитивной

---

¹ Там же. С. 233.

² См., например: *Хорос В. Г.* Русская история в сравнительном освещении [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Horos/06.php (дата обращения: 29.06.2014).

социальной идентичности на основе благоприятных, социально значимых отличий своей группы от другой. Различные социальные миры влияют на индивидуальный способ видения мира и особенности поведения человека в них». В соответствии с этим существует «межличностный – межгрупповой континуум поведения человека». В первом случае, отмечает Г. Тэджфел, человек действует независимо на основе собственных критериев. Во-втором – индивид действует как член группы, выполняющий ее требования. Человек отождествляет себя с социальными категориями, как широкими (класс, раса, этнос, пол, вероисповедание), так и узкими (профессиональные группы, группы по интересам и т. д.). Эти категории определяют его статус. Для человека каждая из категорий означает членство в группе¹.

Теория идентичности, разработанная Г. Тэджфелом, актуальна для нашего исследования, так как предоставляет возможность исследовать процесс формирования идентичности сельской интеллигенции Западной Сибири исследуемого периода. Теория позволяет проанализировать профессиональную и общественную активность интеллигентов, их внутригрупповое взаимодействие, взаимоотношения с сельскими жителями и представителями власти с целью выявления общих поведенческих установок, моральных ценностей у представителей исследуемой социальной общности. Теория Г. Тэджфела дают возможность идентифицировать сельских интеллигентов как обособленную группу в сельском социуме, а также как составную часть интеллигенции Западной Сибири и России в целом.

При работе с текстами источников использовались следующие общенаучные методы исследовательской работы: *сравнение, анализ, синтез, описание, метод реконструкции, а также элементы контент-анализа*. Наряду с этим нашли применение следующие специально-исторические методы.

1) *Проблемно-хронологический метод* использовался нами для разработки структуры работы, при постановке задач, а также в качестве основы систематизации материала в историографическом разделе диссертации.

---

¹ *Tajfel H.* Human groups and social categories. Cambridge, 1981. См. также: *Агеев В. С.* Социальная идентичность личности [Электронный ресурс]. URL: http://anastasiya-shulgina.narod.ru/book_456/book_14.htm (дата обращения: 14.07.2014); *Матузкова Е.* Универсализация понятия «идентичность» в социогуманитарном знании XX в. [Электронный ресурс]. URL: http://liber.onu.edu.ua:8080/bitstream/123456789/3769/1/dialog15_165-174%2B.pdf (дата обращения: 15.07.2014).

2) *Историко-генетический метод* позволил выявить причинно-следственные связи, закономерности и многие конкретные детали процесса вовлечения интеллигенции в профессиональную и общественную деятельность в сельской местности, в том числе по распространению просвещения и сельскохозяйственных знаний.

3) *Историко-типологический метод* в настоящей работе предполагает дифференциацию представителей сельской интеллигенции по ряду признаков: профессия, образование, социальное происхождение, вероисповедание, уровень доходов и пр.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что оно является первым в историографии специальным обобщающим исследованием по истории сельской интеллигенции Западной Сибири конца XIX – начала XX в. Автором предложена трактовка понятия «сельская интеллигенция». Выявлен и проанализирован массив отечественной и зарубежной исследовательской литературы по теме исследования и ряду смежных вопросов. Выявлен и впервые введен в научный оборот широкий круг исторических источников (в том числе неопубликованных) по теме исследования. Установлены и объяснены факторы, тенденции, формы и результаты исторического развития изучаемого объекта в его количественном и качественном измерениях. Впервые комплексно выявлены и описаны основные черты социального портрета сельской интеллигенции. Охарактеризованы корпоративные взаимоотношения интеллигенции, а также отношения этой социальной группы с крестьянами. В работе доказано, что интеллигенты оказывали положительное воздействие на модернизационные процессы в сельском хозяйстве края. Определены направления и методы распространения интеллигенцией общего и духовного образования в процессе профессиональной и общественной деятельности, которые частично совпадали с общероссийскими тенденциями, а некоторые были инновационными, возникали под влиянием местных факторов.

Наука обогащена неизвестными ранее фактами, в том числе об общественной деятельности сельской интеллигенции, ее участии в распространении модернизационных процессов в деревне Западной Сибири, об особенностях корпоративных взаимоотношений интеллигентов, а также их отношений с крестьянами. Полученные результаты позволили аргументировать вывод о том, что полипрофессиональное сообщество сельской интеллигенции способствовало улучшению социокультурной ситуации села,

являлось транслятором актуальных для начальной фазы модернизации русской деревни моделей поведения и способов хозяйствования.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что она является первым в историографии специальным обобщающим исследованием по истории сельской интеллигенции Западной Сибири конца XIX – начала XX в. Автором предложена уточненная трактовка понятия «сельская интеллигенция». В научный оборот введен широкий круг архивных документов, многие из которых ранее не привлекались исследователями. Выявлены и объяснены факторы, тенденции, формы и результаты исторического развития изучаемого объекта в его количественном и качественном измерениях. Впервые комплексно выявлены и описаны основные черты социального портрета сельской интеллигенции. Охарактеризованы корпоративные взаимоотношения интеллигенции, а также отношения этой социальной группы с крестьянами. В работе доказано, что интеллигенты оказывали положительное воздействие на модернизационные процессы в сельском хозяйстве края. Определены направления и методы распространения интеллигенцией общего и духовного образования в процессе профессиональной и общественной деятельности, которые частично совпадали с общероссийскими тенденциями, а некоторые были инновационными, возникали под влиянием местных факторов. Наука обогащена неизвестными ранее фактами, в том числе об общественной деятельности сельской интеллигенции, ее участии в распространении модернизационных процессов в деревне Западной Сибири, об особенностях корпоративных взаимоотношений интеллигентов, а также их отношений с крестьянами.

Результаты исследования могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории российской интеллигенции, интеллигенции Западной Сибири, в работах, посвященных региональной истории культуры, образования и просвещения, церкви, медицины, ветеринарии, при разработке учебных программ и написании учебных пособий по истории интеллигенции Сибири, региональной истории культуры, аграрной истории в высшей и средней профессиональной школе. Перспективным представляется использование материалов диссертационного исследования в краеведческой (исследовательской, музейной и просветительской) деятельности в современном селе. Некоторые направления общественно-просветительской деятельности интеллигенции, применявшиеся на рубеже XIX–XX вв., могут быть актуальными и в настоящее время.

Основные положения, выносимые автором диссертации на защиту:

1. С середины 80-х гг. XIX в. происходили формирование, количественный рост и усложнение профессиональной структуры социального слоя сельской интеллигенции в Западной Сибири. В период с 1897 до 1914 г. численность его представителей выросла в 1,8 раза – с 6 тыс. до 11 тыс. человек, что соответствовало общей динамике увеличения численности сельского населения региона. Среди сельской интеллигенции преобладали мужчины православного вероисповедания в возрасте 20–39 лет, имевшие начальное, реже – среднее образование. Благосостояние интеллигенции со временем повышалось, однако оставалось неудовлетворительным.

2. Социальный портрет сельской интеллигенции Западной Сибири как региональной части социального слоя интеллигенции России содержит следующие характеристики, присущие интеллигенции в целом и позволяющие говорить о ее идентичности: стремление к служению народу, высокие нравственные идеалы, и в то же время – неустроенность быта, бесправное положение. Позитивным социальным и этическим стандартам соответствовала основная, «ядерная» часть слоя сельских интеллигентов, принимавшая участие в просветительской деятельности (зачастую в инициативном порядке), оказании медицинской помощи всем нуждающимся в ней, устройстве праздничных мероприятий для крестьян. Однако относительно многочисленным был периферийный круг «полуинтеллигентов», не соответствовавших установившимся в российском обществе стандартам профессионализма, социальной активности и нравственности.

3. Сельская интеллигенция Западной Сибири являлась общественной силой, которая осознавала, что в условиях протекавших модернизационных процессов необходимо осуществить культурные и социально-экономические преобразования в деревенской местности. Выступая проводником инновационных знаний и преобразований, интеллигенция в то же время способствовала сохранению духовных ценностей крестьянского сообщества (уважительного отношения к старшим, взаимопомощи, профилактики антисоциального поведения), передаче их последующим поколениям, что может свидетельствовать о том, что интеллигенция сама являлась носителем традиционных ценностей и моделей поведения.

4. Распространение общего и духовного образования было одним из приоритетных направлений профессиональной и общественной деятельности сельских интеллигентов,

что было обусловлено и предписаниями властных структур, и личной инициативой многих интеллигентов. Интеллигенция рассматривала просветительство как действенный способ улучшения культурного и экономического положения крестьянства.

5. Интеллигенция выступала транслятором и катализатором внедрения сельскохозяйственных инноваций в сельской местности – использования сельскохозяйственных машин, удобрений, улучшенных семян и пород скота, устройства показательных пасек, посевных полей и огородов, теплых загонов для животных, организации артелей и кооперативов. Личный пример хозяйственной деятельности интеллигентов способствовал приобщению определенной части крестьян к полезным сельскохозяйственным новшествам.

6. Корпоративное общение интеллигентов в профессиональной сфере регламентировалось должностными предписаниями. Интеллигенция взаимодействовала также в процессе общественной деятельности: во время организации просветительских мероприятий, оказания медицинской помощи крестьянам и т. д. Взаимные симпатии, общность интересов определяли и досуговое времяпровождение интеллигентов, которые устраивали творческие вечера, ходили друг к другу в гости, организовывали совместные семейные праздники. Обособленность интеллигентов от крестьян во время досугового времяпровождения подчеркивала их идентичность, определенную «инаковость» в социальной структуре сельского сообщества.

7. Взаимоотношения интеллигенции с властными органами отражали общероссийские тенденции, что проявлялось в конфликтах, недопонимании, ущемлении интересов интеллигенции. Однако в связи с удаленностью сельских населенных пунктов от административных центров, малочисленности грамотного населения в деревенской местности интеллигенты вынуждены были сотрудничать с властью, выступать ее представителями, в том числе при решении проблем модернизационного характера. Взаимоотношения интеллигенции с властью – важный компонент формирования идентичности интеллигенции.

8. На взаимоотношения интеллигенции и крестьянства существенное влияние оказывали явные различия в социальном статусе этих групп населения, личностные характеристики интеллигентов, сложившиеся традиции отношений интеллигентов и крестьян в конкретном селении. Доминировали отношения интеллигенции и крестьян, строящие-

ся на симпатии, взаимопонимании и уважении. Многие интеллигенты успешно сотрудничали с жителями села, были для них примером для подражания. Однако иногда возникали конфликты между сельским обществом и интеллигентами в связи с тем, что крестьяне должны были предоставлять интеллигенции квартиры и выплаты, финансировать ее проекты по устройству школ, лечебниц и церквей, что для деревенских жителей было обременительно. Возникали противоречия также в связи с злоупотреблением отдельных интеллигентов служебным положением.

Апробация результатов исследования. Содержание диссертационной работы изложено в 15 научных публикациях, четыре из которых помещены в изданиях, рекомендуемых ВАК при Минобрнауки РФ. Основные положения докладывались и получили одобрение на восьми научных конференциях в Новосибирске. Две из них имели международный статус: XLVIII и XLIX Международные научные студенческие конференции «Студент и научно-технический прогресс» (2010, 2011 гг.). Всероссийский уровень имели пять конференций (2010 г. – «Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве» и «Наука. Технологии. Инновации»; 2011 г. – «Интеграция исторического и образовательного пространства»; 2013 г. – «Восток – Запад: проблемы взаимодействия»; 2014 г. – «История и историография России и Сибири в исследовательском и образовательном контекстах»); региональный статус имела одна («Восток – Запад: проблемы взаимодействия», 2010 г.).

Структура диссертации. Диссертация общим объемом 254 с. состоит из введения, двух глав (включающих 7 параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1.
ЗАПАДНОСИБИРСКАЯ СЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
КАК РЕГИОНАЛЬНАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА

1.1. Исторические условия формирования сельской интеллигенции в регионе

Данный параграф носит в основном обобщающий характер. В его основу легли исследования, посвященные истории отечественной интеллигенции, истории сибирской деревни и крестьянства Сибири. Использовались также материалы работ, освещающих особенности развития России и Сибири в изучаемый период. Научные результаты, полученные нашими предшественниками, ставшие уже классическими, дополнены нами с учетом достижений современных авторов и некоторых источников.

Анализируя условия, предопределившие возникновение сельской интеллигенции в Западной Сибири в конце XIX в., мы выделили следующее: влияние географических и природно-климатических факторов, социально-политических, экономических предпосылок и этическое самоопределение интеллигентов.

Географическая специфика Западной Сибири оказала заметное влияние на формирование и развитие сельской интеллигенции региона. Общеизвестно, что Западная Сибирь представляла собой громадную территорию, удаленную от центра государства. Кроме того, населенные пункты часто находились в отдаленном расстоянии друг от друга. Согласимся с исследователем В. А. Зверевым в том, что эти условия оказывали влияние на состояние социальной инфраструктуры сельской местности: транспортная и информационная сеть, структура медицинских, образовательных, просветительных и церковных учреждений были развиты на восточных окраинах слабо, в том числе и по географической причине¹.

Естественно, что такая ситуация оказывала влияние на формирование сельской интеллигенции. Огромные расстояния, отсутствие развитой транспортной системы в регионе приводили к относительной изоляции отдельных его частей, препятствовали корпоративному общению интеллигенции разных сел, затрудняли сообщение с культур-

---

¹ Зверев В. А. Региональные условия воспроизводства... С. 10.

ными центрами края – городами. Приходские храмы располагались отдаленно от большинства деревень. Система образовательных учреждений в Сибири находилась на стадии формирования. На гигантской площади Западной Сибири располагались большие территории ветеринарных, врачебных округов и медицинских участков, на которых проживало многочисленное сельское население. Так, исследователь А. Н. Сикорский отмечает, что на одного ветеринарного врача в Западной Сибири приходилась в 12 раз большая территория обслуживания и в 3 раза большая численность домашних животных, чем в земских губерниях Европейской России¹.

Географические особенности расположения исследуемой территории влияли на состояние нравственности крестьян, которое признавалось сибирскими властями неудовлетворительным². Сельское сообщество, как своими силами, так и при помощи активного вмешательства сельских интеллигентов решало многие дела по проступкам отдельных крестьян. Таким образом, географическая специфика региона оказывала влияние на направление профессиональной и общественной деятельности сельской интеллигенции.

Все вышеназванные факторы способствовали тому, что представители городской сибирской интеллигенции, образованные люди из центральных районов страны считали сельскую местность Западной Сибири непривлекательной для жизни и профессиональной деятельности. В связи с этим государственными властями проводились мероприятия по увеличению численности интеллигенции в Сибирском регионе.

Обратим внимание на тот факт, что жители различных местностей Западной Сибири в исследуемый период находились на разном уровне культурного и экономического развития, что зачастую было связано с географическим расположением населенного пункта по отношению к *транспортным путям*. Известно, что население Сибири предпочитало селиться в районе почтовых и коммерческих путей сообщения. Более интенсивно до конца XIX в. осваивались территории, располагавшиеся вдоль Московско-Сибирского тракта³. В притрактовой полосе значительно сильнее, чем в других местах Сибири, были развиты торгово-денежные отношения: они не только делили сельское общество на богатых и бедных, но и способствовали возникновению в нем

---

¹ Сикорский А. Н. Указ. соч. С. 11.

² Там же. С. 12.

³ Катионов О. Н. Указ. соч. С. 422.

новых капиталистических¹. Рынок в зоне Московско-Сибирского тракта демонстрировал выраженную тенденцию к специализации². Согласимся с исследователем О. Н. Катионовым, что в селениях, находящихся поблизости с городами или оживленными дорогами, крестьяне были более восприимчивы к инновациям, чем сельское население, которое находилось в «забочных» местностях³. Таким образом, в подобных селениях наблюдалась большая численность интеллигенции, так как они были более привлекательны для интеллигенции, а, следовательно, вакантные места быстрее замещались, чем в тех деревнях, которые находились в отдалении от транспортных артерий.

География расположения региона была такова, что он находился в транзитном положении. По многим участкам Западной Сибири проходили важнейшие транспортные пути, по которым перемещались переселенцы в более отдаленные части Сибири, что нередко являлось причиной распространения опасных заболеваний в регионе. Кроме того, по территории Западной Сибири прогонялись многочисленные гурты скота, зачастую зараженного разного рода болезнями. В связи с этим требовались меры государства по увеличению количества духовенства, ветеринарного и медицинского персонала, которые оказывали бы помощь не только жителям тех сел, в которых они трудились, но и проезжающих транзитом, а также прогонному скоту.

Определим влияние *природно-климатических* условий на развитие слоя сельской интеллигенции Западной Сибири. При наличии ряда общих черт естественные условия отдельных местностей сильно отличались друг от друга. Наиболее благоприятной для хозяйственной деятельности крестьян была природа Алтая. В то же время имелись обширные местности с недостатком леса и доступных резервуаров питьевой воды: Степной край, некоторые участки Кулундинской степи и Барабы. Кроме того, на территории исследуемого региона располагались значительные по площади северные местности, которые были малопригодными для хозяйственной деятельности: Сургутский и Березовский округа Тобольской губ., Нарымский край в Томской губ.⁴

Многообразие почвенно-климатических условий в Западной Сибири не позволяло создать единую систему полеводства, а также животноводства. Урожайность зерновых в

---

¹ История Сибири с древнейших времен... С. 63.

² Катионов О. Н. Указ. соч. С. 429.

³ Там же. С. 494.

⁴ Зверев В. А. Региональные условия воспроизводства... С. 15.

Сибири не отличалась устойчивостью¹. Агрономическая культура переселенцев из центральных районов страны нередко кардинально отличалась от той, которая существовала в Западной Сибири, возникала потребность в специалистах, которые могли бы знакомить крестьян с современными для того времени технологиями ведения хозяйства. Все это способствовало зарождению агрономической и ветеринарной служб.

Историком В. А. Зверевым отмечено, что природно-климатические условия Сибири влияли на состояние здоровья населения региона. На исследуемой нами территории располагались как благоприятные для жизни человека местностями, так и районы с экстремальными климатическими условиями, которые способствовали распространению эндемических заболеваний². Вышеперечисленные факторы способствовали расширению медицинского штата в регионе, а также вовлечению разных отрядов сельской интеллигенции в занятие медицинской деятельностью.

В конце XIX – начале XX в. был издан ряд *правительственных законов*, оказавших влияние на формирование сообщества сельской интеллигенции Западной Сибири. При помощи законодательных актов регламентировалась численность интеллигенции, определялись практически все стороны ее профессиональной деятельности. Рассмотрим законодательные распоряжения, которые оказали наиболее существенное влияние на процесс становления сельской интеллигенции в исследуемом регионе, ее профессиональную деятельность.

На процесс формирования учительства школ духовного ведомства оказали влияние «Правила о церковноприходских школах», изданные в 1884 г., а также «Правила о школах грамоты», утвержденные 4 мая 1891 г. В этих документах содержалась информация об условиях открытия школ духовного ведомства, учебных предметах, о педагогическом персонале, который должен был преподавать в этих учреждениях³. Функционирование школ Министерства народного просвещения определялось в 11-м томе Свода законов Российской империи⁴. Эти законы способствовали увеличению численности школ в регионе, а, соответственно, и численности педагогического персонала, регламен-

---

¹ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 63, 67.

² Зверев В. А. Региональные условия воспроизводства... С. 15.

³ Высочайше утвержденные Правила о церковноприходских школах // ПСЗ-III. 1884. Т. 4, № 2318. С. 372–374.

⁴ Об учебных ведомствах Министерства народного просвещения // СЗРИ. [1913]. Т. 11, ч. 2, № 3425–3468. С. 296–300.

тировали взаимоотношение представителей интеллигенции с крестьянами, а также их корпоративные отношения.

Деятельность сельского православного духовенства, в том числе и миссионеров, регламентировалась указами духовной консистории, которые публиковались как отдельными сборниками, так и на страницах церковной периодической печати. Эти законы определяли состав сельского причта, его экономическое положение, профессиональные отношения как внутри группы, так и с прочими жителями села, регламентировали общественную деятельность этой группы интеллигентов¹.

Рассмотрим важные законодательные акты, изданные властными органами, способствовавшие оформлению и других групп сельской интеллигенции. Деятельность ветеринарных и медицинских служб, введенных в регионе в 1888 г. и начале 1890-х гг. соответственно регламентировалась «Уставом врачебным»². Агрономическая служба законодательно была введена в Западной Сибири в 1911 г., что во многом было связано с очередным витком массовых крестьянских переселений. Агрономия находилась в ведении Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), а, следовательно, ее деятельность регламентировалась актами, изданными этим государственным органом³. Оформление такой группы сельской интеллигенции, как писарей волостных и сельских, происходило под воздействием развития политики государства относительно крестьянского самоуправления. Следовательно, деятельность писарей регламентировалась законами о крестьянском самоуправлении, которые были введены после 1861 г.⁴

В исследуемый период были изданы законы, которые оказали влияние на общественную деятельность сельской интеллигенции: «Правила о бесплатных народных читальнях и порядке надзора за ними» (15 мая 1890 г.), циркуляр МНП «Об устройстве народных чтений» (1891 г.), «Правила о народных библиотеках при низших учебных заведениях ведомства МНП» (18 января 1904 г.). 11 ноября 1894 г. Комитетом министров был издан указ, который позволил Министерству народного просвещения разре-

---

¹ См.: Приложение к журналам Томского епархиального съезда депутатов духовенства, бывшего в январе 1887 г. // Томские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1888. № 12. Ч. офиц. С. 6; От Томской духовной консистории // ТЕВ. 1891. № 16. Ч. офиц. С. 15; Устав духовных консисторий. СПб., 1900; Руководство для священнослужителей, церковнослужителей и приходов и выборных от прихода Томской епархии. Томск, 1914; и др.

² Устав врачебный // СЗРИ. [1857]. Т. 13, № 1–61, 116–133, 156–162, 202–232, 252–285. С. 176–185, 189–192, 194–196, 199–204, 206–212.

³ Саранулова Н. Г. Указ. соч.

⁴ Волчков В. Руководство для крестьян: сб. действующих узаконений, касающихся обществ, их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции. М., 1880.

шить интеллигентам организовывать народные чтения в сельской местности под наблюдением представителей местного духовного или учебного ведомства, что ранее было невозможно. Значимыми для активности интеллигенции стали акты как светских, так и духовных властей, связанные с регулированием трезвеннического движения¹.

Рассмотрим некоторые аспекты *административной политики* государства, которые оказали влияние на становление и деятельность полипрофессионального сообщества сельской интеллигенции. Исследователь А. В. Ремнёв отметил, что во второй половине XIX в. внимание сибирской администрации было направлено на устройство крестьянского самоуправления. В области управления крестьянская реформа 1861 г., по существу, свелась к изменению границ и числа волостей, незначительным преобразованиям в организации общественного самоуправления на волостном и сельском уровнях².

Пожалуй, одной из самых острых проблем, существовавших в организации крестьянского самоуправления, являлась, как и в предыдущие времена, проблема подбора волостных писарей. Судя материалам источников, это было связано с объемами и сложностью письмоводства. В таких условиях роль писаря, нередко более подготовленного к выполнению управленческих функций, чем остальные представители волостного правления, неизбежно возрастала. Волостной писарь в сельской местности становился проводником в крестьянские массы гражданского и уголовного законодательства. Органы крестьянского самоуправления постепенно превращались в «низшие казенные присутственные места» со сложным штатом и делопроизводством. Волостное и сельское самоуправление восполняло недостаток правительственных агентов³.

Существовала мысль, что улучшение нижнего звена управления возможно, если оно будет формироваться из писарей – выходцев из крестьянской массы, которые, как предполагалось, будут дорожить мнением односельчан. Присутствовало понимание того, что без повышения образовательного уровня деревни не возможно значительно улучшить положение крестьянского самоуправления, освободить его от зависимости от

---

¹ Алфавитный указатель... С. 217; Высочайше утвержденные правила о раздробительной продаже напитков // ПСЗ-III. 1885. Т. 5, № 2946. С. 199–209; *Андрющенко Б. К.* Винная монополия в Западной Сибири и организация казенной торговли [Электронный ресурс]. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/276/image/276-167.pdf> (дата обращения: 21.08.2014).

² *Ремнёв А. В.* Указ. соч. С. 151.

³ Там же. С. 152, 155.

пришлых писарей. Не были оставлены попытки создания специальных школ волостных писарей¹.

Отметим, что изменения в территориальном делении Западно-Сибирского региона также влияли на численность представителей слоя интеллигентов, например, увеличение числа волостей приводило к увеличению численности писарей.

Переселенческая политика самодержавия в Сибири, новый виток которой проявился с конца 80-х гг. XIX в., также стала катализатором процесса развития сельской интеллигенции Западной Сибири. Как известно, государство определило в качестве приоритетного направления крестьянский (народный) вариант колонизации Сибири, создав законодательно для этого благоприятные условия. Однако, переселяя в Сибирь малоземельных и безземельных крестьян, государство ухудшило экономическое положение региона². Как отмечали современники, одной из отрицательных сторон переселенческой политики было превращение переселенца не в предприимчивого, самостоятельного крестьянина, в котором нуждался регион, а в иждивенца, у которого отсутствовали трудовой потенциал и хозяйственная мотивация, поскольку он рассчитывал на государственные пособия³. У российских переселенцев сложности возникали в связи с низким уровнем аграрной культуры, консерватизмом в хозяйственной сфере, который усугублял их положение в сложных, специфических условиях Сибири. Сознавая «негодность российского хозяйства» в условиях Сибири, крестьяне, тем не менее, с большим трудом отказывались от традиционных приемов обработки пашни или набора зерновых культур, способов ведения животноводства, редко использовали адаптированные к местным условиям приемы хозяйственной деятельности старожилого населения⁴.

Качественные преобразования сибирской экономики требовали большого количества грамотных людей, открытия новых школ, увеличение численности педагогического персонала региона. Осознание крестьянами практической значимости грамотности приводило к тому, что количество приговоров сельских обществ об открытии школ

---

¹ Суворова Н. Г. Подготовка кадров для крестьянской администрации... С. 22–25.

² Сибирь в составе Российской империи. С. 53–54.

³ Кауфман А. А. Переселения и колонизация. СПб., 1905. С. 319.

⁴ Там же. С. 54–55.

далеко опережало возможности и желание администрации развивать школьную сеть в деревне¹.

Все вышеперечисленное оказывало влияние на формирование медицинских, ветеринарных, педагогических штатов, а также влияло на численность духовенства в регионе. Кроме того, подобная ситуация в селе Западной Сибири определяла приоритетные направления в деятельности сообщества сельских интеллигентов, которые стремились улучшить агрокультуру крестьян.

Наиболее общим процессом, определявшим возникновение и развитие слоя сельской интеллигенции Западной Сибири, была *модернизация традиционного общества*. Модернизация – сложный процесс. Согласимся с выводами исследователя С. Гаврова о том, что процесс модернизации в России отличался тотальным, всеобщим характером, распространяясь практически на все сферы человеческой жизни, включая систему ценностей, модели поведения, адаптационные стратегии личности². Как известно, модернизация предлагает преобладание нового над традиционным; рациональность; светский характер общественной жизни; поступательное, нециклическое развитие; выделенную персональность; преимущественную ориентацию на инструментальные ценности; демократическую систему власти; наличие отложенного спроса; активный деятельный склад жизни³. Модернизационный процесс, затрагивая разнообразные стороны жизни социума, способствовал разрушению и отмиранию старых и возникновению новых элементов. Развитие товарно-денежных отношений приводило к изменению традиционных взглядов крестьян на цели и способы ведения своего хозяйства, усиливая его рациональные начала.

Следует обратить внимание на то, что под воздействием модернизации происходили изменения и в самом сельском социуме, механизмах его регулирования. Историк В. А. Зверев отметил, что социализация молодых поколений в традиционном обществе, ориентированная на формирование заданных «по старине» параметров личности и возрастной когорты, социальной группы редко давала сбои и в основном достигала

---

¹ Зверева К. Е. Развитие потребности в просвещении... С. 57.

² Гавров С. Социокультурная традиция и модернизация российского общества [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/gavr/02.php (дата обращения: 21.08.2014).

³ Федотова Ф. Г. Указ. соч.

своей цели¹. Однако в период модернизации существовавшие ранее образцы теряют свою актуальность, часть населения становится подверженной антисоциальному поведению. В связи с этим возникает потребность в силе, способной сгладить, а по возможности и предотвратить подобные процессы, предложив современные и в то же время понятные крестьянам образцы поведения. Такой силой в деревне выступила сельская интеллигенция, а в особенности такие ее представители, как духовенство и учительство. Эти группы интеллигенции в своей профессиональной и общественной деятельности озаботились духовно-нравственным воспитанием крестьян, в особенности детей школьного возраста.

Значимым направлением процесса модернизации в России на рубеже XIX – начала XX в. становилась *урбанизация*, при которой наблюдался рост городов и городского населения, проникновение городского образа жизни из городов в деревенскую местность. В исследуемый нами период численность городского населения увеличивалась. Так, в период с 1897 по 1914 г. в Западной Сибири, без учета Семипалатинской обл., численность горожан увеличилась, по подсчетам исследователей, в 2,5 раза, а количество сельского населения подросло только в 2 раза². Это свидетельствует о начале урбанизационных процессов в регионе. Численность горожан повышалась, но оставалась небольшой по отношению к жителям села. Если рассматривать отдельные субрегионы Западной Сибири, то городское население в Акмолинской обл. в 1897 г. составляло 10,9 % от общего числа жителей, а в 1914 г. – 13,6 %. В Тобольской губ. в 1897 г. горожан было 6,1 %, к 1914 г. этот показатель составил 7,4 %. В Томской губ. в 1897 г. доля городского населения составила 6,6 %, а к 1914 г. увеличилась до 8,8 % от общего числа жителей губернии³.

Города в Сибири к началу XX в. становились катализаторами социальных и культурных перемен⁴. Под «урбанизацией» нами понимается процесс, изменяющий все стороны общественной жизни, в том числе и производственной, систему размещения производства, расселения людей, структуру занятости, качество населения, менталитет,

---

¹ Зверев В. А. Люди детные. С. 211.

² Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск, 1997. С. 19.

³ Подсчитано по: Зверев В. А. Население // Историческая энциклопедия Сибири. [Т. 2]: К–Р. С. 434–436.

⁴ Дегальцева Е. А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX в. Бийск, 2005. С. 74.

стиль жизни и многое другое¹. В территориальных процессах город, являвшийся административным центром, выступал в качестве регионообразующего фактора, соединяя отдельные местности административно и экономически². Кроме того, город оказывал социальное влияние на сельское население. Особо влияние урбанизационных процессов ощущалось в ближайших к городам населенных пунктах, выражаясь в распространении городской культуры и городского стиля жизни. В таком понимании урбанизация тесно связана с модернизацией традиционного общества, является ее важным компонентом.

В изучаемый нами период усиливались связи между городом и селом и, как следствие, влияние города на деревню, на сельскую жизнь возрастало. Это проявлялось не только в возникновении в крупных селах промышленных предприятий, распространении городской одежды, но и в большем понимании пользы грамотности и книг, распространении литературы светского характера, в заботе об устройстве школ, библиотек. Последние, ранее считавшиеся частью исключительно городской инфраструктуры, становились важной составляющей культурной жизни сибирского села³.

Отметим, что важнейшими адептами городской культуры и городского образа жизни в сельской местности Западной Сибири были представители различных групп сельской интеллигенции. Некоторые из них являлись горожанами по рождению или, оказавшись в городе на время обучения в учебных заведениях, посещая его во время командировок, курсов повышения квалификации, интеллигенты адаптировались к урбанизированной среде, усваивали городские ценности и формы культуры, а затем несли их на место своей работы в село. Так, по мнению С. А. Красильникова и Д. С. Холявченко, просветительская деятельность интеллигенции способствовала укреплению связей между городом и деревней⁴.

Проявлением модернизационных процессов в Сибири можно считать *зарождение современной для того времени агрономии и животноводства*, которые также оказали значимое влияние на процесс формирования интеллигенции в сельской местности.

Как известно, традиционное крестьянское общество ориентировалось на опыт предшествующих поколений. При этом в хозяйственной деятельности крестьяне также

---

¹ Опыт российских модернизаций, XVIII–XX вв. М., 2000. С. 76.

² Ремнёв А. В. Указ. соч. С. 10.

³ Тимофеева Ю. В. Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. С. 55.

⁴ Красильников С. А., Холявченко Д. С. Указ. соч. С. 632.

использовали привычные способы, проверенные временем, что было связано со стереотипами, уверенностью в их надежности и результативности. Замедленность процесса внедрения в хозяйственную деятельность крестьян инноваций, на наш взгляд, была обусловлена и низкой информированностью в области сельского хозяйства. В связи с этим существовала объективная необходимость создания в регионе служб, способных знакомить крестьян с сельскохозяйственными инновациями, помочь переустроить их хозяйство на современный лад. Эти обязанности были возложены на ветеринарную и агрономическую службы.

Ветеринарная служба края была официально введена с 1891 г., основная деятельность ее была направлена на предотвращение эпизоотий, а также на ознакомление с передовыми способами животноводства. В 1894–1896 гг. в Акмолинской обл., Томской и Тобольской губерниях появились первые правительственные агрономы. Введение агрономической службы в регионе произошло в 1911 г. Агрономическая деятельность выражалась в устройстве зерноочистительных пунктов и опытных полей и участков, в подготовке на краткосрочных курсах, в школах, специалистов по отдельным отраслям сельского хозяйства, в демонстрации усовершенствованных орудий, машин, а также проведении чтений, бесед по сельскохозяйственным темам.

Важным условием развития сельской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. явилось *становление сети начальных образовательных учреждений* в регионе. Система начального образования в России в конце XIX – начале XX в. включала в себя следующие типы учебных заведений: частные школы, училища, принадлежавшие Министерству народного просвещения, церковные школы, подведомственные Синоду. Училища по сроку обучения делились на двухклассные (высшие) и одноклассные (низшие)¹. По подсчетам Ю. В. Тимофеевой, ежегодно официальная школьная сеть в Западной Сибири прирастала в среднем на 10 %, что является хорошим показателем². Кроме того, в целом по Сибири увеличение числа школ в сельской местности и учащихся в них происходило очень быстрыми темпами, в три раза более быстрыми, чем этот процесс протекал в селах центральной части России³. Отметим, что официальной статистикой не были

---

¹ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 328.

² Тимофеева Ю. В. Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2011. С. 53.

³ Зверева К. Е., Зверев В. А. Как Сибирь училась читать. С. 82.

охвачены домовые, или «вольные» школы, создаваемые и содержащиеся крестьянами исключительно на свои средства в домашних условиях, однако их примерное количество в ряде поселений превышали число официальных школ различного типа в 5–6 раз¹.

Несмотря на положительную динамику в деле распространения начального образования, в селениях Западной Сибири школ сильно не хватало, многие крестьянские дети не имели возможности их посещать. Например, в середине 1880-х гг. только 7 деревенских селений, располагавшихся в Тобольской губ., имели общеобразовательные школы, 1/3 сел находилась на расстоянии до 10 верст от месторасположения школ, 2/3 селений располагались на таком расстоянии, что дети не могли их посещать².

Отметим, что рост числа образовательных учреждений в сельской местности Сибири не привел в изучаемый период к кардинальному повышению грамотности селян. По уровню грамотности в исследуемое нами время Сибирь находилась на одном из последних мест среди регионов России. Например, в 1897 г. в центральной части России грамотность населения в сельской местности среди мужчин составляла 28,5 %, а среди женщин – 10,3 %; в основной части Западной Сибири, без Семипалатинской обл., эти показатели равнялись, соответственно, 15,7 и 3,1 %³. По подсчетам К. Е. Зверевой и В. А. Зверева, темпы роста общеобразовательного уровня сельского населения Сибири были в целом невысокими. Так, исследователями подсчитано, что среднегодовое увеличение доли грамотных в сельском населении Томской губернии между 1897 и 1917 г. равнялось 0,5 %⁴.

При рассмотрении вопроса о влиянии просвещения в сельской местности на формирование интеллигенции Западной Сибири актуальны для нас выводы В. А. Зверева и К. Е. Зверевой. Они аргументировано показали, что в начальный период модернизации сибирской деревни (до Первой мировой войны) наметился переход от традиционных народных способов социализации детей и молодежи к модернизированной системе, в которой важное место занимает школа⁵. У значительной части крестьян в этот период формировалась потребность в приобщении к письменной культуре, всё больше среди них находилось таких, которые участвовали в процессе формирования сети начальных

---

¹ Там же.

² Народное просвещение // Памятная книжка Тобольской губ. на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 251–253.

³ Население Западной Сибири в XX в. С. 134.

⁴ Зверева К. Е., Зверев В. А. Как Сибирь училась читать. С. 74.

⁵ Там же. С. 115, 169–170.

учебных заведений, влияли на характер учебного процесса. Заинтересованность части крестьян в обучении своих детей грамоте находила выражение в том, что они на свои средства нанимали учителей, арендовали помещения или строили здания под школы, что способствовало увеличению численности учительской интеллигенции в регионе.

Большое количество неграмотного населения в Западной Сибири, потребности развития системы образования в регионе, заинтересованность крестьян в получении образования актуализировали перед властями вопрос о подготовке педагогического персонала. В начале XX в. были открыты учительские семинарии: Акмолинская, Барнаульская, Павловская (в 1911 г. она была переведена в Новониколаевск), Ялutorовская женская, Семипалатинская, Тобольская. Возникновение сети образовательных учреждений в регионе способствовало увеличению числа грамотного населения, а также численности преподавательского персонала.

Следует особо обратить внимание на тот факт, что существовавшее на рубеже XIX–XX вв. неудовлетворительное положение школьного образования в сельской местности Западной Сибири способствовало становлению просветительства в качестве приоритетного направления в профессиональной и общественной деятельности сельской интеллигенции. Просветительская активность сельских интеллигентов нашла выражение в открытии образовательных учреждений, деятельности воскресных классов и школ, устройстве народных чтений и бесед и прочих просветительских мероприятий.

Начало XX в. в России характеризуется активной *деятельностью политических организаций*. Общеизвестно, что судьба России в XX в. в значительной степени определялась напряженной борьбой между консервативными, либеральными и радикально-социалистическими силами. В основе ее лежал аграрный вопрос, заслонивший все другие проблемы. Большую популярность приобретали политические партии, разрабатывавшие программы движения, пропагандировавшие свои воззрения и боровшиеся за их реализацию. На повестку дня были поставлены вопросы о соотношении реформ и революции, формировании гражданского общества, роли индивидуального террора в революционном движении, аграрных преобразованиях и судьбах крестьянства¹.

---

¹ Ноздрин Г. А. Политические объединения в сибирской деревне... С. 3.

В. В. Кучером, Г. А. Ноздриным, А. П. Толочко, М. В. Шиловским и другими исследователями выявлены основные формы и направления партийной работы в селе¹. Учеными было отмечено, что в Западной Сибири довольно активными были следующие политические объединения: радикальные партии (социал-демократы, социалисты-революционеры, народные социалисты), либералы (кадеты и октябристы), а также черносотенно-монархические организации.

Политические процессы влияли на общественную активность отдельных представителей сельской интеллигенции, которые занимались распространением политических идей среди крестьян Сибири.

Деятельность общественных неполитических организаций также оказала значимое влияние на процесс развития полипрофессионального сообщества сельской интеллигенции Западной Сибири в исследуемый нами период. Функционирование подобных организаций нашло отражение в работах Е. А. Дегальцевой и Д. И. Попова².

Сибирская интеллигенция, в том числе и сельская, принимала активное участие в деятельности неполитических организаций. Общеизвестно, что одним из приоритетных направлений общественной деятельности интеллигенции региона было просветительство. В России именно интеллигенции длительное время принадлежала монополия образованности и просвещенности. Данное обстоятельство способствовало тому, что российская интеллигенция осознавала свою просветительскую функцию. По мнению Ю. Р. Гореловой, занимавшейся исследованием просветительской активности интеллигенции Западной Сибири, правда, преимущественно городской, «именно в привнесении света знания в толщу темного народа представители интеллигенции видели свое общественное предназначение»³.

---

¹ Кучер В. В. Распространение легальной массовой социально-политической литературы...; Ноздрин Г. А. Политические объединения в сибирской деревне...; Толочко А. П. Черносотенцы в Сибири...; Шиловский М. В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 1995–1997. Вып. 1–4; и др.

² Дегальцева Е. А. 1) Культурно-просветительные объединения Томской губ. в последней трети XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999; 2) Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Бийск, 2002; 3) Общественные неполитические организации Западной Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006; Попов Д. И. 1) Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2006; 2) Культурно-просветительские общества в Сибири в конце XIX – начале XX в. Омск, 2006.

³ Горелова Ю. Р. Проблема просвещения народа в духовно-нравственных исканиях и внепрофессиональной деятельности интеллигенции Западной Сибири (1880-е – 1904 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2001. С. 25.

В Сибири миссию консолидации местной интеллигенции, стремящейся заниматься просветительством в регионе, выполняли общественные организации – культурно-просветительные и благотворительные общества¹. Современный американский исследователь С. Елу отмечает, что благотворительные общества имели важное значение для развития российского общества. Они открывали пространство, в котором люди и группы могли бы осознать ценности гражданской культуры, гражданского общества, проявить свою активность². Кроме того, активность общественных организаций в Сибири в предреволюционное время способствовала возникновению городской культуры индустриального типа, которая зародилась в начале XX в. на базе процессов урбанизации и первичной индустриализации. Результатами этого явились изменения образовательного уровня населения, а также увеличение свободного времени, изменение культуры проведения досуга, расширение социального состава сообщества людей, ведущих активный образ жизни в обществе.

Рассмотрим *экономические факторы*, которые, на наш взгляд, способствовали формированию в Западной Сибири полипрофессионального сообщества сельской интеллигенции.

Строительство Транссибирской железной дороги способствовало формированию сельской интеллигенции Западной Сибири. Отличительной чертой экономики Сибири после строительства железной дороги, которая связала Сибирь с европейским и мировым рынком, стало увеличение объема внутренней торговли, внешнеторгового оборота. Кроме того, железная дорога привела к удешевлению транспортировки передовых для того времени сельскохозяйственных машин и орудий в исследуемый регион из центра России и стран Европы. Исследователь Л. М. Горюшкин отметил, что железная дорога сократила стоимость перевозок в 5–6 раз³, и это благоприятствовало сбыту сибирской продукции. Строительство железной дороги способствовало усилению переселения крестьян из Европейской части России в Сибирь. Переселение привело к повышению интенсивности развития сельского хозяйства и его специализации⁴, а, следовательно, росту численности сельской интеллигенции.

---

¹ Там же. С. 27.

² Елу С. *Op. cit.*

³ Горюшкин Л. М. Развитие капитализма вширь... С. 59.

⁴ Артамонова Н. Я. Указ. соч. С. 116.

На развитие сельской интеллигенции исследуемого нами региона оказывало влияние *кооперативное движение* (масломолочное, потребительское, кредитное). По мнению американского исследователя С. Уильямса, союз кооперативного движения, направлявшегося интеллигенцией, с государством можно рассматривать как нечто паразитическое. Движение получало от правительства деньги в обмен на подконтрольность и отказ от независимости. В свою очередь, государство за свои деньги и риск оказаться помощником подрывных организаций получало механизм подъема крестьянского благосостояния и возможность следить за деятельностью потенциальных нарушителей порядка¹.

Первые сибирские маслодельные кооперативы возникли в 1895 г. во многом благодаря усилиям старшего инструктора по молочному хозяйству Министерства земледелия и государственных имуществ В. Ф. Сокульского². В 1905 г. по всей Сибири маслодельных кооперативов насчитывалось уже 447, а в 1917 г. – 1601³. Районом же, где идея организации кооперативного маслоделия попала на наиболее благоприятную экономическую почву, стала Западная Сибирь. К началу 90-х гг. XIX в. Сибирь испытывала кризис традиционного для нее зернового хозяйства, связанный с перепроизводством и невыгодными условиями сбыта⁴. Стремительный же рост маслодельных заводов объяснялся резким увеличением цен на продукты молочного хозяйства и возможностью вывоза продукции за пределы своих губерний. В связи с этим многие крестьяне стали отдавать предпочтение животноводству, а не земледелию, как было прежде⁵.

В работе А. О. Бунина и А. Ю. Кабанова отмечено, что сибирское артельное маслоделие было во многом уникальным для России. Недостаток местных капиталов возмещался кредитованием со стороны экспортных контор. Недостаток знаний у крестьянства компенсировался активной работой в кооперации учителей, волостных писарей, священнослужителей и других представителей интеллигенции⁶. Отметим, что деятельность таких объединений стала возможной нередко только благодаря активной деятельности

---

¹ Уильямс С. Указ. соч. С. 266.

² Мурашкинцев А. А. Указ соч. С. 3.

³ Иванов А. В. Указ соч. С. 20.

⁴ Илимский Д. [Голенищев-Кутузов Д. И.] Указ. соч. С. 4.

⁵ Алексеева В. К. Указ. соч. С. 25.

⁶ Бунин А. О., Кабанов А. Ю. Указ. соч. С. 35.

интеллигенции, так как квалифицированных специалистов, которые бы работали исключительно в кооперативах, не хватало.

Потребительские кооперативы не вызывали столь положительного отзыва у властей, как маслодельные. По мнению исследовательницы В. К. Алексеевой, это было связано с тем, что правительство видело в них источник социалистических тенденций. Чтобы получить разрешение на организацию потребительского общества, требовалось не менее года. Упрощение процедуры по организации потребительских обществ произошло только в 1891 г.¹

Органы управления потребительской кооперации избирались общими собраниями кооперативов. Ведущую роль играло правление. Оно занималось текущими делами. Деятельность правления контролировалась ревизионной комиссией. Отчет о работе рассматривался на общем собрании кооперативов². Отметим, что в названных органах функционировали представители сельской интеллигенции.

Кредитная кооперация также получила распространение в Западной Сибири в исследуемый нами период. Основной задачей кредитных товариществ были активные операции, выдача ссуд на хозяйственные нужды. Наряду с прямыми обязанностями, кредитные товарищества выполняли посреднические операции. Координаторами деятельности этих организаций, инструкторами, счетоводами также нередко выступали представители полипрофессионального сообщества сельской интеллигенции Западной Сибири.

Ученый А. В. Иванов пришел к выводу, что в кооперативах людям виделась «символика нового, реальная надежда получить ответы на самые злободневные вопросы, усматривалась модель преобразования общества на принципах сотрудничества, партнерства и солидарности»³. Такое понимание кооперативного движения оказывало влияние и на формирование системы ценностей сибирского отряда интеллигенции.

Обратимся к вопросу, посвященному *этическому самоопределению* сельской интеллигенции как важному фактору, способствовавшему формированию исследуемой социальной общности. Вслед за исследователем А. В. Соколовым мы считаем, что «этическое самоопределение санкционирует те жизненно важные смыслы и ценности, к

---

¹ Алексеева В. К. Указ. соч. С. 48.

² Там же. С. 49.

³ Иванов А. В. Указ. соч. С. 26.

достижению которых следует стремиться, те нормы и эталоны, которыми нужно руководствоваться в практической деятельности, те добродетели, которые желательно культивировать, и те пороки, которых следует избегать»¹. Привлеченные в исследовании материалы показывают: в России второй половины XIX в. значимыми были общественные теории, в которых социальные элементы переплетались с историко-философскими, что было обусловлено потребностями модернизирующегося общества в социальном знании. По мнению американского ученого Р. Пайпса, материализм, утилитаризм и позитивизм образовали идеологию русской интеллигенции XIX в., и приверженность этой идеологии стала определенным критерием причастности к интеллигенции².

Отметим, что этическое самоопределение интеллигенции, характер ее отношения к народу можно объяснить и с психоаналитической точки зрения. В качестве важных характеристик, присущих интеллигентам, выделяются: 1) комплекс вины перед народом; б) стремление привнести свои идеи в народ; в) восприятие интеллигенцией себя как спасительницы народа³.

Формирование у российской интеллигенции комплекса вины происходило в условиях патриархального общества с авторитарной организацией власти, общинной организацией быта и, соответственно, общинной психологией, неразвитостью правовых институтов, но развитым самосознанием, рефлексией по морально-религиозным вопросам, глубоко индивидуализированной верой, сильными мессианскими традициями. Российская интеллигенция XIX–XX вв. в той или иной степени вышла из народа. Это рождало чувство вины за свой «исход» из народа, за отрыв от него, за лучшие, чем у народа, условия жизни и т. д. В связи с этим у интеллигентов возникало видение себя «посвященными в некий орден, как бы пастырями в миру, назначенными нести особое понимание жизни»⁴, рождалось стремление спасти народ, «поднять» его до своего уровня. По этой причине среди интеллигенции был распространен популистский этос служения народу через «культурное просвещение»⁵, так как просветительство, по их

---

¹ Соколов А. В. Указ. соч.

² Пайпс Р. Русская революция [Электронный ресурс]. М., 2005. Кн. 1. URL: http://russiabgu.narod.ru/pages/themes/txt/paipps_russkaya_revolutciya.pdf (дата обращения: 01.05.2014).

³ Элбакян С. Е. Указ. соч.

⁴ Берлин И. Указ. соч. С. 9.

⁵ Perrie M. Op. cit.

мнению, способствовало улучшению положения народных масс. Сельская интеллигенция Западной Сибири придерживалась этих идей, что подтверждается ее просветительской деятельностью, как в рамках профессиональной, так и общественной деятельности.

Можно констатировать, что особенностью этического самоопределения русской интеллигенции было ее представление о «неразделимости», с точки зрения нравственности, профессиональной и частной жизни интеллигента¹.

Ю. М. Лотман отмечает, что характерной особенностью российской интеллигенции является ее ориентация на художественную литературу. Интеллигенту было свойственно «делать жизнь» с того или иного литературного персонажа, т. е. реальная жизнь для интеллигента по отношению к литературе была вторична². Образцы поведения для интеллигенции во второй половине XIX в. создавал господствовавший в русской литературе принцип критического реализма³.

Философ Н. М. Бормотова отмечает, что «интеллигент был воплощением идейности, просвещенности, духовности, непрерывного самосовершенствования, личной нравственной ответственности перед обществом за свое поведение, которое должно было отличаться тонкостью и деликатностью, простотой и искренностью взаимоотношений с людьми»⁴. Можно предположить, что ценности и идеалы, лежащие в основе жизненных установок, ориентиров деятельности интеллигенция, были привлекательны для молодежи, которая избирала для себя профессии, связанные с умственной деятельностью, тем самым пополняя сообщество интеллигенции, в том числе и Западной Сибири.

Очевидно, что процесс самоопределения сельской интеллигенции Западной Сибири конца XIX – начала XX в., как и интеллигенции России в целом, также протекал под влиянием синтеза европейских учений и традиционных русских ценностей. Интеллигенция Сибири, как и Европейской России, считала себя обязанной сформулировать, перевести в план общественного сознания некоторые ценностные структуры «высшей» культуры в соответствии с актуальными требованиями общественного развития.

Ученые отмечают, что с процессуальной точки зрения самоопределение человека следует рассматривать как процесс принятия им решения о своем месте в социальной и

---

¹ Савчук В. Указ. соч. С. 239.

² Лотман Ю. М. Указ. соч.

³ Сабурова Т. А. Русский интеллектуальный мир / миф... С. 271.

⁴ Бормотова И. М. Указ соч.

профессиональной среде. Исследовательница Н. Л. Иванова акцентирует внимание на то, что содержательным итогом самоопределения личности является ее социальная идентичность¹. Следовательно, самоопределение интеллигенции, если следовать выше обозначенным выводам, можно рассматривать как процесс достижения ими социальной идентичности. Психолог Т. Д. Марцинковская, занимающаяся проблемой идентичности российских интеллигентов, обратила внимание на то, что идентичность интеллигенции соединяет в себе социальную и личностную составляющую, так как «при формировании целостной идентичности новой социальной общности не было реальных образцов и эталонов для идентификации». Марцинковская отмечает, что первостепенными критериями для отождествления себя с этой группой «стала ролевая позиция интеллигенции в обществе, ее функции в развитии реформ, создании основ самоуправления, гражданского общества, просвещения народа»². В связи с этим доминировать над групповой стала личностная идентичность. Характеристики, которые, как правило, входят в содержание личностной идентичности, стали содержанием социальной идентичности, «которая тем самым приобретала доминирующее значение в “образе Я” интеллигенции»³.

Отметим, что сюжеты, касающиеся идентичности сельской интеллигенции Западной Сибири конца XIX – начала XX в., нашли отражение в последующих разделах нашей диссертации.

Итак, формирование сельской интеллигенции Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. происходило под воздействием целого комплекса разнообразных факторов, которые влияли на динамику ее количественных и качественных характеристик, определяли направления ее профессиональной и общественной деятельности.

1.2. Численность и структура сельской интеллигенции

При работе с источниками и исследовательской литературой нами был подтвержден тот факт, что *сельское учительство* являлось одной из важнейших групп сельской интеллигенции в Западной Сибири конца имперского периода. Обобщенные данные

---

¹ Иванова Н. Л. Личность в бизнесе: проблемы и кризисы самоопределения [Электронный ресурс]. URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_psychology/ivanova/1/j3.html (дата обращения: 10.07.2014).

² Марцинковская Т. Д. Проблема идентичности российской интеллигенции [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2008n1-1/84-marsinkovskaya1.html> (дата обращения: 21.08.2014).

³ Там же.

школьной переписи 1894 г. указывают, что в начале 1890-х гг. в селениях Западной Сибири жило и работало в общей сложности 1122 учителя. Их распределение по субрегионам выглядело следующим образом: в Акмолинской обл. насчитывалось всего 105 учителей, в Тобольской губ. – 444, в Томской губ. – 573 деревенских педагога¹.

В материалах Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., характеризующих профессиональную структуру населения, педагоги были занесены в категорию «Учебная и воспитательная деятельность». При работе с источником нами было выявлено следующее распределение учительского персонала в сельской местности региона. В Акмолинской обл. перепись зафиксировала 327 человек (265 мужчин и 62 женщины). В Тобольской губ. проживал 921 деревенский учитель (486 мужчин, 435 женщин); в Томской губ. – 1061 (759 мужчин, 302 женщины). Таким образом, во всех селениях Западной Сибири педагогической деятельностью на начало 1897 г. занималось 2309 человек².

Однодневная перепись начальных школ Российской империи предоставила сведения о том, как изменилось количество учебного персонала в селениях региона к 1911 г. В Акмолинской обл. было зафиксировано 329 «учащих», в Тобольской губ. – 768, в Томской губ. – 1350 лиц, занимающихся преподавательской деятельностью в деревне. Общая численность таковых во всех трех субрегионах составила 2447 человек³.

Приведенные здесь данные позволяют проследить динамику численности сельского преподавательского состава во всей Западной Сибири и в ее субрегионах в течение большей части изучаемого периода – за 17 лет. Легко убедиться, что количество сельских педагогов на всей исследуемой территории неуклонно увеличивалось. На этапе 1894–1897 гг. (всего за 4 года) в Западной Сибири количество деревенских учителей «взрывным» образом выросло в 2,1 раза. На этапе 1897–1911 гг. темпы роста существенно замедлились, за 14 лет количество «учащих» возросло только в 1,1 раза. За все 17 лет темпы роста численности сельских педагогов составили 218 %.

В Акмолинской обл. количество сельских педагогов в 1911 г. составило 313 % к уровню 1894 г. В Томской губ. за то же время темпы роста численности учителей

---

¹ Подсчитано по: Практическая школьная энциклопедия. С. 593; Однодневная перепись... Вып. 12/15. С. 54–55.

² Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись... Т. 78. С. 150; Т. 79. С. 148; Т. 81. С. 84.

³ Подсчитано по: Практическая школьная энциклопедия. С. 593.

равнялись 236 %. Если в обоих указанных субрегионах рост численности сельских педагогов происходил быстрее, чем в среднем по Западно-Сибирскому региону, то в Тобольской губ. дело обстояло по-другому. Здесь в 1894–1911 гг. количество учителей выросло только на 173 %. Неравномерное распределение сельских педагогов по субрегионам Западной Сибири, существенная разница в темпах роста их численности в обеих губерниях и области можно объяснить большими различиями в общей численности сельского населения, что требовало разного количества учителей; направленностью массовых аграрных миграций главным образом на юг Томской губ. и север Акмолинской обл.; государственной политикой поддержки этого переселенческого движения в годы Столыпинской аграрной реформы и иными причинами. Обратим внимание на тот факт, что имевшихся в селениях Западной Сибири школ и учительского персонала даже в конце изучаемого периода было меньше, чем требовалось, они не могли охватить всех желающих получить образование.

История формирования профессиональных групп *медицинских работников* в субрегионах Западной Сибири по существу начинается в изучаемый нами период. На наиболее тогда освоенной и заселенной территории Тобольской губ. после утверждения в 1888 г. штатов сельской медицинской части в деревне должно было функционировать 8 врачей и 40 фельдшеров. Как признавала местная администрация, сельская врачебная часть здесь «уже с самого начала своего устройства... не соответствовала дальнейшим потребностям губернии по недостаточности... сельско-врачебного персонала»¹. В 1896–1897 гг. произошло существенное увеличение количества сельских медиков. Согласно новому штатному расписанию, в субрегионе должно было работать 32 сельских врача, 52 фельдшера и 29 фельдшерниц-акушеров². В материалах Всеобщей переписи населения 1897 г. в Тобольской губ. зафиксирован 391 человек, занимающийся врачебной и санитарной деятельностью в сельской местности³. Можно уверенно констатировать, что большинство этих людей здесь, как и большинство зафиксированных лиц аналогичной категории в других субрегионах Западной Сибири, – это либо частнопрактикующие лица, не состоявшие в официальном штате казенной медицины, либо «нелицензированные» представители народной традиционной медицины (лекари-

¹ РГИА. Ф. 1149. Оп. 12. Д. 92. Л. 13 об.

² Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1439. Л. 79.

³ Первая Всеобщая перепись... Т. 78. С. 150.

костоправы, бабки-повитухи и пр.). В приложении к «всеподданнейшему» губернаторскому отчету за 1898 г. сообщается, что в сельской местности Тобольской губ. функционировало 128 штатных медицинских работников¹. В крае с огромной территорией и немалыми масштабами миграции такого количества медицинских сотрудников было крайне недостаточно. По этой причине в 1910 г. вводятся новые штаты сельской медицины: количество участковых врачей можно было довести до 43, медицинских фельдшеров – до 73, фельдшериц-акушерок – до 42. Реально часть указанных штатных должностей не была замещена. В 1914 г. в селениях Тобольской губ. числилось 42 врача и 176 фельдшеров².

Штаты сельской медицинской части для Томской губ. также были утверждены в 1888 г. На весь субрегион полагалось 9 сельских врачей и 50 фельдшеров³. В ходе переписи населения 1897 г. было выявлено 548 человек, занимающихся в различном качестве врачебной и санитарной деятельностью⁴, но большинство из них не имело специального образования. В приложении к губернаторскому отчету за 1898 г. говорится, что в селениях губернии официально функционируют 95 медиков⁵. Однако в связи с увеличением численности населения в том же 1898 г. были утверждены следующие штаты сельского медицинского персонала: 32 врача и 52 фельдшера⁶. В 1910 г. было назначено 46 врачей, 92 фельдшера и 46 фельдшериц-акушерок⁷. В 1914 г., по официальным данным, в селениях Томской губ. работали 79 лиц врачебного персонала и 130 фельдшеров⁸.

В Акмолинской обл. к началу изучаемого нами периода медицинские потребности сельского населения удовлетворяли 5 уездных врачей, живших в городах⁹. Новые медицинские штаты были утверждены в 1897 г. На всю область назначалось 15 участковых врачей, 15 фельдшеров и 15 фельдшериц-акушерок¹⁰. В материалах переписи населения 1897 г. отмечено 73 человека, занимающихся врачебной и

---

¹ Статистический обзор Тобольской губ. за 1898 г. Тобольск, 1900. С. 21.

² Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1914 г. Пг., 1916. С. 90–91.

³ Государственный архив Томской обл. Ф. 3. Оп. 40. Д. 1а. Л. 32–32 об.

⁴ Первая Всеобщая перепись... Т. 79. С. 148.

⁵ Обзор Томской губ. за 1898 г. Томск, 1899. С. 23.

⁶ РГИА. Ф. 1149. Оп. 12. Д. 56. Л. 8; Ф. 1288. Оп. 12. Д. 1202. Л. 172.

⁷ Там же. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 647. Л. 20.

⁸ Отчет о состоянии народного здоровья... за 1914 г. С. 90–91.

⁹ Ласков Ю. И. Указ. соч. С. 2–3.

¹⁰ Там же. С. 6

санитарной деятельностью в сельской местности области¹. В 1898 г. администрация Акмолинской обл. отчиталась о наличии 43 деревенских медицинских работников². Следующее реформирование штатов произошло только в 1910 г.: сельский фельдшерский персонал увеличили до 45 человек, врачебных должностей так и осталось 15³. Следует иметь в виду, что многие предусмотренные штатным расписанием должности оставались вакантными. Начальник Акмолинской обл. писал министру внутренних дел в 1911 г.: «До настоящего времени при [каждом] враче состоят лишь два фельдшера, акушерок-фельдшериц же не имеется ни одной... с 1897 г. ... число их не превышало 1–2»⁴. К 1914 г. в состав сельских медиков области входило 13 врачей и 84 фельдшера⁵.

Таким образом, численность медицинских работников в западносибирской деревне сильно уступала количеству педагогического персонала. Тем не менее, со временем она возрастала и даже гораздо более высокими темпами. В целом по Западной Сибири за 1888–1898 гг. произошел рост сельского медицинского персонала от 112 до 266 человек, т. е. в 2,4 раза. На этапе с 1898 до 1914 г. количество интеллигентов-медиков выросло почти в два раза, достигнув 524 человек. За весь изучаемый период темпы роста данной группы интеллигенции составили 468 %. В Акмолинской обл. темпы роста численности сельских медицинских работников в 1888–1914 гг. достигли 1940 %, и это связано, прежде всего, почти с полным отсутствием медиков в субрегионе в начальный момент. В Тобольской губ. темпы роста составили 454 %, в Томской губ. – 354 %. В целом, несмотря на впечатляющую динамику, на всем протяжении изучаемого периода сохранялся острый дефицит сельских врачей и фельдшеров в Западной Сибири.

В специализированных церковных изданиях отображена следующая численность *православных священнослужителей* в сельской местности субрегионов Западной Сибири. В Тобольской епархии в 1890 г. было известно 738 лиц духовного звания⁶. К осени 1913 г., судя по таким же официальным данным, числилось уже 1028 священно-

---

¹ Первая Всеобщая перепись... Т. 81. С. 84.

² Обзор Акмолинской обл. за 1898 г. Омск, 1900. С. 75.

³ Ласков Ю. И. Указ. соч. С. 42.

⁴ РГИА. Ф. 1288. Оп. 13. Д. 51. Л. 6.

⁵ Отчет о состоянии народного здоровья... за 1914 г. С. 90–91.

⁶ Подсчитано по: Список церквей... 1891. № 1/2. С. 8–16; № 3/4. С. 29–40; № 5/6. С. 59–61.

служителей¹. Таким образом, в течение изучаемого периода количество священников в епархии увеличилось на 139 %. В Томской епархии в 1898–1899 гг. окормлял паству 971 священник²; а в 1914 г. службу вели уже 1619 церковнослужителей³. Имел место рост количества православных священников на 167 %. В Омской епархии, приходы которой входили в состав рассматриваемой нами территории, в 1900 г. было зафиксировано 483 церковнослужителя⁴. К 1914 г. здесь насчитывалось уже 1083 представителя православного духовенства⁵. Следовательно, количество церковнослужителей за 14 лет увеличилось на 224 %. В пределах всей Западной Сибири численность руководителей православного сельского клира увеличилась с конца XIX в. по 1914 г. примерно в 1,7 раза. По темпам роста лидировала Омская епархия, где стартовые позиции были наиболее низкими, от нее заметно отставали Томская и особенно Тобольская епархии.

Мы намеренно не взяли пока в расчет материалы переписи населения 1897 г., в которых числятся лиц, занятых «богослужением православного вероисповедания» в Акмолинской обл. – 101 человек, в Тобольской губ. – 1428, а в Томской – 1457⁶. Всего, судя по данным этого источника, на исследуемой нами территории в конце XIX в. проживало 2986 представителей указанной профессиональной категории, и это существенно больше количества священнослужителей, посчитанных нами выше. Однако при работе с данными переписи следует учитывать, что ею в числе лиц, занятых «богослужением православного вероисповедания», были учтены и 905 женщин – вероятно, монахини, сестры милосердия и пр. Следовательно, численность мужчин, состоящих в духовном звании, составила в 1897 г. в регионе 2081 человек, и эта величина близка той, что получается при суммировании количества священнослужителей во всех трех субрегионах, учтенных в 1890-х гг. церковными источниками. Несмотря на неуклонное увеличение численности деревенского духовенства, в Западной Сибири ощущалась нехватка представителей данной профессии.

---

¹ Подсчитано по: Справочная книга Тобольской епархии к 1 сент. 1913 г. Тобольск, 1913. С. 35–356.

² Справочная книга по Томской епархии за 1898–1899 гг. Томск, 1900. С. 54–73, 120–458.

³ Справочная книга по Томской епархии 1914 г. Томск, 1914. С. 65–86, 126–581.

⁴ *Скальский К. Ф.* Указ. соч. С. 53–367.

⁵ *Голошубин И. С.* Указ. соч. С. 1037–1223.

⁶ Первая Всеобщая перепись... Т. 78. С. 150; Т. 79. С. 148; Т. 81. С. 84.

Формирование *кадров ветеринарной службы* на исследуемой нами территории началось в 1891 г. В этом году была учреждена должность заведующего ветеринарной частью в Акмолинской обл., в 1892 г. заведующие появились в Тобольской и Томской губерниях. Согласно штатному расписанию 1891 г., в Акмолинской обл. должны были функционировать 5 уездных и 8 пунктовых врачей на скотопрогонных трактах. В 1894 г. установили 16 должностей ветеринарных врачей в Акмолинской обл., 14 – в Тобольской и 8 – в Томской губ.¹ К 1897 г. в Западной Сибири, по подсчетам историка Г. А. Ноздрина, ветеринарный персонал был распределен следующим образом. В Акмолинской обл. имелись 17 врачей и 21 фельдшер, в Тобольской губ. – 18 врачей и 32 фельдшера, в Томской – 13 ветеринарных врачей и 30 фельдшеров².

К 1913 г. численность ветеринарного персонала в субрегионах увеличилась до следующих величин. В Томской губ. работали 71 врач и 68 фельдшеров. В Акмолинской обл. имелись 22 пунктовых и 9 уездных врачей, 10 ветврачей, временно командированных МВД, 1 ветеринарный врач Переселенческого управления, а также 24 пунктовых и 13 уездных ветфельдшеров, 4 фельдшера, командированных в область по распоряжению МВД, 6 ветфельдшеров Переселенческого ведомства. Ряд ветеринарных должностей при этом оставались вакантными или были заняты специалистами, работавшими по совместительству³. В Тобольской губ. в 1913 г. функционировало 23 ветеринарных врача и 29 фельдшеров⁴. Таким образом, в целом по Западной Сибири количество ветеринарных работников к концу изучаемого периода увеличилось по сравнению с концом XIX в. со 130 человек до 280, т. е. в 2,1 раза. Отметим, что большое значение для развития ветеринарии в Сибири сыграло строительство железной дороги, которая увеличила вывоз из региона продуктов сельского хозяйства, в особенности животноводства. Источники свидетельствуют, что количество ветеринаров не соответствовало потребностям региона, отдаленные населенные пункты иногда месяцами не видели представителей этой профессии в связи с их загруженностью.

Агрономическая помощь населению Западной Сибири до 1911 г. была мало затронута практической работой *агрономического персонала*. Такая ситуация сложилась в

---

¹ Донченко А. С., Осташко Т. Н., Самоловова Т. Н. Указ. соч. С. 39–40.

² Ноздрин Г. А. Ветеринария в Сибири в XIX – начале XX в. // Опыт природопользования в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 59.

³ Донченко А. С., Осташко Т. Н., Самоловова Т. Н. Указ. соч. С. 57–58.

⁴ Памятная книжка Тобольской губ. на 1913 г. Тобольск, 1913. С. 64.

связи с тем, что персонал был малочислен, а государственное финансирование направлялось в основном на совершенствование техники полеводства и луговодства. После 1911 г., по выражению агронома и депутата Государственной думы Н. Л. Скалозубова, «на агрономические предприятия в России вообще, в Сибири в частности, посыпался золотой дождь»¹. Это выразилось и в увеличении в Западной Сибири числа специалистов разных областей сельского хозяйства. Так, в Тобольской губ. до 1911 г. агрономическая организация состояла из правительственного агронома-специалиста, 7 инструкторов и 14 техников молочного хозяйства, техника-монтера при специалисте и инструктора по свиноводству. Проживали они преимущественно в городах, периодически посещая селения. В 1911 г. положение заметно изменилось. В субрегионе имелись теперь следующие специалисты агрономической организации: один правительственный агроном, 4 старших специалиста по животноводству, старший специалист по молочному хозяйству, 7 инструкторов по молочному хозяйству, 5 инструкторов по животноводству, 5 инструкторов по сельскохозяйственной части, 6 техников полеводства, 14 техников маслоделия, техник-монтер, заведующий лабораторией, инструктор пчеловодства². К началу 1913 г. в агрономическом штате Тобольской губ. насчитывалось 70 должностей, но некоторые места оставались вакантными³.

В Томской агрономической организации в 1911 г. состояло, кроме правительственного агронома, 3 специалиста по животноводству, 11 инструкторов и 18 техников по молочному хозяйству, 9 инструкторов и 8 техников по полеводству, 2 инструктора по пчеловодству – всего 52 человека, однако сам правительственный агроном проживал в Томске⁴. В 1912 г. в данной губернии агрономический персонал составляли уже 68 человек⁵.

В Акмолинской обл. первыми работниками агрономической организации оказались старший инструктор по пчеловодству, служивший здесь с 1909 г., и три инструктора сельского хозяйства переселенческого района, причисленных на службу Департамента земледелия с января 1911 г. Областной агроном приступил к исполнению своих обязан-

---

¹ Скалозубов Н. Л. Расходы на агрономическую помощь в Сибири // Сиб. вопросы. 1911. № 15/16. С. 5.

² РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 65. Л. 3.

³ Там же. Л. 30–31.

⁴ Краткий обзор деятельности правительственной агрономической организации в Сибири в 1911 г. М., 1912. С. 59–60.

⁵ РГИА. Д. 66. Л. 19.

ностей также с января 1911 г. Старшие специалисты по сельскохозяйственной части, исполняющие обязанности уездных агрономов Петропавловского и Кокчетавского уездов, и старший специалист по животноводству вступили в свои должности в апреле. Что же касается старших специалистов, исполняющих обязанности уездных агрономов Омского, Акмолинского и Атбасарского уездов, то одни из них прибыли на место службы в мае, другие – в июне 1911 г.¹

В учреждениях сельского и волостного самоуправления Российской империи в изучаемый период многочисленные обязанности выполняли *сельские и волостные писари*. Однако объективно охарактеризовать количественные параметры данной группы сельских интеллигентов затруднительно из-за скудности источниковой базы изучения данного вопроса. Известно, что писари «назначались по усмотрению общества, либо по выбору, либо по найму»². Как отмечают исследователи Н. А. Иванова и В. П. Желтова, лица, избранные в волостное и сельское правление на выборные должности, тотчас же приступали к работе. Оформление бумаг об их устройстве на работу в исследуемое нами время не практиковалось³. Нормативные акты империи предполагали наличие в волостном правлении хотя бы одного волостного писаря (изредка нанимали и второго), а в сельском правлении – сельского писаря. В «инородческих» управах также предполагалось наличие писаря⁴. Таким образом, приблизительную численность писарей в том или ином районе можно приравнять к количеству имеющихся здесь крестьянских волостей, сельских и «инородческих» обществ.

Посмотрим, как были представлены писари в Акмолинской обл. конца XIX – начала XX в. Их примерное количество в 1893 г. можно подсчитать на основе поселенческого списка, составленного в этом году⁵. В издании отмечено, что в области существовало 9 сельских общин, 8 волостных правлений и 18 станичных правлений. Следовательно, общее примерное количество писарей – 35 человек, при условии, что все вакансии были замещены. В справочном издании 1914 г. раскрыто усложнившееся административное деление области: 94 русские волости, 38 сельских правлений, 103 казахских волости⁶.

---

¹ Краткий обзор деятельности правительственной агрономической организации в Сибири в 1911 г. С. 91.

² Волчков В. Руководство для крестьян... С. 66.

³ Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 157.

⁴ Там же. С. 41, 71.

⁵ Волости и населенные места 1893 г. СПб., 1893. Вып. 1: Акмолинская обл. С. 4–25.

⁶ Памятная книжка Акмолинской обл. на 1914. Омск, 1914. С. 27.

Опираясь на эти сведения, можно предположить, что в Акмолинской обл. имелось 235 писарей. Таким образом, в период 1893–1914 гг. в этом субрегионе численность волостных и сельских писарей увеличилась в 6,7 раза.

В Тобольской губ. динамика численности писарей, подсчитанная аналогичным образом, выглядела так. В 1893 г. их было всего 209 человек (179 волостных и 30 сельских); по данным, опубликованным в 1912 г. – 2936, в том числе 276 писарей волостных и 2730 – сельских¹. За десяток лет на рубеже XIX–XX вв. писарский корпус увеличил свою численность в губернии в 14 раз.

В Томской губ. в 1893 г. имелось 177 представителей исследуемой профессии – 99 волостных писарей и 78 работников сельских управ². В 1911 г., судя по данным поселенческой статистики, в губернии насчитывалось 332 волости и 55 сельских управ, значит, трудилось приблизительно 387 писарей³. За время с начала 1890-х гг. до 1911 г. численность писарей возросла в губернии в 2,2 раза. В целом по Западной Сибири в течение большей части изучаемого периода писарский корпус увеличился с 421 до 3558 человек, рост его численности составил 845 %.

Подводя итоги, можно констатировать следующее. Если имеющиеся прямые сведения о численности основных профессиональных групп (педагогов, медиков, священнослужителей, агрономов и ветеринаров) суммировать с предполагаемым количеством сельских и волостных писарей, при этом пренебречь мизерным количеством представителей иных, недавно появившихся групп специалистов, то можно наблюдать впечатляющую положительную динамику численности сельской интеллигенции Западной Сибири конца XIX – начала XX в. Исходные позиции этой динамики в 1890-х гг. были весьма слабыми: огромный по площади регион с 3,8 млн (на 1897 г.) сельских жителей⁴ располагал всего 6 тыс. интеллигентов. Со временем количество представителей всех появившихся ранее профессиональных категорий интеллигенции стремительно увеличивалось, одновременно появлялись новые категории (телеграфные служащие, чины Лесного ведомства и др.), пока весьма малочисленные. К моменту вступления России в

---

¹ Подсчитано по: Волости и населенные места 1893 г. Вып. 10: Тобольская губ. СПб., 1894. С. 2–111; Список населенных мест Тобольской губ. 1912 г. Тобольск, 1912. С. 32–603.

² Подсчитано по: Список населенных мест Томской губ. за 1893 г. Томск, 1893. С. 6–381.

³ Подсчитано по: Список населенных мест Томской губ. на 1911 г. Томск, 1911. С. 6–577.

⁴ Население Западной Сибири в XX в. / отв. ред.: Н. Я. Гузкин, В. А. Исупов. Новосибирск, 1997. С. 19.

Первую мировую войну в 1914 г., когда деревенское население региона насчитывало 7,1 млн человек¹, численность сельских интеллигентов приближалась уже к 11 тыс.

К исходу изучаемого периода по территории субрегионов интеллигенты распределялись следующим образом. Относительно многочисленными они выглядели в Тобольской губ., где размещалось более 5 тыс. человек, или 48 % от общего количества. В Томской губ. в деревнях жило и работало до 4 тыс. интеллигентов, или 35 %. В Акмолинской обл. лиц умственного труда, проживавших в селениях, было меньше всего – до 2 тыс., что составляло 17 %. Преобладание численности сельских интеллигентов именно в Тобольской губ., где общее количество деревенских жителей было меньшим, чем в Томской, объясняется обилием здесь мелких административных единиц, что увеличивало штатное расписание, а также более охотным приездом сюда, в силу близости к Европейской России, представителей интеллигенции.

По профессиональным группам сельская интеллигенция Западной Сибири к 1914 г. распределялась так. Самой многочисленной группой являлись священнослужители – 3,7 тыс. человек, или 35 % от общего количества лиц, относимых нами к интеллигенции. С ними соперничали волостные и сельские писари, которых было около 3,6 тыс. (33 %); затем по убывающей располагались учителя – 2,4 тыс. (23 %), медицинские работники – 0,5 тыс. (5 %), агрономы и ветеринары – по 0,4 тыс., или по 3 %. На «прочих» у нас останется не больше 1 %.

В конце XIX – начале XX в. стремительный количественный рост исследуемого нами общественного слоя – в 1,8 раза, тем не менее, не сказался на его удельном весе по численности среди всего деревенского населения Западной Сибири – он как был, так и остался на уровне 0,2 %. Как мы покажем далее, интеллигенты выполняли в зауральской деревне важную работу по формированию и развитию системы образования, здравоохранения и культуры, по модернизации сельскохозяйственного производства, духовно-нравственному окормлению населения. Но стремительно возрастающая в те годы в обществе и у государства потребность в такого рода специалистах не удовлетворялась в полной мере.

Что касается *половой принадлежности* представителей сельской интеллигенции, то следует отметить, что *ветеринарный и агрономический персонал*, судя по данным

---

¹ Там же.

источников, формировался исключительно из мужчин¹. Должности *священников, дьяков и псаломщиков* также замещали мужчины. В источниках зафиксировано, что волостными и *сельскими писарями* практически повсеместно в Сибири также были мужчины. Следовательно, женщины в сельской местности замещали только часть медицинских и педагогических вакансий.

По данным Первой Всеобщей переписи населения, в 1897 г. в Западной Сибири *учительский персонал* в сельской местности состоял из 1510 мужчин (65,4 %) и 799 женщин (34,6 %)². В 1911 г. в сельской местности было следующее соотношение среди педагогов: мужчин – 40,4, женщин – 59,6 %. Как видим, педагогической деятельностью в сельской местности в начале XX в. стали заниматься преимущественно женщины.

Губернские и областные «Обзоры» содержат сведения о том, что в 1898 г. среди *медицинских работников* было 234 мужчины (88 %) и 32 женщины (12 %)³. В общероссийском «Отчете о состоянии народного здоровья...» отмечено, что в 1914 г. в Западной Сибири медицинскими работниками являлись 382 мужчины (73 %) и 142 женщины (27 %)⁴. Следовательно, мужчины численно преобладали в составе сельской интеллигенции как в конце XIX в., так и в начале XX в.

Важной характеристикой любой социальной группы является *возраст* ее членов. В материалах переписи населения 1897 г. не имеется сведений о возрастном распределении отдельно сельской и городской интеллигенции Западной Сибири. Несмотря на это, мы считаем, что имеющиеся данные о возрастной структуре всей интеллигенции региона можно экстраполировать на сельскую интеллигенцию. В источниках зафиксировано, что наибольшее число интеллигентов на момент переписи находились в возрасте 20–39 лет (52,7 %) и затем 40–59 лет (27,4 %). Установлено, что присутствовали в регионе также интеллигенты, возраст которых не достиг 20 лет (8,1 %), а также лица 60 и более лет (11,7 %). Остался неизвестным возраст 0,1 % интеллигенции. В таблице 1 мы отобрали возрастные характеристики интеллигенции по различным сферам профессиональной деятельности.

---

¹ РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 58.

² Первая Всеобщая перепись населения... Т. 78. С. 150; Т. 79. С. 148; Т. 81. С. 84

³ Подсчитано по: Обзор Акмолинской обл. за 1898 г. Омск, 1900. С. 75; Обзор Тобольской губ. за 1898 г. Тобольск, 1900. С. 21; Обзор Томской губ. за 1898 г. Томск, 1899. С. 23.

⁴ Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1914 г. Пг., 1916. С. 90–92.

Возрастное распределение интеллигенции Западной Сибири (1897 г.)

Возрастная группа, лет	Кол-во лиц, занятых							
	общественной и сословной службой		богослужением православного исповедания		учебной и воспитательной деятельностью		врачебной и санитарной деятельностью	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
До 20	154	3,7	342	8,8	511	14	97	4,4
20–39	2096	50,9	1942	50,1	2044	56,1	1199	55
40–59	1277	31	1161	30	760	20,9	602	27,6
60 и более	591	14,3	421	11	325	8,9	277	12,7
Неизвестно	3	0,1	6	0,1	4	0,1	7	0,3
Итого:	4121	100	3872	100	3644	100	2182	100

*Подсчитано по данным: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904–1905. Т. 78. С. 148–149; Т. 79. С. 146–147; Т. 81. С. 82–83.

В современных исторических исследованиях вопрос о *социальной базе формирования интеллигенции* Западной Сибири уже затрагивался. Так, В. В. Мезенцева разделила интеллигентов изучаемого периода по их социальному происхождению на следующие группы: чиновники и дворяне; выходцы из купеческих семей, из потомственных и почетных граждан, мещан; крестьяне и казаки; лица духовного звания¹.

В процессе исследования мы проанализировали статистические материалы, исследовательские работы и установили, что ряды *сельского духовенства* формировались преимущественно из детей священнослужителей и крестьян, мещан, разночинцев, купцов. Отдельные представители духовенства происходили из дворян, семей чиновников². Наши выводы совпадают с данными, которые приводит исследовательница А. М. Адаменко при характеристике приходского духовенства южных районов Западной Сибири³.

По мнению исследователей Н. А. Ивановой и В. П. Желтовой, дети духовенства стремились занять должности священнослужителей, чтобы продолжить начатое родителями дело, а также сохранить за семьей земельный надел, который выделялся членам

¹ Мезенцева В. В. Указ. соч. С. 56.

² См.: Скальский К. Ф. Указ. соч.; Голошубин И. С. Указ. соч.; Справочная книга по Томской епархии за 1898–1899 гг. Томск, 1900; Справочная книга по Томской епархии 1914 г. Томск, 1914; и др.

³ Адаменко А. М. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX в. Кемерово, 2004. С. 25.

сельских причтов на время службы. Дети духовенства имели возможность получить образование за казенный счет и быть трудоустроенными¹. Крестьян привлекала возможность получения духовного сана, позволявший повысить их материальное положение и социальный статус.

Следует особо обратить внимание на тот факт, что дети духовенства являлись основной базой формирования сельской интеллигенции. Это было обусловлено рядом причин. Служители культа, как правило, были грамотными и умели читать, что необходимо для прочтения Священного Писания, опубликованных в церковных изданиях материалов, необходимых для работы с паствой (проповеди, наставления, поучения и т. д.), а также законодательных актов и епархиальных распоряжений. Важным для духовенства являлось умение писать. Епархиальное начальство требовало от духовенства четко, аккуратно, грамотно вести метрические книги и прочую церковную документацию, а также писать отчеты о нравственном состоянии паствы, о ходе холерных эпидемий в приходе и пр. Таким образом, дети священнослужителей с малых лет приобщались к грамоте и умственному труду, попадали на скамью церковноприходских школ, духовных и учительских училищ, гимназий и т. д. Часть из них оставалась в городах, а часть по собственному желанию или, не получив места в городе, пополняла ряды сельской интеллигенции².

Учительство было не менее пестрым по своему составу. Распределение сельского учительства по происхождению, по наблюдениям Н. Адуреева, представляло «одно и то же строение на всем пространстве Сибири»³. Многие учителя-интеллигенты происходили из крестьянской и мещанской среды. Как и в центральной части России, обнаруживается значительная разница в сословном происхождении учителей и учительниц. Среди учительниц процент детей дворян, чиновников, духовенства и мещан был значительно выше, а процент детей крестьян – ниже, чем среди мужчин-учителей, что отображено в таблице 2.

Социальная база формирования *сельской медицинской интеллигенции* не была столь разнородной. Западносибирское сообщество сельских врачей в начале XX в. было представлено преимущественно выходцами из разночинной среды. Кроме того, большая

---

¹ Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 51.

² Там же.

³ Адуреев Н. Начальные школы в Сибири (по данным переписи 18 янв. 1911 г.) // Русская школа. 1915. № 2. С. 57.

часть врачей являлась отпрысками лиц духовного звания – 62,2 % студентов, обучавшихся в Томском университете, были детьми церковнослужителей¹. Значительная их часть оставалась работать на территории Сибири.

Таблица 2

**Распределение сельского учительства Западной Сибири
по сословному происхождению (1911 г.), %***

Пол	Дворяне, чиновники	Духовенство	Крестьяне	Мещане	Прочие	Нет сведений
Мужчины	7,6	7,1	46,9	21,7	16,3	0,4
Женщины	20,6	20,8	22,8	27,7	8,1	–

* Составлено по данным: *Андреев Н.* Начальные школы в Сибири (по данным переписи 18 янв. 1911 г.) // *Русская школа.* 1915. № 2. С. 57.

Сельский медицинский фельдшерский персонал представлял собой довольно пеструю социальную общность. Так, в 1910–1912 гг. распределение его по сословным группам было следующим. Дети крестьян в медицинских учебных заведениях региона составляли 29 % от общего количества учащихся, 18 % обучавшихся составляли дети мещан, 14 % – казаков. Общее количество детей из привилегированных сословий (дворян, чиновников, священнослужителей, купцов) в этих учреждениях было около 24 %. Представителей прочих социальных групп – 14%². Преобладание выходцев из крестьянской и мещанской среды в акушерско-фельдшерских школах можно объяснить тем, что эти учреждения имели значительное число учебных мест, содержащихся за счет государства и стипендий областных правлений. Присутствие представителей привилегированных сословных групп среди данной категории учащихся свидетельствовало о том, что эта профессия была престижной в изучаемое время.

Выясняя социальную базу, из которой формировались сельские *ветеринарно-фельдшерские кадры*, следует охарактеризовать сословную принадлежность учащихся образовательных учреждений, готовящих представителей названных профессий. Так, в Тобольской ветеринарно-фельдшерской школе на бесплатное обучение брали только детей местных крестьян, которые за каждый год казенного содержания обязаны были

¹ Томские вузы к 10-летию Октябрьской революции. Томск, 1928. С. 27.

² *Толочко А. П., Ищенко О. В., Сквородина И. С.* Указ. соч. С. 154.

прослужить 1,5 года ветеринарным фельдшером на территории Тобольской губ. Молодые люди из других регионов могли быть приняты в школу «приходящими» или «сверхштными пансионерами». После создания в 1911 г. в губернии агрономической организации ветеринарно-фельдшерская школа готовила специалистов для этой организации¹.

Омская ветеринарно-фельдшерская школа была учреждена при Сибирском казачьем войске в 1879 г. и закрыта в 1894 г., так как пожар уничтожил ее помещение. До этого времени школа готовила специалистов, которые должны были обслуживать потребности войска, а также оказывать помощь близлежащему населению. После закрытия Омской школы в Томской ветфельдшерской школе были учреждены 20 стипендий для Сибирского и две – для Семиреченского казачьих войск. В 1905 г. Томская ветфельдшерская школа была переведена в Омск. В Омской ветеринарно-фельдшерской школе учились преимущественно представители войскового сословия Сибирского, Семиреченского и Амурского казачьих войск, а также сельских жителей Акмолинской и Семипалатинской областей, включая «инородцев»².

В Томскую ветеринарно-фельдшерскую школу принимали «по преимуществу лиц из сельских обывателей Томской губ.», но, по недостатку желающих, могли поступить молодые люди из других сословий. Затем Томская ветеринарно-фельдшерская школа была переведена в состав Омской школы (1905 г.), так как не имела квалифицированных преподавателей и обладала бедной материальной базой.

Для выяснения социальной основы формирования сообщества *сотрудников агрономической службы* следует обратить внимание на то, представители каких общественных групп обучались в образовательных учреждениях, готовящих специалистов для данной отрасли. Приведем данные на 1910 г., содержащиеся в монографическом исследовании А. П. Толочко, О. В. Ищенко, И. С. Сковородиной. Основная масса обучавшихся в сельскохозяйственных учебных учреждениях формировалась за счет крестьянских детей (60 % от общего числа учащихся). Это было обусловлено тем, что выпускники таких образовательных учреждений были востребованы именно в сельской местности, в крестьянской среде. В эти школы поступали также дети мещан и представителей прочих

---

¹ Донченко А. С., Осташко Т. Н., Самоловова Т. Н. Указ. соч. С. 93–94.

² Там же. С. 101, 104.

малообеспеченных сословий (25 %). По мнению вышеназванных исследователей, дети священнослужителей, дворян, купцов не были заинтересованы в получении столь малопрестижных профессий и почти не проявляли стремления получить образование в подобных образовательных учреждениях¹.

Проблематично определить, в связи с состоянием источников, преимущественно из каких слоев населения формировалось *сообщество писарей*. В периодике отмечалось, что эту должность занимали выходцы из крестьянских дворов, из семей, в которых родители занимались умственным трудом (учительство, духовенство, медицинские работники). В архивных материалах отмечено, что писари относились по своей социальной принадлежности к крестьянской и мещанской среде². Некоторые из сельских и волостных писарей служили ранее полковыми писарями³, были ссыльными⁴. Писарем могли нанять отставного городского чиновника. Вероятно, это объясняется тем, что должность писаря предполагала большой объем работы и невысокую заработную плату.

Чтобы наиболее объективно представить качественные характеристики сельской интеллигенции, рассмотрим *образовательный уровень* ее членов. В. В. Мезенцева выявила, что в начале XX в. интеллигенция Западной Сибири имела преимущественно высшее и среднее образование⁵. Однако сельские условия жизни были малопривлекательными для интеллигентов. Предположим, что часть интеллигентов, приехавших в село, не устроила свою карьеру в городе из-за низкого уровня квалификации. Таким образом, образовательный уровень сельских интеллигентов был несколько ниже, чем городских.

Нами выявлено, что спектр учебных заведений, в которых обучались представители *сельского духовенства*, был весьма обширен. Высшее духовое образование получали в Казанской духовной академии. Представители сельского клира обучались в семинариях, которые располагались как в Сибири (в Иркутске, Омске, Тобольске, Томске), так и в Европейской России (во Владимире, Вологде, Воронеже, Калуге, Нижнем Новгороде, Пензе и т. д.). География расположения духовных училищ, в которых также получали образование сельские церковнослужители, не менее обширна. В Сибири готовили кадры

---

¹ Толочко А. П., Ищенко О. В., Сквородина И. С. Указ. соч. С. 153.

² ГААК. Ф. 178. Оп. 1. Д. 28. Л. 4–9.

³ Там же. Ф. 181. Оп. 1. Д. 70. Л. 36 об.

⁴ Зинин Н. К. Указ. соч. С. 96.

⁵ Мезенцева В. В. Указ. соч. С. 54.

для духовного ведомства Барнаульское, Бийское, Каинское, Красноярское, Омское, Тобольское, Томское, Улалинское духовные училища. В центральных регионах России находились духовные училища, выпускники которых также пополняли ряды сельского духовенства Западной Сибири: Донское, Зарайское и Касимовское (Рязанская губ.), Ливенское (Орловская губ.), Липецкое, Московское, Заиконоспасское, Муромское, Нижегородское, Пензенское, Оренбургское, Бугульминское и др.

Судя по материалам источников, будущие церковнослужители получали образование и в светских учебных учреждениях: в университетах, учительских семинариях, земледельческих и реальных училищах, ветеринарно-фельдшерских школах, гимназиях, приходских школах, городских училищах разных губерний страны¹.

А. М. Адаменко представила данные, отражающие динамику образовательного уровня духовенства приходов юга Западной Сибири, входившую в состав Томской епархии во второй половине XIX – начале XX в. Для нашего исследования были востребованы сведения, отражающие динамику образовательного уровня священнослужителей за 1875 и 1914 г. В связи с этим таблица, представленная А. М. Адаменко, нами скорректирована (табл. 3). Данные таблицы свидетельствуют о том, что качественные и количественные характеристики церковнослужителей в рассматриваемый нами период претерпели значительные изменения. Среди протоиереев к 1914 г. появились лица, завершившие обучение в духовной академии, чего не наблюдаем в 1875 г.; число окончивших обучение в семинарии осталось неизменным, но появился один священнослужитель, не окончивший курс семинарии.

Судя по данным таблицы, сократилась доля священников, окончивших курс обучения в семинарии, но меньше стало и количество не окончивших семинарию. Возросло число окончивших духовные училища, уменьшилась доля священников, не завершивших обучение в заведениях данного типа. При этом появились новые образовательные учреждения и курсы, где прошли обучение 33,3 % священнослужителей. В среде дьяконов и псаломщиков ситуация складывалась сходным образом: наблюдался рост их численности, возросла доля священнослужителей, получивших образование.

---

¹ *Скальский К. Ф.* Указ. соч.; *Голошубин И. С.* Указ. соч.; Список церквей Тобольской епархии с обозначением состоящих при них священноцерковнослужителей, составленный 28 дек. 1890 г. // ТобЕВ. 1891. № 1/2. Ч. офиц. С. 8–16; № 3/4. Ч. офиц. С. 29–40; № 5/6. Ч. офиц. С. 59–61; Справочная книга Тобольской епархии к 1 сент. 1913 г. Тобольск, 1913; Справочная книга по Томской епархии за 1898–1899 гг. Томск, 1900; Справочная книга по Томской епархии 1914 г. Томск, 1914; и др.

Таблица 3

**Изменение уровня образования православных священнослужителей
в южных приходах Западной Сибири со временем***

Уровень образования	Протоиереи				Священники				Дьяконы				Дьячки и псаломщики			
	1875 г.		1914 г.		1875 г.		1914 г.		1875 г.		1914 г.		1875 г.		1914 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Духовная академия	–	–	1	6,5	1	0,4	4	0,4	–	–	–	–	–	–	–	–
Семинария (окончили)	14	100	14	87,5	150	59,3	265	29,4	1	2,7	2	1,3	–	–	17	2,5
Семинария (не окончили)	–	–	1	6,25	55	21,7	126	4	12	32,4	20	12,7	31	10,4	75	11,1
Катехизаторские и миссионерские училища	–	–	–	–	–	–	99	11	–	–	23	14,6	–	–	47	7
Пасторские и псаломщические курсы	–	–	–	–	–	–	31	3,4	–	–	–	–	–	–	7	1
Духовные училища (окончили)	–	–	–	–	4	1,6	106	11,8	2	5,4	22	14	34	11,4	77	11,4
Духовные училища (не окончили)	–	–	–	–	43	17	75	8,3	22	59,5	23	14,6	215	71,9	115	17,1
Церковноучительские школы	–	–	–	–	–	–	23	2,6	–	–	15	9,6	–	–	39	5,8
Церковноприходские училища	–	–	–	–	–	–	24	2,7	–	–	10	6,4	–	–	55	8,2
Светские школы	–	–	–	–	–	–	122	13,6	–	–	33	21	–	–	162	24,1
Не обучались	–	–	–	–	–	–	25	2,8	–	–	9	5,7	19	6,4	79	11,7
Итого:	14		16		253		900		37		157		299		673	

*Составлено по данным: Адаменко А. М. Приходы РПЦ на юге Западной Сибири в XVII – начале XX в. Кемерово, 2000. С. 64.

Медицинскими фельдшерами становились лица, имевшие медицинское образование, либо не имевшие его, но выдержавшие испытание при врачебном отделении. Так, в Тобольской губ. в 1911 г. работали 42 сельских медицинских фельдшера, которые окончили Омскую центрально-фельдшерскую школу, и 3 – окончившие военно-фельдшерскую. При врачебном отделении испытание выдержали два фельдшера. Восемь фельдшериц-акушеров получили образование в Тобольской повивально-фельдшерской школе, и пять – в Тобольской акушерско-фельдшерской школе. Земскую фельдшерскую школу окончили две акушерки. Ранее исполняли функции ротных фельдшеров 11 человек¹. Эти данные, на наш взгляд, учитывая некоторые территориальные особенности, можно распространить на всех сельских медицинских фельдшеров региона. Предположим, что фельдшерами могли стать лица, имевшие образование не ниже начального.

Ветеринарные врачи имели преимущественно университетское образование. Ветеринарных врачей для страны готовили с 1484 г. Дерптское (Юрьевское) и с 1851 г. – Харьковское ветеринарные училища, преобразованные в 1873 г. в институты. С 1861 г. ветеринаров готовили в Варшавской ветеринарной школе, преобразованной в 1889 г. в институт, а также во вновь открытом в 1873 г. Казанском ветеринарном институте². Должности сельских *ветеринарных фельдшеров* замещали в основном выпускники ветеринарно-фельдшерских школ. Западная Сибирь имела три из четырех таких школ, которые были открыты к началу XX в. на территории империи – в Тобольске (1878 г.), Томске (1878 г.) и Омске (1897 г.)³.

Сельские и волостные писари, согласно архивным материалам, получали образование в школе писарей (например, при Тамбовской палате государственных имуществ), а также в сельских училищах Духовного ведомства и «министерских» училищах⁴. Многие уже имели опыт профильной работы – военными писарями, в канцелярии крестьянских начальников, суда⁵.

Отметим, что недостаток квалифицированных кадров для замещения пустующих вакансий способствовал созданию специальных краткосрочных курсов, на которых все желающие могли получить необходимые знания для замещения должностей; можно

---

¹ Там же. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1439. Л. 11–14.

² Донченко А. С., Осташко Т. Н., Самоловова Т. Н. Указ. соч. С. 87.

³ Там же.

⁴ ГААК. Ф. 181. Оп. 1. Д. 70. Л. 36, 70 об., 120, 131 об.

⁵ Бакиева Г. Т. Волостное управление у сибирских татар...

было сдать испытательные экзамены при соответствующих ведомствах. Так, в 1909 г. в Москве по инициативе протоиерея И. Восторгова были открыты пастырские курсы, куда стали принимать учителей церковных школ, диаконов и псаломщиков¹. Примером допущения к педагогической деятельности являлась сдача соискателями экзаменов на звание учителя, пройти которые могли не все желающие². Директор народных училищ Тобольской губ. отмечал, что лица, сдавшие такие экзамены, оказывались более способными к самообразованию, чем их коллеги, обучавшиеся, например, в прогимназиях³. Низших медицинских работников готовили на курсах, как это было в Томской губ. в 1892 г.⁴

Можно предположить, что формирование идентичности полипрофессионального сообщества сельской интеллигенции начиналось еще в процессе обучения в учебных заведениях. При обучении у будущих интеллигентов формировался особый язык, непонятный для неподготовленного человека; вырабатывалась особая культура (педагогическая, правовая, санитарно-гигиеническая и пр.), возникающая на опыте взаимодействия в рамках учебного процесса. Формировалось определенное отношение к жизненным реалиям и той профессии, которую осваивали молодые люди.

Для определения *конфессиональной принадлежности* сельской интеллигенции обратимся к выводам А. П. Толочко, О. В. Ищенко, И. С. Сквородиной, которые проанализировали состав учащихся низших и профессиональных учебных заведений Западной Сибири в исследуемый нами период и установили, что они исповедовали преимущественно православие. В Омскую учительскую семинарию допускались лица магометанского вероисповедания⁵. В личных делах интеллигентов отражен тот факт, что некоторые из них были католиками, иудеями, магометанами⁶. Таким образом, конфессиональная принадлежность студентов, которые впоследствии пополняли ряды сельской интеллигенции Западной Сибири, может также служить определенным маркером идентичности интеллигентов.

---

¹ Московские пастырские курсы. СПб., 1911. С. 10–11.

² ГАТО. Ф. 126. Д. 1434. Л. 28, 30, 31.

³ Там же. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2794. Л. 3 об.

⁴ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 438. Л. 20.

⁵ Толочко А. П., Ищенко О. В., Сквородина И. С. Указ. соч. С. 160.

⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 412. Л. 38; ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1349. Л. 4 об; и др.

Итак, в конце XIX – начале XX столетия в Западной Сибири наблюдалось увеличение числа сельской интеллигенции, но удельный вес ее среди всего деревенского населения Западной Сибири остался на уровне 0,2 %.

Среди интеллигенции было больше мужчин, чем женщин, количественно доминировали представители этого слоя в возрасте 20–59 лет. Большинство интеллигентов происходило из семей крестьян, духовенства, в меньших пропорциях имелись представители и других сословных групп. Преобладающая часть сельской интеллигенции имела начальное и среднее образование, исповедовала православие, хотя имелись представители и иных конфессий.

1.3. Социальный портрет и благосостояние сельской интеллигенции

Территориальное расположение сельской местности по отношению к культурным центрам и властным структурам края влияло на развитие сельской интеллигенции Западной Сибири, на формирование ее социального портрета. Под *социальным портретом* нами понимается комплекс поведенческих, культурных, экономических характеристик, типичных для представителей определенной социальной группы. В. И. Казакова отмечает, что «социальный портрет сочетает в себе элементы мифа и игры, слов и вещей, он в значительной мере есть отражение... исторической судьбы России... ”схватывающее” российское общество подчас в весьма своеобразных ракурсах исследования»¹. Тема идентичности, на наш взгляд, может быть обозначена как первостепенная проблема, определяющая «штрихи» социального портрета сельской интеллигенции Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.

В процессе реконструкции социального портрета сельской интеллигенции нами было выявлено, что важнейшей его составляющей, судя по данным источников, была гражданская активность, профессиональная самоотверженность, готовность и способность работать при низкой оплате труда в непригодных для работы помещениях, в течение ненормированного рабочего дня, оказывать помощь крестьянам, как правило, целой округи, как, например, это делали сельские *медицинские работники*. В журнале

---

¹ Казакова В. И. Социальный портрет как объект феноменологического анализа [Электронный ресурс]. URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2011_1\(21\)/5.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2011_1(21)/5.pdf) (дата обращения: 11.07. 2014).

«Сибирские вопросы» приведены следующие данные. В Томской губ. на 1911 г. насчитывалось почти 3,5 млн жителей. На одного врача приходилось около 60 тыс. человек. Многие должности участковых врачей были не замещены. В таких случаях врач заведовал двумя участками, в его ведении было около 120 тыс. человек¹. В с. Усть-Чарышская Пристань Бийского уезда Томской губ., в котором проживало около 12 тыс. душ, больных обслуживали один врач и два фельдшера. Амбулатория была постоянно переполнена больными, которых ежедневно было по 80–100 человек².

Данные источников позволяют говорить о том, что нередко сельские лечебницы не имели помещения, медикам приходилось ходить на дом к пациентам, которые находились в разных концах участка, лекарства часто отсутствовали. Сельские медицинские работники вынуждены были самостоятельно изготавливать некоторые медикаменты³. Отсутствие необходимых лекарств и невозможность в связи с этим оказать помощь нуждающимся приводили к тому, что у крестьян формировалось негативное отношение к лечебницам⁴. Деятельность интеллигентов в таких условиях можно назвать подвижничеством. Примером может служить активность сельского врача В. В. Громова. Уроженец Нижегородской губ., он окончил Военно-медицинскую академию и переехал с семьей в с. Ишимское Томского окр. В селе лазарет помещался в наемном помещении, на попечении врача находились три конвойных команды, еженедельная партия пересыльных арестантов, и всё окрестное население прибегало к помощи «ишимского дохтура». Благодаря его усилиям был построен лазарет. Впоследствии Громов заразился тифом и умер⁵.

Сельские фельдшеры, судя по материалам источников, проявляли не меньшую самоотверженность. Исследовательница К. А. Семёнова отметила, что сельские фельдшеры, в связи с недостаточным числом врачей, имели право диагностировать пациента и назначать лечение, в то время как при городских больницах фельдшеры лишь выполняли указания лечащего врача⁶.

---

¹ *Сибиряк*. Врачебный голод // Сиб. вопросы. 1911. № 24/25. С. 85.

² Усть-Чарышская Пристань Бийского уезда: (санитарная и медицинская помощь) // Сиб. жизнь. 1914. 9 янв.

³ ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1465. Л. 18 об.

⁴ Хроника // Сиб. врач. 1914. 12 янв. С. 52.

⁵ Василий Васильевич Громов // Томский справочный листок. 1894. 25 сент.

⁶ *Семёнова В. К.* Здравоохранение г. Томска в историческом развитии (начало 1860-х – начало 1860-х гг. – 1919 г.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. С. 103.

Исследователь М. В. Змеев отмечает, что в этическом дискурсе врачей собственно профессиональные правила поведения теснейшим образом переплетались с интеллигентскими ценностями, что нашло отражение в интеллигентном образе врача – общественника и подвижника¹.

Неблагоприятные условия труда сопутствовали и деятельности *сельских педагогов*. Отметим, что обращения к этой проблеме в исследуемый нами период неоднократно встречаются в художественных произведениях. Вопрос о неблагоприятных условиях труда и масштабах профессиональной деятельности педагогов, в том числе и сельских, также активно муссировался в периодической печати. Отметим, что и в официальных отчетах содержатся подобные сведения. В связи с вышеизложенным, рассмотрим наиболее часто встречающиеся в источниках сюжеты, посвященные условиям трудовой деятельности сельских педагогов, трудящихся во благо народа. В газете «Сибирская жизнь» содержится информация о том, что в с. Ояш Томского уезда Томской губ. «министерская» школа была «до того ветха и тесна, что учащаяся детвора... в ней задыхается», а учительница систематически страдает головной болью. Это происходило оттого, что школа, построенная лет 30–35 тому назад, была рассчитана на 30 учащихся, но в ней обучалось 75 человек. Недостаток кислорода отрицательно влиял на здоровье учителя и учеников².

Из с. Чингисы Барнаульского уезда Томской губ. в 1913 г. поступили следующие сведения о состоянии школы: «В одном месте стены расщелина, но для глаз она почти незаметна, потому что замазывается. <...> Что же касается печей, то они обиты жестью и пока послушно стоят, лукаво скрывая недоброкачество кирпича...». Автор журнальной заметки писал, что учительнице и ученикам «приходится внутри здания зимой кутаться в свои худенькие шубенки»³. Известный общественный деятель А. В. Адрианов, описывая свои впечатления о поездке вдоль р. Томи, отмечал, что педагоги вынуждены вести борьбу с крестьянами из-за доставки дров и доплаты жало-

---

¹ Змеев М. В. Социальный мир интеллигенции рубежа XIX–XX вв. в контексте русской общественной мысли: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Пермь, 2003. С. 20.

² Б-в. Село Ояш Томского уезда: (школьное дело) // Сиб. жизнь. 1909. 29 янв.

³ Село Чингисы Барнаульского уезда: в стенах и за стенами школы // Алтайский крестьянин. 1913. № 28. С. 11.

вания. Подвижники без подвига – так охарактеризовал Адрианов сельских учителей в Западной Сибири¹.

Реконструируя портрет следующей группы полипрофессионального сообщества сельской интеллигенции, *сельского причта*, мы выявили, что во многих приходах крестьяне характеризовали своих пастырей положительными чертами. Приведем примеры. В конце XIX в. в с. Новотроицком Ишимского уезда Тобольской губ. священником был Н. С. Назаревский, приехавший из Рязанской губ. Сначала крестьяне не хотели общаться с церковнослужителем, так как большинство из них были привержены староверию. Однако, познакомившись со священником поближе, крестьяне изменили свое отношение к пастырю. Прихожане так характеризовали своего духовного наставника: «Не было у нас еще такого доброго батюшки. <...> А простой какой, – никогда не откажет, что попросишь, последнее пополам разделит»². Таким же щедрым на советы и материальную помощь для своих прихожан был священник К. И. Загуменский, трудившийся в с. Исетском Ялуторовского окр. Тобольской губ. в это же время³. В с. Карапчанском Курганского уезда Тобольской губ. в 1900 г. прихожане называли пастыря Никанора Карпова «папашей» и посвятили ему следующие признательные строки: «Пастырские обязанности свои... ты исполняешь... несмотря ни на погоду, ни на усталость, ни на жестокие иногда приступы твоей неизлечимой болезни... Мы идем в дом твой... как дети к отцу... ты всегда готов удовлетворить не одни только духовные наши нужды, а и материальные»⁴. В с. Самарово Тобольского окр. Тобольской губ. священствовал Н. И. Вергунов. Его смерть стала печальным известием для крестьян, которым он стал примером, будучи «помощником бедных и сирот»⁵.

Источники свидетельствуют, что сельские интеллигенты нередко осваивали и практиковали чуждые их профессии занятия, выполнение которых никто не оплачивал, что свидетельствует об их способности к самопожертвованию на благо сельского общества, их гражданской активности⁶.

---

¹ А-в [Адрианов А. В.] Сибирские негативы: (из дорожных впечатлений) // Сиб. вопросы. 1908. № 17/18. С. 56.

² Священник Николай Овчинкин // ТобЕВ. 1891. № 1/2. Ч. офиц. С. 42.

³ Г-в В. Некролог // ТобЕВ. 1891. № 1/2. Ч. офиц. С. 43.

⁴ Священник Николай Елеонский // ТобЕВ. 1900. № 23. Ч. неофиц. С. 484–485.

⁵ От Нестора Семеновича Скрипунова // Самаровский петербуржец: письма сибиряков к Х. М. Лопарёву. Ханты-Мансийск, 2008. С. 195.

⁶ Л. К. Очерки сибирской жизни // Сиб. вопросы. 1909. № 49/50. С. 43.

В изучаемый период органы управления образованием проводили разнообразные курсы для учителей, которые обеспечивали педагогов необходимыми знаниями для оказания помощи крестьянам в решении многих проблем, в том числе и медицинской. Сельское духовенство также могло заниматься медицинским делом, сельскохозяйственной деятельностью и распространением инновационных знаний в аграрной сфере¹. Заметим, что крестьянам и в голову не приходило, что сельские интеллигенты занимаются садоводством, пчеловодством или медицинским делом по своему желанию, а не по профессиональному долгу, так как это были не единичные, а весьма распространенные случаи.

Если социальный портрет вышеописанных социальных групп в большей степени в источниках имеет однозначную характеристику, то иначе дело обстоит с другой группой сельской интеллигенции – *волостными и сельскими писарями*. Источниковая база по исследованию писарей скудна, за исключением материалов периодической печати.

На страницах газеты «Восточное обозрение» отмечено, что сельские жители на писарей «в большинстве случаев смотрят как на полуграмотных, с продажной совестью пошляков, умеющих ловко лишь обдeldывать свои личные делишки», «наймитов без нравственного ценза», игнорирующих интересы крестьян². Иногда писарей называли «отбросами городской деловитости»³. Отметим, что в Сибири, «где сельская интеллигенция почти исключительно состояла из волостных писарей и священников», писари нередко воспринимались всевластными «вершителями судеб темного и невежественного народа»⁴. В письме Х. М. Лопарёву из с. Самарово Тобольского окр. Тобольской губ. в 1906 г. один из его родственников, житель названного населенного пункта, писал: «... а у нас что писарь скажет, так и быть»⁵. Кроме того, часто писари были представлены людьми, имеющими «слабость» к растратам и вымогательству. Некоторые были уличены в пьянстве, что нашло выражение в описании внешности типичного представителя данной профессии: теплые пимы, пиджак, цепочка от часов, «сизый нос»⁶.

---

¹ ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 27. Л. 60 об.–61; Д. 124. Л. 10 об; и др.

² *Н-ский*. К вопросу о волостных писарях // ВО. 1901. 24 мая.

³ Сельская проституция и врачебно-полицейский надзор // Сибирский вестник (далее – Сиб. вестник). 1903. 18 авг.

⁴ А. С. О мелкой сошке // Сибирский листок (далее – Сиб. листок). 1903. 26 июня.

⁵ От Петра Ильича Лопарёва // Самаровский петербуржец. С. 155.

⁶ *Богословский А.* Деревенские письма // Сиб. вестник. 1904. 11 апр.

Впрочем, слова в защиту волостных и сельских писарей на страницах периодической печати малочисленны: «Писарь такой же человек, как и другие, но только поставлен в такие условия, что с трудом может измениться к лучшему»¹. Отмечалось, что писари работают в антисанитарных условиях, которые существовали в управлениях из-за большого потока посетителей, ночующих бродячих поселенцев². Объем же работы у писарей был внушительным: ведение книг – должностных, податных, регистрационных, пометочных, постановлений, покосных, раздельных, натуральных повинностей, книг хлебозапасного магазина, исполнение всевозможных бумаг, рапортов, отношений; подписки и т. д. Ответственным и обременительным занятием для сельских писарей было почтовое делопроизводство, которые нередко возлагалось на них³.

В письме двоюродного брата Х. М. Лопарёва – М. Н. Кузнецова, написанном в 1897 г., повествуется о том, как последний работал помощником волостного писаря, но впоследствии ушел с данного поста: «... трудно показалось... много и заботы-работы»⁴.

Таким образом, обозначенные выше черты социального портрета интеллигентов важны для реконструкции идентичности сельской интеллигенции. Независимо от того, происходили ли описываемые события в действительности или это продукт традиции самоописания интеллигенции, можно констатировать, что интеллигенты старались придерживаться определенных норм поведения, среди которых были жертвенность, стремление принести пользу народу. Как отмечает Т. А. Сабурова, группообразующим признаком интеллигенции во второй половине XIX в. и являлось служение народу⁵.

В теории Г. Тэджфела отмечается, что идентичность группы связана с сопутствующей ей положительной и отрицательной оценкой, которая существует в обществе⁶. Положительная характеристика сельской интеллигенции активно муссировалась на страницах периодической печати, художественных произведений, в отчетах самих интеллигентов и представителей разных ведомств. Она, как правило, была связана с самоотверженным трудом всех профессиональных групп интеллигенции, большими объемами работы, нередко носящей характер подвижничества, и являлась важной

---

¹ А. С. О мелкой сошке // Сиб. листок. 1903. 26 июня.

² А-в [Адрианов А. В.] В мирской избе: (из записок сельского писаря) // ВО. 1901. 23 сент.

³ РГИА. Ф. 1237. Оп. 1. Д. 328. Л. 26.

⁴ От Матвея Николаевича Кузнецова // Самаровский петербуржец. С. 42.

⁵ Сабурова Т. А. Русский интеллектуальный мир / миф... С. 224–225.

⁶ См.: Матузкова Е. Указ. соч.

составляющей социального портрета сельских интеллигентов. В связи с этим считаем целесообразным рассмотреть и негативные характеристики сельской интеллигенции, которые также были неотъемлемым компонентом социального портрета исследуемой группы. Подобные характеристики, с нашей точки зрения, свидетельствуют о том, что процесс формирования идентичности интеллигенции еще не был завершен, так как присутствовали разнообразные формы поведения представителей исследуемых профессиональных сообществ. Кроме того, негативные «штрихи» социального портрета интеллигенции, создаваемые представителями деревни, могут свидетельствовать о том, что сельский социум также присматривался к новой, выкристаллизовавшейся общественной группе.

Можно констатировать, что важной чертой социального портрета сельских интеллигентов Западной Сибири, является *бесправное положение*. Заметим, что это особенно очевидно на примере учительства. Так, в журнал «Сибирские вопросы» некто Филиппов написал, что в с. Новотроицком Тюкалинского уезда Тобольской губ. имелась одноклассная сельская школа. На протяжении трех лет здесь работала учительница Пospelова, которая всецело была поглощена школьными делами, не жалея при этом ни своих сил, ни здоровья. В 1910 г., «когда нельзя было принять всех желающих учиться, за неимением свободных мест в школе, госпожа Пospelова решила принять всех, чтобы никого не лишить возможности учиться»¹. Дела в школе шли хорошо. Однако вскоре она получила от инспектора народных училищ отношение: «Вы отчисляетесь, для пользы службы, от должности учительницы Новотроицкого одноклассного училища с 1 ноября»². По словам Филиппова, учительницу среди зимы освободили от службы. Подобная ситуация произошла в этом же уезде в с. Баженовском с учительницей О., в пос. Козылинском с учительницей Б.³, и т. д.

На страницах педагогического журнала «Вестник воспитания» отмечалось, что учитель испытывает зависимость от своего начальства и от «многочисленного ряда лиц»: попечителя школы, волостного старшины, писаря, школьного сторожа⁴. Кроме этого, на

---

¹ Филиппов. Сибирские письма // Сиб. вопросы. 1910. № 44. С. 30.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 32.

⁴ Хроника // Вестник воспитания. 1896. № 7. С. 294–297.

плечи педагогов вышестоящие власти «желали бы взвесить новые тяготы»: работу в качестве инструктора-пчеловода, учителя пения, садовода и т. д.¹

Положение сельских и волостных писарей было также весьма незавидным. В народе даже существовала поговорка: «Писарь – последняя тварь у царя»². На страницах «Сибирского листка» писарь характеризовался так: «... человек как будто бы и есть человек, как и другие люди, даже состоит на общественной службе, но без прав»³. Унижение и бесправие сельского писаря могло доходить до абсурда, немало свидетельств этому изложено на страницах журнала «Сибирские вопросы»⁴.

В источниках содержатся сведения о том, что у писарей, как и у других представителей сельской интеллигенции, по их мнению, были ограниченные возможности для нравственного развития и самообразования, так как книжная продукция поступала не во все населенные пункты, особенно это касается отдаленных деревень. Не всегда наличная и доступная литература соответствовала интересам интеллигенции. Волостное и сельское начальство могло штрафовать, увольнять писарей за любые проступки. Всё это способствовало тому, судя по публикации в газете «Жизнь Алтая», что писарь был обречен «кочевать из волости в волость, из деревни в деревню... пока не сопьется совсем или от горькой жизни не отдаст Богу душу»⁵. Отмечалось, что допущение на данную должность женщин способствовало бы «улучшению контингента писарей»⁶. В «Восточном обозрении» повествуется о некоей Проскуровой, которая работала писарем. Крестьяне отзывались о ней положительно и сожалели об ее отъезде на другое место работы⁷.

Конечно, социальный портрет сельской интеллигенции конца XIX – начала XX в. не будет полным, если не обратить внимание на то, что современники отмечали халатное отношение отдельных представителей интеллигенции к своей работе. Так, в газете «Сибирская жизнь» было опубликовано письмо некоего К-ъ, где говорится, что в с. Камень-на-Оби Барнаульского уезда Томской губ. в 1911 г. была открыта сельская лечебница. Открытие бесплатной лечебницы казалась бы, должно было стать для

---

¹ Сибирские очерки // Восточное обозрение (далее – ВО). 1901. 8 мая.

² Богословский А. Деревенские письма // Сиб. вестник. 1904. 11 апр.

³ А. С. О мелкой сошке // Сиб. листок. 1903. 26 июня.

⁴ Д-ов. Бесправный // Сиб. вопросы. 1911. № 47/49. С. 62.

⁵ Житель. О сельском писаре // Жизнь Алтая. 1912. 5 янв.

⁶ Сибирская хроника // ВО. 1897. 26 марта.

⁷ Там же. 16 марта; 26 марта.

жителей села «весьма отрадным фактом, но значение его умалется, пока врачом лечебницы состоит г. Драгомирецкий»¹. Автор сообщения отмечает, что «крестьянину с. Камень Н. во время ссоры была нанесена ножевая рана в живот. <...> Д., осмотрев больного, авторитетно заявил: “Нужно умирать”!»². Этой тирадой Драгомирецкий и ограничился при оказании «медицинской помощи».

Своеобразно оказывала медицинскую помощь и женщина-врач Спасская в с. Сорокино Барнаульского уезда Томской губ.: «Кроме обыкновенного способа лечения... она практикует и совершенно новый... Она строго приказывает болезни: “Болезнь, уймись!” или “Рука, подымись!”». Правда, как саркастически отмечал автор текста, болезни еще пока не привыкли подчиняться приказу³. Приведем еще один пример. В с. Боготол Томского уезда Томской губ. ремесленное училище имело казенную баню. Однако заведующий ремесленным училищем Донской «в бане моется прежде сам со своим семейством, потом моет в бане своих коров... а после этого предлагает мыться уже руководителям и ученикам»⁴. Многие деревенские жители отказывались посещать это заведение. Бедные же ученики, которые не имели денег на «торговую» баню, вынуждены были в ней мыться.

Материалы периодической печати свидетельствуют о том, что распространенным явлением в среде сельских интеллигентов было пьянство. Учитель из с. Николаевского Змеиногорского уезда Сергей Мартынович так много пил, что однажды дети пришли в школу и увидели, что «учитель лежит мертвый под партой, а рядом с ним почти пустая четверть водки»⁵. Вероятно, алкоголизму были подвержены и некоторые преподавательницы. Так, в архивных делах содержится информация о том, что учительница Усть-Незинской школы Томской губ. Анна Герасимовна в 1906 г. на съезжих праздниках «напивается до того, что люди собирают по улице ее низики... которые потом на посмешище везят на крапиву»⁶.

Пьянство имело место и в среде священнослужителей. В журнале «Сибирские вопросы» находим этому статистическое подтверждение. В одном из медицинских участ-

---

¹ К-ь. По Сибири: с. Камень, Барнаульский уезд: (сельская лечебница и врач Драгомирецкий) // Сиб. жизнь. 1913. 16 нояб.

² Там же.

³ Федосеев И. П. Село Сорокино Барнаульского уезда // Алтайский крестьянин. 1914. № 21. С. 20–21.

⁴ Нам пишут: с. Боготол Томского уезда Томской губ. // Сиб. жизнь. 1913. № 260. С. 4.

⁵ Л. К. Наши просветители: (письмо из Алтая) // Сиб. вопросы. 1909. № 30. С. 30.

⁶ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 110. Л. 110.

ков Томской губ., обслуживающем 60 тыс. жителей, за 1907 г. среди крестьян врачи наблюдали только два случая белой горячки, а из священников, которых в этом участке было всего 16, за тот же год с белой горячкой к врачу обращалось пятеро¹. Порой поведение пастырей в состоянии алкогольного опьянения доходило до абсурда. Так, в 1914 г. дьяк с. Краснощеково Змеиногорского уезда, переодевшись в женскую одежду, сел среди улицы в большой жестяной таз. Он нанял двух женщин, которые «прокатили» его в таком виде по улице. В следующий раз дьяк с одними из своих друзей в таком же состоянии отправился плавать по р. Чарыш на лодке. Угодив в воду, «отважные путешественники» выяснили, что ни один из них не умеет плавать. Церковнослужителя с другом извлекли из воды «еле не захлебнувшихся»².

Заметим, что нередко при отношениях с паствой на первый план для священнослужителей выступал «презренный металл»³. Истерические припадки, попытки суицида, самоубийства, рукоприкладство также были распространенными явлениями, которые необходимо учитывать при характеристике западносибирской сельской интеллигенции⁴.

В рамках нашего диссертационного исследования представляется актуальным определение уровня *материального благосостояния* сельской интеллигенции Западной Сибири. При этом, опираясь на выводы Б. Н. Миронова, мы будем иметь в виду, что «благосостояние населения... конечный результат совместных усилий со стороны населения и правительства в деле переустройства российской жизни... и одновременно... важнейший показатель успешности модернизации»⁵.

Уровень доходов у разных групп сельских интеллигентов не был одинаковым. Даже представители одной профессии, в зависимости от разных факторов, в том числе и от уровня своего образования, имели разный доход. Чтобы дать представление о том, насколько заработная плата сельских интеллигентов позволяла им удовлетворять жизненные потребности, приведем стоимость некоторых рыночных продуктов в изуча-

---

¹ Петрович П. Из жизни Тобольской губ. // Сиб. вопросы. 1908. № 26. С. 30.

² Наблюдатель. Село Краснощековское Змеиногорского уезда // Алтайский крестьянин. 1914. № 21. С. 20–21.

³ З-ый. «Черная епархия» // Сиб. вопросы. 1911. № 1. С. 34.

⁴ См., например: Л. К. Наши просветители: (письмо из Алтая). С. 30–32.

⁵ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России, XVIII – начало XX в. М., 2010. С. 22.

емый период. Средняя цена одного пуда овса в 1911–1915 гг. в Западной Сибири составляла 67 к., ячменя – 63 к., пуд бараньего мяса стоил 3 р. 22 к., свинины – 4 р. 22 к.¹

Довольно подробно уровень и динамика *доходов учительства* представлены в диссертации О. В. Блиновой². По этой причине отразим лишь основные сюжеты данного вопроса. Зарплата народного учителя часто формировалась из министерского жалования и выплат местного общества. «Памятная книжка Томской губ.» содержит информацию о том, что жалованье сельского учителя в 1884 г. в среднем равнялось 240 р. в год. Такое содержание, по словам автора статьи, было «нельзя признавать нормальным»³. Низким считался уровень дохода учителей, работающих в школах МВД, который варьировался от 200 до 240 р.⁴

Отметим, что периодически заработная плата учителей повышалась, но на разных территориях Западной Сибири она оставалась различной. Проанализировав данные Однодневной школьной переписи 1911 г., О. В. Блинова пришла к выводу, что оклады учителей Томской губ. были самыми низкими в регионе, составляя в среднем 307 р. в год для сельских учителей и 316 р. для учительниц. Годовое жалование педагогов Тобольской губ. равнялось 351 р. для мужчин и 329 р. для женщин. В Акмолинской обл. среднее вознаграждение было выше – 372 р. для сельского учителя и 304 р. для учительницы⁵.

Низкий уровень благосостояния сельских педагогов не только муссировался на страницах периодической печати и художественных текстов, но и был признан властями. Так, в одном из архивных дел, характеризующем положение сельских педагогов в 1902 г., отмечено: «... насколько велика нужда сельских учителей, можно заключить хотя бы из одного уже того факта, что они наряду с крестьянами обращаются к... губернатору об оказании продовольственной помощи»⁶.

---

¹ Россия, 1913 г. [Электронный ресурс]: статист.-докум. справ. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Stat/36.php (дата обращения: 29.04.2014).

² Блинова О. В. Социокультурный облик учительства в Западной Сибири в 1880–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010. С. 91–94.

³ Исторический ход народного просвещения в Томской губ. // Памятная книжка Томской губ. за 1884 г. Томск, 1884. С. 153.

⁴ РГИА. Ф. 129. Оп. 43. Д. 352. Л. 44 об.

⁵ Блинова О. В. Социокультурный облик учительства в Западной Сибири в 1880–1914 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010. С. 93.

⁶ Там же.

В периодической печати часто сообщалось, что сельские педагоги по несколько месяцев подряд не получали заработную плату: про них забывали соответствующие структуры, в волости не имелось средств и т. д.¹ Особенно плачевным было положение преподавателей церковноприходских школ, так как их заработная плата была ниже, чем у педагогов, работающих в «министерских» образовательных учреждениях. Архивные материалы содержат сведения об оплате труда учителей церковных школ Тобольской епархии за 1904–1914 г. (табл. 4).

Таблица 4

**Количество учителей церковных школ Тобольской епархии
с различной оплатой труда (1904–1914 гг.)***

Тип образовательного учреждения	Общее количество учителей	Из них с размером жалования, р. в год									
		Нет сведений	0	Менее 60	60–119	120–179	180–239	240–299	300–359	360–419	Более 420
Школа грамоты	147	–	5	1	11	125	5	–	–	–	–
Одноклассная школа	205	–	–	–	3	48	133	–	16	5	–
Двуклассная школа	24	1	1			1	4	6	9	1	1
Итого:	376	1	6	1	14	174	142	6	25	6	1

*Составлено по данным: РГИА. Ф. 803. Оп. 16. Д. 1929. Л. 3 об.–4.

Анализ таблицы 4 показывает, что большинство учителей школ духовного ведомства имело от 120 до 239 р. годового жалования. Только незначительная их часть получала более 240 р. Таким образом, доход большинства педагогов духовного ведомства позволял им удовлетворять лишь основные потребности человека.

Уровень дохода у «учащих» в школах духовных миссий совсем не отвечал их потребностям. Так, учитель Алтайской духовной миссии, работавший в Актельской школе в 1913 г., рассказывает: из-за того, что ему не положены выплаты квартирных денег, «инородец», у которого он проживал, попросил его освободить квартиру. Учитель со

¹ Сибирская хроника // ВО. 1897. 5 марта; *Проезжий*. Из Ояшинской волости Томской губ.: (забытые учительницы) // Сиб. жизнь. 1908. 18 февр.; и др.

своей семьей вынужден был зимовать в школе, «сквозь которую продували бураны»¹. Отметим, что по таким причинам некоторые учителя вынуждены были уходить работать на непедagogические должности, где оплата труда была сравнительно высока, например, в почтово-телеграфную службу, на должности помощников чиновников, секретарей².

Представители *сельского приходского духовенства* имели возможность получать жалование от казны³. Несмотря на это, одним из главных источников существования духовенства оставалась натуральная руга и плата прихожан за требы, так как на государственном содержании находилась небольшая часть церковнослужителей. Размер руги в каждом приходе был разным, зависел от размера прихода, экономической состоятельности прихожан, от уровня их религиозности и от взаимоотношений, которые существовали между сельским причтом и крестьянами. Исследовательница В. А. Есипова отмечала, что для западносибирского духовенства Совет Главного управления Западной Сибири 10 января 1867 г. установил, что размер руги должен составлять для священника 350 пудов зерна, для дьяка – 200 и для причетника – 125 пудов⁴. Такое предписание носило в большинстве случаев формальный характер. Размер оплаты за требы реально не был унифицирован⁵.

Серьезные проблемы с получением руги были у тех церковнослужителей, которые жили в селах старообрядцев или в «инородческих» селениях. Староверы считали, что не обязаны выплачивать ругу официальной церкви. Несмотря на то, что имелись распоряжения духовных властей о том, что ее «отбывать... обязаны все сельские жители без различий их вероисповедания»⁶, крестьяне далеко не всегда их исполняли. В целом материальное обеспечение духовенства было неудовлетворительным, о чем неоднократно доносилось приходскими священниками в духовную консисторию⁷.

В отчете обер-прокурора Святейшего Синода за 1902 г. отмечено, что духовенство России материально не обеспечено. Казенным жалованием пользовались не все причты. Самыми необеспеченными признавались те церковнослужители, которые получали

---

¹ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 136. Л. 26.

² РГИА. Ф. 129. Оп. 43. Д. 352. Л. 44 об.

³ Есипова В. А. Приходское духовенство Западной Сибири... 1996. С. 60.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Там же. С. 123.

⁶ ГААК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.

⁷ См., например: ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 11. Д. 153. Л. 8 об.; Ф. 156. Оп. 18. Д. 58. Л. 39 об.

содержание от прихожан¹. В тяжелом финансовом положении находились члены причта, имевшие семью. Некоторые церковнослужители, надеясь улучшить благосостояние, по свидетельству томского архиепископа, начали заниматься сельскохозяйственной деятельностью: «Но сельское хозяйство священнику плохое подспорье, потому что хозяйство требует... личного досмотра, а священник ничего такого делать не может»². Для улучшения материального положения духовенства были созданы приходские попечительства. Однако решающей роли в деле улучшения благосостояния сельских церковнослужителей они не сыграли³.

Заметим, что в советское время известный историк П. Н. Зырянов, исследуя благосостояние сельских священнослужителей европейской части страны в 1905–1907 гг., пришел к выводу, что сельский клир был менее состоятелен, чем городской. По уровню благосостояния ученый приравнивал священников к зажиточному крестьянству, низший же состав сельского причта – к крестьянам средней обеспеченности⁴. К аналогичным выводам пришли и современные исследователи Н. А. Иванова и В. П. Желтова, отмечая, что у представителей духовенства имелись преимущества перед крестьянами – их земли и другие владения не подлежали налогообложению и натуральным повинностям⁵. В пореформенный период улучшается и пенсионное обеспечение лиц духовного звания⁶. Однако эти утверждения, на наш взгляд, применимы к тем церковнослужителям, приходы которых располагались в климатически благоприятных условиях, в богатых торговых селах.

Материальное содержание *сельского врачебного персонала* также изменялось. При назначении сельского врачебного штата в Тобольской губ. в 1888 г. врачебному персоналу назначили содержание в размере 840 р. в год, а фельдшерам – 120–200 р.⁷ В дальнейшем, с целью удержания врачей в сельской местности, губернатор предложил к их жалованию прибавить еще 30 % на квартирные расходы⁸. После реформирования сельской медицины в Тобольской губ. в 1896–1897 г. доход медиков вырос: врачи стали

---

¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода за 1902 г. СПб., 1905. С. 163.

² Там же. С. 164.

³ *Есипова В. А.* Приходское духовенство Западной Сибири... С. 155.

⁴ *Зырянов П. Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. С. 33–36.

⁵ *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Указ. соч. С. 60.

⁶ Там же. С. 61.

⁷ РГИА. Ф. 1288. Оп. 12. Д. 1202. Л. 18 об.

⁸ Там же. Л. 17 об.

получать 1200 р. жалования и 180 р. так называемых квартирных; у фельдшеров доход вырос до 300 р. в год. В последующие годы (1911–1913) оплата труда выросла у фельдшеров до 420 р. Жалование врачей в зависимости от условий жизни и работы составило 1800–2000 р.¹

Оплата труда сельских медицинских работников Томской губ. в 1888 г. составляла следующую сумму: врачи получали в год 1140 р., фельдшерский состав – 180–240 р.² После реформы 1896–1897 гг., в ходе которой условия жизни медиков в этой губернии были признаны более благоприятными, чем в Тобольской, заработная плата врачей подросла до 1200 р., но не предусмотрены были отдельные выплаты на аренду жилья. Жалование томских деревенских фельдшеров достигло 300 р. в год³.

Годовое содержание врачебного медицинского персонала Акмолинской обл. после преобразований 1913 г. составляло 1800 р. (1200 р. жалования и 600 р. столовых). Фельдшерский доход повысился до 400 р.⁴

Яркий пример того, что медицинский персонал испытывал материальные трудности, является публикация известного агронома и общественного деятеля Н. Л. Скалозубова. Он познакомился во время пребывания в г. Туринске Тобольской губ. с фельдшерницей А., которая работала в д. Носковой Туринского уезда. Скалозубов рассказывает, что пожилая уже женщина жила в деревне, где крестьяне имели ничтожные по размерам хозяйства, достать из пищевых продуктов, кроме муки, ничего было нельзя – ни молока, ни яиц, ни картофеля. Картофель, чай, керосин стоили очень дорого. Женщина имела двоих детей. Разнообразие в их питание вносили чебаки, которых ловил на удочку старший сын фельдшерницы⁵. Автор отмечает, что эта женщина, бывшая воспитанница Тобольской фельдшерской школы, славилась как одна из выдающихся выпускниц этого училища.

В официальном делопроизводстве также содержатся сведения о неудовлетворительном состоянии жизни сельского медицинского персонала. Так, тобольский губернатор в 1902 г. направил в Медицинский департамент МВД сообщение следующего содержания: «... из 32 сельских врачей Тобольской губ., имеющих резиденцию при лечебницах,

¹ Там же. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 1513. Л. 2.

² Там же. Ф. 1149. Оп. 10. Д. 19. Л. 24; Ф. 1276. Оп. 6. Д. 647. Л. 14 об.

³ Там же. Л. 11 об.

⁴ Там же. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 959. Л. 2.

⁵ Скалозубов Н. Впечатления и заметки: (из поездки в Тобольскую губ.) // Сиб. вопросы. 1909. № 22. С. 3–10.

только 10 врачей имеют казенную квартиру, остальные 23 врача ни квартирою в натуре, ни квартирными деньгами... не обеспечены»¹.

Доход писарей был весьма различен. Так, автор публикации в газете «Жизнь Алтая» отмечал, что оклад сельских писарей Сибири в 1912 г. составлял около 20 р. в месяц². На страницах журнала «Сибирские вопросы» упоминаются зарплата в размере 8 р. в месяц, 800–1800 р. годового жалования³. Однако материальное благосостояние писаря во многом зависело от его предприимчивости, умения договориться с сельским обществом и своим начальством. Вероятно, именно поэтому вопрос о материальном обеспечении сельских и волостных писарей активно муссировался на страницах периодической печати. Выдвигались предположения, что достойная оплата труда будет способствовать тому, что должности писарей станут занимать порядочные люди⁴.

Заработная плата *ветеринарного врачебного персонала* в исследуемый нами период варьировалась от 1000 до 1200 р. годового жалования⁵. В наихудшем материальном положении находились ветеринарные фельдшеры. В 1881–1883 гг. они получали 120 р. в год⁶. В 1908 г. в источнике зафиксированы сведения о том, что заработная плата фельдшерского персонала составляла 240 р.⁷ Однако данная сумма всё равно не соответствовала жизненным потребностям. Годового содержания «не хватает на жизнь даже холостому».

В виде иллюстрации к этому положению приведем фрагмент из доклада фельдшера Тобольской губ. Г. И. Дьяконова на губернском профессиональном совещании, где он характеризовал свое материальное положение в 1902–1903 гг. Расходы фельдшера были распределены следующим образом: оплата за квартиру – 42 р. 10 к., за освещение – 8 р. 46 к., на отопление было потрачено 28 р. 60 к., одежда на одного человека стоила 49 р. 62 к. (на двоих – 99 р. 24 к.), на еду в день уходило по 15 к. на душу, на двоих в год – 54 р. 90 к. Итого, по подсчетам фельдшера, в год тратилось 233 р. 30 к., не считая

¹ РГИА. Ф. 1288. Оп. 12. Д. 1202. Л. 172.

² *Житель*. О сельском писаре // *Жизнь Алтая*. 1912. 5 янв.

³ *А-в* [Адрианов А. В.]: 1) Сибирские штаты: (из дорожных впечатлений) // *Сиб. вопросы*. 1908. № 17/18. С. 63; 2) Сибирские письма // *Сиб. вопросы*. 1911. № 50/52. С. 63; 3) Сибирские негативы // *Сиб. вопросы*. 1908. № 17/18. С. 62.

⁴ А. С. О мелкой сошке // *Сиб. листок*. 1903. 26 июня.

⁵ Донченко А. С., Осташко Т. Н., Самоловова Т. Н. Указ. соч. С. 138.

⁶ Там же.

⁷ Дьяконов Г. И. Об обеспечении ветеринарных фельдшеров // Труды Второго Губернского совещания ветеринарных врачей и фельдшеров в г. Тобольске 12–21 мая 1908 г. Тобольск, 1908. С. 251.

почтовых издержек и расходов на выписку журналов. К этому числу следовало бы добавить расходы на служебные поездки (30–45 р.), исключая «гривенники ямщикам, выпрашивающим на водку у “барина”». Докладчик отмечал: «Счастливы те, кому удается получить работу в канцеляриях мировых судей, приставов, служить помощником волостного или сельского писаря. Скучный заработок на стороне позволяет кое-как сводить концы с концами»¹. Только по прошествии 15 лет службы оклад фельдшера стал составлять 420 р. годового жалования и 50 р. на разъезды. Заметное повышение содержания ветеринарного персонала на исследуемой нами территории произошло лишь в 1913 г. Врачи стали получать 1500 р. годового содержания плюс ок. 300 р. на разъезды, приблизительно 50 р. на канцелярские расходы. Оклады фельдшеров повысились до 480 р. в год².

Агрономический персонал Западной Сибири имел следующий доход. В Тобольской губ. в 1911 г. старшие специалисты по сельскохозяйственной части имели годовой оклад 2400 р., плюс 200 р. безотчетных на расходы, связанные с должностью и канцелярией, и 400 р. безотчетных на транспортные расходы. Жалование и должностные расходы специалистов по животноводству были почти аналогичными, лишь транспортные расходы были меньше – 300 р. Старшие инструкторы по животноводству в этом же году получали за оплату своего труда 900 р., плюс 100 р. безотчетных на расходы, связанные с должностью и канцелярией, и 300 р. безотчетных на транспорт. Старший инструктор по полеводству имел оклад в 800 р. и 100 р. безотчетных на проезд. Младшие инструкторы получали аналогичную сумму на дорожные издержки и 700 р. жалованья. На технику полеводства отпускалось по 600 р. жалования и 300 р. безотчетных на разъезды. Старший инструктор пчеловодства имел жалования 1500 р., а также безотчетные – 200 р. на расходы, связанные с должностью и канцелярией, и 300 р. на транспортные расходы³.

В Томской губ. в 1912 г. жалование агрономического персонала выглядело следующим образом. Инструкторы полеводства имели 1500 р. годового содержания, 100 р. им выдавалось безотчетно на расходы по должности и 300 р. – на транспорт. Помогавшие им техники полеводства получали жалованием 600 р. в год и 300 р. для расходов на

---

¹ Там же. С. 251–252.

² Донченко А. С., Осташко Т. Н., Самоловова Т. Н. Указ. соч. С. 138–140.

³ РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 65. Л. 17.

поездки. Специалист по животноводству имел ежегодно 2400 р. жалования, плюс 200 р. безотчетных на расходы по должности и переписку, 400 р. – безотчетных для поездок по вопросам службы. Инструкторы молочного хозяйства имели оклад 1500 р., на должностные расходы им отпускалось 100 р. и на транспортные – 300 р. Аналогичное жалование имел инструктор по пчеловодству¹.

Отметим, что еще одной статьей, формирующей материальное благосостояние интеллигентов, было *пенсионное обеспечение*. Однако получать его имели возможность не все категории интеллигенции.

Обязательными участниками пенсионной кассы могли быть учителя и учительницы начальных училищ Министерства народного просвещения, если служба педагогов не была связана с правом на получение пенсии из государственного казначейства или специальных капиталов. Вычеты с обязательных участников кассы производились в следующих размерах: при поступлении в кассу одновременно – в размере 6 % годового содержания, с рассрочкой взноса на 12 месяцев, и ежемесячно – в размере 6 % месячного содержания. При исчислении окладов квартирные, разъездные и командировочные пособия в расчет не принимались. Добровольные участники уплачивали в доход кассы ежемесячно по 12 % месячного содержания, независимо от 6 % вступительных взносов². Обратим внимание, что в пенсионной кассе не могли принимать участие законоучители, так как они находились на казенном содержании, получая пенсию из казны³.

Размер пенсии определялся по особым таблицам, утверждаемым Министерством народного просвещения по соглашению с Министерством финансов и государственным контролером.

Право на обыкновенные пенсии имели лица, оставившие службу способными к труду, если они участвовали в кассе не менее 15 лет. Право на усиленные пенсии имели те педагоги, которые оставляли службу неспособными к труду, если они участвовали в кассе не менее 5 лет. Участники кассы, оставившие службу способными к трудовой деятельности без права на пенсию, не могли пользоваться никакими выдачами из кассы, если участвовали в ней менее 5 лет. Если участие их в кассе продолжалось дольше, то им предоставлялось право получить обратно свои личные взносы. Лицам, участвовав-

---

¹ Там же. Д. 66. Л. 16.

² Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. 2-е изд., доп. СПб., 1904. С. 91–92.

³ ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 19. Л. 2 об.

шим в кассе менее 10 лет, их личные взносы возвращались без процентов, а участвовавшим от 10 до 15 лет взносы выдавались со «сложным процентом, по расчету из четырех годовых».

Участники кассы, оставившие службу неспособными к труду, но без права на пенсию, получали обратно свои личные взносы со «сложным процентом по расчету из четырех годовых». Участники кассы, которые получали право на пенсию, могли пользоваться ею во время нахождения в отставке и во время состояния на службе без содержания. Учителям, оставившим службу и поступившим на нее вновь, засчитывалась их прежняя служба путем восстановления закрытого их личного счета, если они при выходе со службы не получали причитающиеся им единовременные выплаты или если они внесли их вновь¹. При переходе из «министерских» школ в церковноприходские и наоборот накопления передавались в фонд нового места службы².

Пенсионное обеспечение православного духовенства было установлено в 1842 г. указом о создании накопительного капитала с последующим его дополнением казенными субсидиями для назначения пенсий только беднейшим сельским священникам, отчислявшим 2 % своего жалования для будущего пенсионера. Временными правилами, установленными в 1866 г., пенсионная система распространялась на всех православных священников. Им назначалась пенсия размером 20 р. в год с последующим его увеличением; с 1880 г. пенсию стали получать дьяконы. В конце 1880-х гг. ввели половинные пенсии за укороченную службу и сокращенные пенсии с отставкой по болезни³. В 1902 г. был утвержден Устав о пенсиях для священнослужителей и псаломщиков Духовного ведомства как уже специальное законоположение постоянного действия. Устав предполагал при полной выслуге 35 лет повышение пенсии священникам с 70 до 130 р. Пенсия несколько меньшего размера устанавливалась для дьяконов и псаломщиков⁴.

Пенсионное обеспечение врачей, фельдшеров и фельдшериц осуществлялось следующим образом. Интеллигенты, вышедшие в отставку по причине тяжелых ран и

---

¹ Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. С. 94–95.

² Блинова О. В. Социокультурный облик учительства в Западной Сибири в 1880–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010. С. 112.

³ Кульчицкий А. В. История пенсионного обеспечения россиян за 1827–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011. С. 19.

⁴ Там же.

увечья, или потерявшие на службе здоровье и ставшие в связи с этим неспособными к практической профессиональной деятельности, уволенные со службы в связи с умственным помешательством имели право «из получаемого ими по последнему месту жалования на пенсию: за выслугу от одного года до пяти лет – одну треть, от пяти до десяти лет – половину, от 10 до 15 лет – две третьи; а за выслугу 20 лет и более – полный оклад»¹.

Сведений о пенсионном обеспечении агрономического персонала, волостных и сельских писарей в источниках и исследовательских работах нами не выявлено.

Рассмотренные нами данные позволяют говорить о том, что уровень материального благосостояния интеллигентов, по их собственному мнению, был недостаточен, не всегда мог обеспечить удовлетворение жизненно важных потребностей и их самих, и членов их семьи, если таковы имелись. Однако если следовать теории идентичности Г. Тэджфела, то становится очевидным, что людям свойственно сравнивать себя с другими. Если это сравнение не удовлетворяет членов группы, то они стремятся либо покинуть ее и присоединиться к более высоко оцениваемой ими группе, либо сделать так, чтобы их настоящая группа стала позитивно отличной от других². В источниках не встречается информации о массовом стремлении представителей сельской интеллигенции перейти на высокооплачиваемые должности. Значит, отношение интеллигентов к своему материальному благосостоянию демонстрирует незавершенность процесса формирования идентичности сельской интеллигенции. Как отмечает С. А. Экштут, русский интеллигент постоянно находился на распутье. С одной стороны, он отказался от ценностей дворянского сословия, которое отождествлял с крепостничеством, но отказался и от буржуазных ценностей³. Историк Т. А. Сабурова выявила, что православное ядро отечественной культуры «не позволяет принять ценности накопления, богатства, что демонстрирует и общинное сознание русского крестьянства»⁴. На основе всего сказанного можно сделать

---

¹ О пенсиях и пособиях по Медицинскому ведомству // Сборник постановлений о пенсиях и единовременных пособиях: за службу по военно-сухопутному и гражданскому ведомствам всех министерств, с изменениями и дополнениями, обнародованными по 1 июля 1873 г., с приложением особо составленной таблицы, определяющей оклады и количества пенсий. М., 1874. С. 129–130.

² Агеев В. С. Социальная идентичность личности [Электронный ресурс]. URL: http://anastasiya-shulgina.narod.ru/book_456/book_14.htm (дата обращения: 14.07.2014).

³ Экштут С. А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. М., 2012. С. 255–256.

⁴ Сабурова Т. А. Русский интеллектуальный мир / миф... С. 243.

вывод, что интеллигенция являлась носителем тех ценностей и моделей поведения, которые сама отвергала, возможно, этого не рефлексируя.

Одной из составляющих социального портрета и идентичности сообщества сельской интеллигенции является характеристика *политической активности* немалой части представителей этого слоя. Остановимся на этом сюжете подробнее.

Историк А. Е. Плотников установил, что в сельской местности Западной Сибири ячейки политических партий располагались следующим образом. Социал-демократические и эсеровские организации были в 1907 г. на ст. Тайга Томской губ. Кадетских организаций в сельской местности не было зафиксировано, а организации партии октябристов существовали в 1906 г. в населенных пунктах Томской губ. – Нарыме, Змеиногорском, Богородском, Камне-на-Оби. Сведений о деятельности организаций партии октябристов в 1907 г. исследователь не выявил¹. Г. А. Ноздрин отметил, что кадеты считали крестьян отжившим сословием феодального общества, в связи с этим на территории всей Сибири до 1907 г. было лишь четыре организации этой партии. В 1907–1914 гг. большая часть ее отделов прекратила свое существование².

Черносотенно-монархическое движение, организационно оформленное в отделы партии Союз русского народа, в Сибири проявилось в конце 1906 г. Уже в момент возникновения отделов названной партии, а затем и Русского народного союза им. Михаила Архангела (РНСМА), наметилась решающая роль духовенства в деятельности организаций черносотенно-монархической политической ориентации. А. П. Толочко отметил, что поскольку традиционная церковная проповедь была не слишком эффективным средством воздействия на прихожан, духовенство обращалось к уже принятым на вооружение черносотенцами средствам воздействия³. Опираясь на черносотенно-монархическое движение, церковные верхи пытались усилить свое влияние на общественно-политическую жизнь⁴. За пределами епархиальных центров участие духовенства в формировании отделов союзов было не столь заметным.

В журнале «Сибирские вопросы» содержится информация о том, что священнослужители, опасаясь попасть в немилость к епархиальному начальству, включались в

---

¹ Плотников А. Е. Организация политических партий в Сибири в период Первой российской революции (1905–1907 гг.) (перечень и предварительный анализ). Омск, 1992. С. 108–113.

² Ноздрин Г. А. Политические объединения в сибирской деревне... С. 194.

³ Толочко А. П. Черносотенцы в Сибири... 1999. С. 15.

⁴ Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 422–423.

работу по вовлечению в движение новых участников. Описывая, например, открытие в с. Завьяловском Томской губ. в 1909 г. отдела Союза русского народа, журнал сообщал следующее. После молебна в своей проповеди местный священник И. А. Ландышев призывал прихожан записаться в Союз. Поначалу лишь немногие откликнулись на призывы пастыря. Но услышав о том, что кто «запишется... тот пусть идет в избу – там прислано от государя по чарке водки», селяне стали охотнее записываться в члены организации¹.

В Западной Сибири некоторые черносотенно-монархические организации, едва успев возникнуть, вскоре прекращали свое существование. Вместо исчезнувших на арену общественной жизни выходили вновь созданные «союзнические организации». В 1910 г. появились подотделы Союза русского народа в пос. Больше-Тотошском Томского уезда, с. Тяжино-Вершинском Мариинского уезда Томской губ. В первой половине 1912 г. подотдел РНСМА возник в с. Алтайском Бийского уезда, в феврале 1914 г. был открыт подотдел Союза русского народа в с. Оскаровском Мариинского уезда. Имеются сведения, что в 1912 г. в Томской губ. функционировали также Богородский, Каинский и Тисульский, а в 1914 г. – Боготольский подотделы Союза русского народа. В эти же годы разновременно осуществлялись попытки создания черносотенных организаций в некоторых других селах Томского, Мариинского и Бийского уездов, окончившиеся для «союзников» неудачей².

По подсчетам А. П. Толочко, общее количество «союзнических» организаций в Сибири в 1910–1912 гг. оставалось в пределах трех десятков. В 1913–1914 гг. количество отделов и подотделов правомонархических партий начало сокращаться, а в годы Первой мировой войны они продолжали функционировать лишь в немногих местах³.

Исследователи выявили, что в своих политических пристрастиях местное сельское духовенство чаще всего либо придерживалось нейтральных взглядов, либо испытывало симпатию к идеологии кадетов⁴, дистанцируясь, таким образом, от высокопоставленных

---

¹ Л. К. Очерки сибирской жизни // Сиб. вопросы. 1909. № 35. С. 27.

² Толочко А. П. Черносотенцы в Сибири... С. 24–25.

³ Там же. С. 25

⁴ Станкова М. В. Черносотенно-монархическое движение в Западной Сибири в 1905–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1999. С. 16.

отцов церкви¹. В правомонархических партиях было довольно много лиц, членство которых не находилось ни в какой связи с участием в партийной работе, в то время как у социал-демократов и эсеров, например, состав организаций определяли действующие члены². Эсеры большое внимание уделяли работе среди сельского населения и интеллигенции. Так, только по подсчету Томской организации, в деревнях губернии действовало 50 кружков³.

Исследователь Г. А. Порхунов отметил, что в 1905 г. прошли губернские и областные съезды учителей в связи с образованием учительских союзов. В их правления учителя избирали социал-демократов и эсеров, что, по мнению историка, говорило о преобладающих политических взглядах учительства⁴.

Большевики активно включились в борьбу с эсерами за распространение влияния на интеллигенцию. Влияние сибирских организаций РСДРП на демократическую интеллигенцию со временем возрастало, о чем свидетельствует, например, партийная принадлежность делегатов Губернского съезда учителей в Томске (декабрь 1905 г.). Из делегатов-учителей на съезде было 18 социал-демократов, 16 социалистов-революционеров, 1 конституционный демократ. Состав учителей-делегатов свидетельствует о том, что влияние эсеров на учителей в деревне было сильнее, чем в городе. Сельских учителей на съезде представляли 11 эсеров и 4 социал-демократа⁵. В целом эсеровские организации в Сибири действовали весьма энергично, хотя по своему влиянию на массы уступали социал-демократам⁶.

Организации РСДРП и ПСР сложились в Сибири еще в дореволюционные годы (1901–1904). С 1905 г. начали складываться организации других партийных направлений⁷. Для установления контактов с крестьянами большевики привлекали народных учителей. Распространение марксистской литературы в деревне осуществлялось представителями сельской интеллигенции. Для этого педагогов снабжали литературой через

---

¹ Язынин А. Е. Генезис черносотенно-монархического движения и его противоборство с политическими противниками. Ишим, 2010. С. 44.

² Там же. С. 31.

³ Плотников А. Е. Организация политических партий в Сибири... С. 102.

⁴ Порхунов Г. А. Борьба большевиков Сибири против мелкобуржуазного влияния на демократическую интеллигенцию в период революции 1905–1906 гг. // Большевики в Сибири в борьбе против царизма (1895 – февраль 1917 г.). Омск, 1987. С. 11.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ Плотников А. Е. Организация политических партий в Сибири... С. 102.

⁷ Там же.

профессиональные организации педагогов, отделы Всероссийского учительского союза, учительские курсы, библиотеки, книжные магазины¹.

Сельские педагоги знакомили крестьян с содержанием революционных идей и литературы. Ученый В. Д. Шипилин выявил, что в с. Червишевском Тобольской губ. с работой В. И. Ленина «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» ознакомил крестьян учитель М. А. Аتماкин. В д. Утичьей Курганского уезда учителя Лопатин и Южаков объясняли крестьянам, почему власти послали на каторгу тех ораторов из Государственной думы, которые предлагали наделить крестьян землей².

Наряду с учителями, в агитационно-пропагандистской работе в деревне принимали участие медики, писари, иногда священники. Например, в пос. Степном Акмолинской обл. в июне 1907 г. получала и распространяла нелегальную литературу фельдшер Е. М. Морозова. В 1907–1909 гг. революционные организации действовали в селах Березовском, Колыванском, Курьинском, Ильинском Змеиногородского уезда. Организация в с. Курьинском в составе псаломщика И. Т. Билоусского (руководителя организации до ареста 13 апреля 1908 г.), учителя этого села В. Н. Тихомирова, учителей деревень Крымовой и Трусовой Н. И. Пospelова и Г. П. Ботвинова, крестьян Н. С. Неретова и И. И. Гончарова распространяла литературу социал-демократической направленности. Социал-демократический характер имела и Березовская организация в составе учителей Г. П. Бычкова, А. П. Пискарёва, Н. С. Монотонкина, С. Н. Тихомирова (переведен из с. Курьинского) и волостного писаря Е. М. Бочкарёва. Известно, что в некоторых селах Алтая были созданы крестьянские ячейки, которыми руководители учителя или писари³.

В. В. Мезенцева установила, что участие либеральной интеллигенции Западной Сибири в общественной жизни проявлялось преимущественно в форме сотрудничества с местной легальной печатью⁴. Активность сельской интеллигенции в либеральных партийных организациях Мезенцевой не была выявлена. М. В. Шиловский отметил, что основные усилия либералов Сибири в союзе с другими политическими группировками

¹ Ноздрин Г. А. Агитационно-пропагандистская работа социал-демократов в сибирской деревне в 1907–1914 гг. // Большевики во главе трудящихся масс Сибири в трех российских революциях. Новосибирск. 1986. С. 43.

² Шипилин В. Д. Революционная деятельность социал-демократов Западной Сибири и Акмолинской обл. в годы реакции в связи с проведением Столыпинской реформы // Большевики в Сибири в борьбе против царизма (1895 – февраль 1917 г.). Омск, 1987. С. 37, 38.

³ Там же. С. 38, 47, 49.

⁴ Мезенцева В. В. Указ. соч. С. 180.

(эсеры, социал-демократы-меньшевики, народники) в 1907–1917 гг. были направлены на борьбу за введение земства в регионе¹.

При реконструкции социального портрета сельской интеллигенции продуктивным является обращение к художественным произведениям сибирских писателей Г. А. Вяткина, Г. Д. Гребенщикова, А. И. Ершова, А. И. Жилиякова, С. И. Исакова, Е. Н. Пермитина, в которых представлен собирательный образ исследуемой группы.

С. А. Экштут отмечает, что «русская культура петербургского периода была культурой логоцентричной. ...Крупные писатели формировали самосознание общества. По их книгам образованные люди судили о реальной жизни и выверяли свою систему ценностей»². Предположим, что художественные тексты не столько воспроизводили реальную действительность, сколько отражали идентичность положения интеллигенции, их представления о себе, так как вышеназванные сибирские писатели были прекрасно осведомлены о жизни и деятельности сельских интеллигентов. Несомненно, авторы способствовали формированию определенного отношения читателей к интеллигенции.

Так, в рассмотренных нами художественных текстах сельский учитель представлен активным молодым человеком, старательным и усердным в профессиональной деятельности. Он стремится приобщить к современным знаниям крестьян, испытывает экономическую нужду («жалование где-то задерживается», «увы! – это наше единственное лакомство...»), непонимание со стороны деревенских жителей и властных структур, унижение, скуку, тяжелые условия быта и работы, пагубно сказывающиеся на его здоровье. Эти же причины выступают первостепенными препятствиями и в деле распространения грамотности среди крестьянства.

В изученных нами произведениях не содержится оптимистичных сведений об устроенности быта учителей. Многочисленные оговорки («школьный дом был новым, но... из плохого леса», «жила в пустой школе») дают основания предполагать, что у сельских педагогов не было собственного жилья, им приходилось снимать квартиры, жить в пришкольных помещениях. Однако учителей пугала не столько неустроенность

---

¹ Шиловский М. В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 1995. Вып. 2. С. 47.

² Экштут С. А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. М., 2012. С. 247–248.

их быта, сколько тяжелая, темная крестьянская жизнь, которую им было не под силу изменить. Можно предположить, что именно поэтому образ учителей характеризуется и словом «крик» – желанием призвать общество и государство к проблемам просвещения западносибирской деревни, улучшения положения тружеников образования.

Портрет учителя церковноприходской школы в текстах обычно наделен отрицательными чертами и представлен словами-маркерами «елейность», «лесть», «доносы», «шпионство», «пьяный» и т. д. На наш взгляд, это связано с тем, что в сибирском обществе в начале XX в. присутствовало мнение о неэффективности школ духовного ведомства. Преподавание в церковных школах давало возможность педагогу получить дьяконский или священнический сан, и соответствующие учительские должности из карьерных соображений зачастую занимали люди, не обладающие необходимым уровнем знаний¹.

А теперь рассмотрим, как на страницах художественных произведений изображалось сельское приходское духовенство. С одной стороны – пастыри были представлены переживающими за своих духовных чад, принимавшими активное участие в жизни прихожан, оказывая посильное воздействие на благоустройство их жизни и духовное совершенствование². С другой стороны, церковнослужители предстают в негативном свете. Так, на страницах рассказа Г. А. Вяткина священник изображен любителем алкоголя³. Данная тема отражена и в рассказе «Праздник»⁴.

Г. Д. Гребенщиков в произведении «Отец Порфирий» сумел, на наш взгляд, отобразить различное отношение представителей духовенства к своей профессиональной деятельности. Одни исполняли пастырский долг, мало задумываясь о денежном вознаграждении своего труда. Другие же, наоборот, извлекали немало выгоды из своего положения, что находило выражение в двухэтажном доме, пасеке, собственном тарантасе и т. д.⁵ А. И. Ершов в труде «Лесной голод» показал привилегированное положение священника в деревне. В село приехали представители властных структур и занялись розыском леса из незаконно вырубленной рощи. В отличие от дров крестьян, дрова

---

¹ Подробнее об этом см.: Дружинина Ю. В. Образ сельского учительства Западной Сибири начала XX в. в произведениях сибирских писателей // *Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве*. Новосибирск, 2010. С. 133–137.

² Гребенщиков Г. Д.: 1) Отец Порфирий. С. 163–175; 2) Нахал. С. 48–49.

³ Вяткин Г. А. На ниве народной. С. 61.

⁴ Вяткин Г. А. Праздник. С. 103–113.

⁵ Гребенщиков Г. Д. Отец Порфирий. С. 169.

священника не тронули, объяснив их значительное количество необходимостью отапливать школу¹. В работе «Просветители» А. И. Ершов изобразил пастырей любителями спиртного, корыстными людьми, для которых первичны личные амбиции, а не дело духовного служения². Е. Н. Пермитин описал священника так: «Поп Иван Трубакуров... уж пьяница, уж бабник!.. На спор, пожалуй, может и ведро вина выпить. А выпил – рясу подберет и плясать!»³.

Противоречиво в художественных произведениях представлен и портрет писарей. Г. А. Вяткин представил писаря любителем спиртного⁴. Г. Д. Гребенщиков в произведении «Отец Порфирий» при повествовании о встречах писаря со священником не описывает писаря, не дает оценочных отношений в его адрес. Предполагаем, что автор не считал нужным уделять особого внимания представителю данной профессии⁵. В произведении А. И. Ершова «Лесной голод» подчеркивается, что писарь имел «огромные грязные заскорузлые руки», не осмеливался ослушаться начальства⁶, что, на наш взгляд, маркирует близкое к нелегкому положению крестьянства место этой фигуры. В работе же «Просветители» писарь изображен любящим спиртное, жадным до денег человеком⁷.

Примечательно, что в художественных произведениях практически не отражены профессиональная деятельность, социальное положение других групп сельской интеллигенции в сельской местности. Можно предположить, что писатели стремились привлечь внимание общественности к трудностям, которые существовали именно у педагогов, священнослужителей, писарей. Такой вывод можно сделать в связи с тем, что представители интеллигенции других профессий в деревне появились позже и численно были представлены в меньшем количестве.

Итак, большинство представителей западносибирской сельской интеллигенции характеризуются активной социальной позицией, но далеко не всем сельским интеллигентам были присущи высокие нравственные идеалы и стремление к служению народу. Пьянство, суициды, психические расстройства, корыстолюбие также являлись составляющей социального портрета сельских интеллигентов.

---

¹ Ершов А. И. Лесной голод. С. 48.

² Ершов А. И. Просветители. С. 69–98.

³ Пермитин Е. Н. Первая любовь // Жизнь Алексея Рокотова. М., 1986. Кн. 2. С. 373.

⁴ Вяткин Г. А. Праздник. С. 103–113.

⁵ Гребенщиков Г. Д. Отец Порфирий. С. 165–166.

⁶ Ершов А. И. Лесной голод. С. 43.

⁷ Ершов А. И. Просветители. С. 69–98.

Уровень дохода сельских интеллигентов был не одинаковым. Он зависел в основном от уровня образования и срока службы. Материальное благосостояние некоторых представителей интеллигенции зависело от характера взаимоотношений с сельским обществом. Содержательные характеристики социального портрета позволяют говорить о том, что процесс идентичности сельской интеллигенции Западной Сибири в изучаемый период находился в процессе формирования.

Выводы по главе 1

Развитие сельской интеллигенции Западной Сибири как особой полипрофессиональной и территориальной общности происходило в тесной связи с преобразованиями, происходившими в России и Западной Сибири – одном из ее крупнейших регионов. Направления профессиональной и общественной деятельности интеллигентов обуславливались их этическими установками; необходимостью отвечать вызовам модернизационных процессов, протекавших в регионе в исследуемое нами время; потребностью приспособлять инновации к нуждам сельского сообщества.

Сельская интеллигенция изучаемого региона была динамично развивающейся группой, численность которой за рассматриваемый период увеличилась в 1,8 раза. Тем не менее, этот рост не сказался на доле сельской интеллигенции в деревенском населении Западной Сибири – он как был, так и остался на уровне 0,2 %. При этом среди интеллигенции преобладали мужчины в возрасте 20–39 лет.

Социальная база, из которой формировалась сельская интеллигенция, не была однородной. Ее представители являлись потомками дворянских семей, духовенства, чиновников, разночинцев, а также крестьян. Большая их часть имела начальное и среднее образование. Высшая ступень образования была освоена лишь немногими представителями интеллигенции; отдельные члены этой социальной группы вообще не оканчивали профессиональные учебные заведения, но замещали вакантные должности в связи с тем, что сдали необходимые квалификационные нормативы.

Сельская интеллигенция по своей конфессиональной принадлежности была преимущественно православной, хотя в ее среде имелись представители иных религий и мировоззренческих парадигм – католики, иудеи, магометане, агностики, атеисты и т. д.

Социальный портрет сельских интеллигентов многогранен. Сопоставляя источники разного вида, мы пришли к выводу, что жители села воспринимали интеллигентов с одной стороны – подвижниками, гражданская культура которых проявлялась в стремлении служить народу, а с другой – людьми, нарушающими свои должностные обязанности, подверженными антисоциальному поведению.

Отметим, что важной составляющей социального портрета исследуемой группы является ее материальное благосостояние. В процессе исследования нами выявлены основные источники материального благосостояния интеллигентов: жалование, выдаваемое им за профессиональную деятельность, пенсионные выплаты и средства, получаемые от крестьянского общества. Доход сельских интеллигентов был неодинаков, даже если отдельные ее представители занимали приблизительно равные должности. Большое влияние на благосостояние сельских интеллигентов оказывал уровень экономического развития местности, на территории которой они функционировали, а также характер сложившихся отношений с деревенскими жителями. Для большинства интеллигентов основным источником существования являлось содержание, которое устанавливало государство.

По итогам рассмотрения социального портрета сельской интеллигенции Западной Сибири можно говорить о том, что процесс идентичности этой социальной группы в конце XIX – начале XX в. находился в процессе формирования. Идентичность интеллигенции, с одной стороны, включала в себя компоненты, присущие идентичности российской интеллигенции в целом, но также содержала элементы традиционного характера, тем самым приближая интеллигентов к крестьянству.

ГЛАВА 2.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

2.1. Распространение общего и духовного образования в ходе профессиональной и общественной деятельности сельской интеллигенции

Сибирский писатель Г. Д. Гребенщиков в письме другу А. Н. Белослюдову, проживавшему в Нарымской волости Змеиногорского уезда Томской губ., в декабре 1911 г. писал следующее: «Я не могу не идти в народ, раз это среда – моя почва, в которой находятся корни моей талантливой души. И неправда, что хождение в народ прекратилось. То старое хождение было смешно, так как ходили в народ интеллигенты, выросшие в оранжереях. Теперь идут в народ “сыны народа” и “враги народа”. Идут толпой, стихийно, ибо без него, как без земли трава, всё вянет... Хождение, настоящее, в народ только начинается...»¹.

В труде писателя Е. Пермитина мы находим практически аналогичные высказывания о том, что в Сибирь в исследуемый нами период «отзвуки народничества с большим опозданием, как и всё, докатились»: «“Учить крестьянских детей – что может быть выше и благородней!” ...Самые честные, горячие сердца с чрезвычайной, даже с чрезмерной жадностью учились, занимались самообразованием и рвались из города в деревню учителями и учительницами, врачами, фельдшерами, агрономами»². Словами Алексея Рокотова, главного героя автобиографического произведения, автор объяснил мотивы, которые подвигли не одного его на педагогическую деятельность: «... темный деревенский народ ждет... передать им те знания, которые я имею. Помочь найти им правду на земле, потому что так дальше жить нельзя!»³.

Современные исследователи интеллигенции также обращают внимание на то, что «приобщение к знаниям и духовности широких масс населения, поднятие культурного уровня своего края стали смыслом жизни сотни учителей, медиков... священников...»⁴.

---

¹ Гребенщиков Г. Д. А. Н. Белослюдову // Собр. соч. Барнаул, 2005. Т. 30, ч. 1. С. 33–34.

² Пермитин Е. Н. Раннее утро // Жизнь Алексея Рокотова: трилогия. М., 1986. Кн. 1. С. 254.

³ Пермитин Е. Н. Первая любовь // Жизнь Алексея Рокотова. Кн. 2. С. 296, 434.

⁴ Дружинин В. И., Самарцева Е. И. У истоков интеллигенции.ru и совести.net. Тула, 2009. С. 247.

Следовательно, приоритетной для интеллигенции была деятельности по организации образовательного и воспитательного процесса в селе. Одной из главных задач, стоявших перед интеллигентами, являлась задача повышения культурного и духовного уровня крестьянства. При этом, как замечает Т. А. Сабурова, отношение интеллигенции к народу носило характер социального и культурного дистанцирования. Интеллигенты стремились воздействовать на народ как на объект, сохраняли просветительскую установку по отношению к нему¹. Именно в просветительстве, на наш взгляд, в большей степени проявилось покровительственное отношение интеллигенции к народу, чем в каких либо других формах ее активности.

Активным в деле просвещения деревенских жителей было *сельское учительство*, для которого просветительство было профессиональным долгом, а также важнейшим направлением общественной деятельности. Исследователь Ю. Аошима отмечает, что просветительская деятельность воспринималась педагогами как миссия по улучшению положения населения страны. Ученый считает, что русские педагоги считали себя членами божественного братства, посвящая самих себя великой задаче воспитания народа². Образовательная деятельность педагогов становится масштабной и разнообразной. Следует обратить внимание, что в исследуемый нами период программа и насаждаемые методы обучения в сельских начальных школах не предусматривали закладывания основы для последующего более глубокого образования³. Именно по этой причине просветители в основном стремились научить крестьян элементарным навыкам чтения, письма и счета. Отметим, что, по мнению современников, личностные качества педагога во многом определяли материальное положение школы, постановку образовательного процесса в ней и отношение крестьян к образовательному учреждению⁴.

Просветительская активность интеллигентов нашла свое выражение в таких формах и направлениях работы, как *открытие школ, организация воскресных и вечерних занятий, чтений*. В качестве подтверждения приведем несколько примеров. В с. Тисуль Мариинского окр. Томской губ. несколько лет подряд желающие обучаться в местной

---

¹ Сабурова Т. А. Русский интеллектуальный мир / миф... С. 219, 227.

² Aoshima Y. Op. cit.

³ Зверев В. А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1998. С. 79.

⁴ Зверев В. А., Зверева К. Е. Начальные сельские училища в округах Западной Сибири конца XIX в. (по данным ревизии Б. И. Сциборского) // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 1. С. 215.

школе получали отказ в связи с переполнением учебного заведения. По этой причине в 1897 г. начальством было разрешено местному учителю проводить вечерние занятия. Посещать названные курсы стало 40 человек. Кроме того, при училище работала воскресная школа¹. Попечителем Западно-Сибирского учебного окр. в 1901 г. разрешено было открыть в Новопесчанском сельском училище Барнаульского уезда Томской губ. вечерние классы для взрослых, за работу которых несли ответственность педагоги². Учительница Ночинского сельского училища Омского уезда Акмолинской обл. в 1908 г. выступила организатором воскресной школы для взрослых, на что получила положительный ответ от руководящих органов³. Аналогичный случай в это же время зафиксирован в с. Кривошековском Томского уезда⁴.

Отметим, что педагоги занимались не только непосредственным обучением крестьян, но и стремились мотивировать их к получению образования. Так, А. И. Бакалдина, трудившаяся с 1900 по 1908 г. в сельской местности, во время преподавания в деревне Тобольской губ. (поселение имело три названия – Токарево, Сусейское, Карачи) организовала за свой счет каток и выдавала коньки тем ребятам, которые получали «4» и «5»⁵. Учившийся в 1911 г. в с. Романово Барнаульского уезда Томской губ. в 2-классной школе Ф. Д. Останин вспоминал, что учительница Харитина Яковлевна Сергеева внесла за него необходимую плату за проживание на съемной квартире, оказав тем самым его семье материальную и моральную поддержку, предоставила мальчику возможность продолжить обучение в школе⁶.

Отдельные крестьянские общества испытывали потребность в просветительских мероприятиях, принимали решения о приобретении «световых картин», как, например, это постановило в 1901 г. Староювалинское сельское общество Елгайской волости Томского уезда Томской губ.⁷ В произведении Е. Н. Пермитина «Жизнь Алексея Рокотова» также рассказывается, что учитель организовал «воскресные читки для взрослых»,

---

¹ Сибирская хроника // ВО. 1897. 27 июня.

² Сибирские вести // ВО. 1901. 4 янв.

³ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2284. Л. 1.

⁴ Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 41–42.

⁵ Из воспоминаний учительницы Анны Иоанновны Редикарцевой (Бакалдиной) – о передвижных школах // Школа Тобольской губ. в XVIII – начале XX в. Тюмень, 2001. С. 163.

⁶ Зверев В. А., Зверева К. Е. Начальная школа на Алтае в начале XX в. (по воспоминаниям Ф. Д. Останина) // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 2. С. С. 197.

⁷ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 4466. Л. 63.

которые пользовались огромной популярностью у селян: «Народу – впритирку. Бороды седые, черные, рыжие; бабьи платки, шали. Некоторые слушательницы вязали на спицах – кто чулки, кто варежки... И вот уже народ с шумом валил из школы. И долго еще на сонных улицах занесенного снегом поселка слышались разговоры о прочитанной книге...»¹. Внеклассные чтения и беседы о прочитанном с выпускниками, устраиваемые учителем Рокотовым, нравились крестьянам: «И хотя в школе не применялось никаких наказаний, запрещение присутствовать на очередном чтении было для третьеклассника самым суровым наказанием. ...Чтений ученики ждали с волнением. После уроков, сбегав домой и наскоро пообедав, снова собирались в школе и засиживались до темноты, но и после беседы не хотелось расставаться»².

Масштабы деятельности сельских интеллигентов по устройству народных чтений, воскресных школ, вечерних классов отражены в статистических материалах (табл. 5).

Определенного внимания заслуживает то обстоятельство, что далеко не всегда деятельность педагогов получала одобрение и поддержку со стороны населения. Известны случаи, когда отдельным представителям сельского учительства необходимо было решить проблему непосещения детьми школы. В некоторых случаях школьные помещения вообще практически пустовали, хотя в селении было множество детей школьного возраста. Это было связано с тем, что крестьяне не всегда сочувствовали школьному делу, боясь лишних материальных затрат, или считали, что их детям нет никакой необходимости учиться. Учащим приходилось «выпрашивать учеников у родителей». Подобные случаи отражены, например, в «Извлечении из отчета о состоянии церковно-приходских школ Томской епархии за 1890/91 учебный год»³.

Масштабную деятельность по распространению образования среди «иностранцев» развернули *представители православного духовенства и учителя, входившие в состав духовных миссий*. Миссионер Чулышманского отделения священник М. Тырмаков отмечал, что заниматься обучением «иностранцев», если они положительно настроены к данному делу, не особо затруднительно, ибо «они в характере вежливы, осторожны,

---

¹ *Пермитин Е. Н.* Первая любовь // Жизнь Алексея Рокотова. Кн. 2. С. 428–429.

² Там же. С. 432–433.

³ Извлечение из отчета о состоянии церковноприходских школ Томской епархии за 1890/91 учеб. год // ТЕВ. 1892. № 17. Ч. неофиц. С 14.

рассудительны, читают...»¹. Вопреки существовавшим предрассудкам, священник Обдорской миссии И. Егоров отмечал, что здешние дети вполне могут освоить курс предметов обычной одноклассной школы². Учитель Димитриев-Садовников из с. Ларьятского Сургутского уезда Тобольской губ. научил остяцких детей счету и письму, даже ввел занятия по рисованию³.

Просветительская деятельность *волостных и сельских писарей* могла быть определена постановлением властных органов. Так, циркуляр, изданный томским губернатором А. А. Ломачевским, обязывал сельских писарей обучать сельских ребят грамоте и молитвам. В результате этого в 1895–1896 гг. в сельской местности губернии открыли 949 школ⁴. В связи с большим объемом работы при выполнении прямых профессиональных обязанностей писарей, такая практика просуществовала недолгое время. Однако писари сами могли выступать в качестве организаторов образовательного процесса, занимались преподавательской деятельностью на безвозмездной основе. Так, в 1896 г. в д. Усть-Камышенке Нижне-Чарышской волости Бийского уезда Томской губ. писарь открыл домашнюю школу. Аналогичный пример можно привести и из с. Мирошихинского той же волости⁵. Писарь Н. И. Шелепин в с. Куларово Куларовской волости Тобольского уезда, являясь попечителем местного училища на протяжении трех лет, привел в порядок здание школы, потратив на это свои собственные средства. Пользуясь своим служебным положением, он неоднократно выступал с ходатайствами о нуждах школы перед сельским сходом⁶.

В Нижне-Чарышском волостном правлении Бийского уезда Томской губ. также было зафиксировано участие писарей в образовательной деятельности. Так, в селениях Шипунова, Маралиха, Чеснокова, Коловый Мыс, Колова и в других населенных пунктах функции преподавателей домашних школ выполняли сельские писари⁷. Заботясь о подрастающем поколении, писари открывали ясли для крестьянских детей и содержали

---

¹ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 81. Л. 6.

² Отчет Тобольского епархиального комитета Православного миссионерского общества, высочайше утвержденного, за 1901 г. [Б. м.], 1901. С. 10–11.

³ Н. С. Внутренние известия // Сиб. листок. 1906. 24 авг.

⁴ Сибирские очерки // ВО. 1901. 25 февр.

⁵ ГААК. Ф. 181. Оп. 1. Д. 77. Л. 2, 13 об.

⁶ Объявление благодарности // Томские губернские ведомости. 1901. 31 июля.

⁷ ГААК. Ф. 181. Оп. 1. Д. 70. Л. 36, 70 об., 115, 120, 131 об., 136.

их за свой счет. Подобное явление зафиксировано, например, в 1902 г. в волостном селе Каменском Тюменского уезда Тобольской губ.¹

Таблица 5

Сведения о количестве народных чтений, вечерних классов, воскресных школ и их посещаемости в Западной Сибири начала XX в.*

Год	Кол-во пунктов, в которых устраивались чтения	Кол-во состоявшихся чтений	Кол-во посетителей	Кол-во вечерних классов и воскресных школ	Кол-во обучающихся в воскресных школах и классах
Акмолинская обл.					
1902	3	15	2	7	142
1903	8	97	11	12	74
1904	18	144	7	15	160
1905	29	555	32	17	168
1906	42	167	12	7	489
1907	49	240	14	11	487
1908	29	95	12	...	...
1909	25	140	14	...	...
Тобольская губ.					
1902	29	155	9	2	138
1903	54	700	60	7	217
1904	140	1432	85	9	109
1905	143	1392	93	11	306
1906	184	1584	80	7	118
1907	141	908	50	5	120
1908	134	796	47	5	151
1909	139	692	42	5	...
Томская губ.					
1903	1	18	1	10	37
1904	19	215	37	10	96
1905	26	302	91	3	89
1906	26	154	16	3	205
1907	35	260	18	1	100
1908	36	278	27	1	107
1909	40	338	35	...	...

*Составлено по данным: РГИА. Ф. 1242. Оп. 1. Д. 1. Л. 220 об.

Обратим внимание на тот факт, что основной массой, на которую распространялась просветительская активность сельского учительства, как, впрочем, и других представителей интеллигенции, были дети школьного возраста и молодежь. Следует отметить, что

¹ Сибирские вести // ВО. 1902. 1 сент.

для педагогов было важно не только научить детей основам Закона Божьего, чтения, письма и счета, но и сохранить у них эти навыки и интерес к образованию в дальнейшей их жизни. В воспоминаниях бывшего крестьянского начальника Н. К. Зинина отмечено, что большинство окончивших крестьянских детей «скоро забывает совсем всё, что училось в училищах»¹. Именно поэтому некоторые педагоги проводили активную деятельность по повторению пройденного как с учащимися, так и с уже окончившими школьный курс. В качестве примера приведем деятельность учителя Ильинской миссионерской школы, который в своих записях отметил, что в июле 1888 г. в воскресные дни собирал «учеников своих для прослушивания заученного ими в прошедшее учебное время». Педагог отмечал, что ученики хорошо усвоили утренние и вечерние молитвы, правильно крестились. Проверка же «чтения в книжках» не дала такого положительного результата. Многие учащиеся позабыли всё, что усвоили в учебном году. Учитель просил таких ребят «не полениться читать в свободные дни»². Кроме того, данный педагог проводил занятия и с взрослыми мужчинами и женщинами, которые приходили в школу³.

Существенную роль в просветительском деле интеллигенты отводили *театральным представлениям*. По мнению общественного деятеля Н. Я. Новомбергского, «спектакль... представляет школу с наиболее доступным малоразвитому уму методом преподавания, при помощи живых сцен и образов»⁴. Мероприятия такого характера организовывались интеллигентами с целью познакомить крестьян с творчеством известных писателей. Представления также служили источником сбора денежных средства на общественные нужды, на открытие и содержание школ, библиотек.

В качестве примера приведем деятельность кружка любителей драматического искусства в с. Усть-Чарышская Пристань Бийского уезда. Вырученные в 1906 г. средства от постановки спектакля пошли на приобретение леса для постройки училища Министерства народного просвещения. Члены кружка оказывали поддержку юноше, обучающемуся живописи в Санкт-Петербурге, народной бесплатной библиотеке-читальне,

---

¹ Зинин Н. К. Указ. соч. С. 96.

² ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 35. Л. 4.

³ Там же. Л. 4 об.

⁴ Новомбергский Н. Я. По Сибири: сб. ст. по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. СПб., 1903. С. 256.

руководельным классам¹. Приведем еще один случай. 19 января 1914 г. в с. Боготол Томского уезда кружком любителей драматического искусства под руководством учителя М. А. Шебалина, выступившего в качестве режиссера, в помещении железнодорожной школы был устроен вечер-спектакль. Вниманию зрителей были предложены «На бойком месте» (сочинение А. Н. Островского в трех действиях) и маленький водевиль «Купеческие смотрины невесты». Небольшое помещение школы, по свидетельству автора письма в «Сибирскую жизнь», было переполнено, сбор денег достиг 100 р. Средства передали на нужды школы. Корреспондент отмечает, что спектакль прошел весьма оживленно. Следующий спектакль планировалось поставить на Масленицу. Предполагалось, что это будет «Лес» А. Н. Островского². Активными были подобные объединения интеллигентов и в других селах³. На страницах периодической печати мы можем увидеть многочисленные публикации с аналогичной тематикой, что свидетельствует об активном участии сельских интеллигентов в самодеятельности, с одной стороны, и о популярности подобных мероприятий среди селян, с другой.

Устройство библиотек также являлось направлением просветительских инициатив интеллигентов. Их деятельность в данном деле не ограничивалась решением финансовых вопросов. Нередко они сами выполняли функции библиотекарей. Часто инициаторами открытия библиотек выступали сельские педагоги. Историки Е. П. Ермачкова и Ю. В. Тимофеева отметили, что сельские школьные библиотеки существовали на общественных началах, за их работу несли ответственность педагоги⁴. Ученые В. А. Зверев и К. Е. Зверева вывели, что наибольшую роль в деле просвещения крестьянства Сибири играли те библиотеки, которые существовали при деревенских начальных училищах⁵. Исследователи показали, что общее число библиотек, функционировавших при школах, значительно превышало совокупную численность сельских библиотек всех других типов, доступных крестьянам.

---

¹ По Сибири // Жизнь Алтая. 1911. 13 февр.

² А. О. Село Боготол, Томский уезд // Сиб. жизнь. 1914. 29 янв. С. 4.

³ А. О. По Сибири // Сиб. жизнь. 1914. 29 янв.

⁴ Ермачкова Е. П. Развитие образования и просвещения среди населения западносибирской деревни (1861–1913 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. С. 110; Тимофеева Ю. В. Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2012. С. 70; и др.

⁵ Зверев В. А., Зверева К. Е. Школьные библиотеки в сибирской деревне конца XIX – начала XX в. // Книга в Сибири (конец XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1989. С. 111.

Стоит отметить, что некоторые сельские библиотеки функционировали благодаря деятельности представителей духовенства¹. Инициаторами открытия библиотек могли выступать и писари. Так, в с. Змеиногорском Томской губ. в конце 1890-х гг. волостной писарь П. И. Горшков открыл библиотеку и добился от сельского общества ежегодных субсидий на ее содержание. Читателями библиотеки были не только дети, но и взрослое поколение крестьян². В с. Любинском Тюкалинского уезда Тобольской губ. сельской библиотекой также заведовал волостной писарь, при этом он не только содержал ее в прекрасном порядке, но даже вел статистику «читаемости»³.

Распространение современных для того времени знаний в области *гигиены и медицины* – еще один аспект просветительской деятельности интеллигентов. Особенная их активность в данном деле наблюдалась во время эпидемий. Интеллигенция пропагандировала среди крестьян, опираясь на передовые для того времени достижения науки, знания о причинах болезней, способах их профилактики и лечения. В современной исторической науке данный вопрос уже неоднократно привлекал внимание исследователей⁴.

Значимым для хозяйственной деятельности сельских жителей была организация интеллигентами *занятий по рукоделию и ремеслу*. С целью введения в деревенской школе занятий по ручному труду для педагогов организовывались специальные курсы. Так, в 1894 г. в Томской губ. около 20 сельских преподавателей охотно приняли участие в работе подобных курсов⁵. Заметим, что всё же немногие сельские школы могли похвастаться тем, что имеют соответствующее оснащение для организации занятий по рукоделию и компетентный в его использовании педагогический персонал. Приведем несколько примеров того, каким видам ручной работы обучали детей в сельских школах

---

¹ Устьянцева О. Н. Культурно-просветительская деятельность Русской православной церкви: организация библиотек в Томской епархии в конце XIX – начале XX в. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2006. С. 145–148; Горелова Ю. Р. Просветительские инициативы православного духовенства Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Уральские Бирюковские чтения. Челябинск, 2004. Вып. 2. С. 355–260; Харченко Л. Н. Православная церковь в культурном развитии Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): очерк истории. СПб., 2005; и др.

² По Сибири // Жизнь Алтая. 1911. 18 февр.

³ Сибирская хроника // ВО. 1894. 28 авг.

⁴ Мендрин Г. И., Федотов Н. П. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975; Зверев В. А., Караваева Е. В. «К священнику обращаются все»: деятельность сельского православного духовенства во время эпидемии начала 1890-х гг. (по материалам Томской губ.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 41–45; Караваева Е. В. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви среди сельского населения во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Томской епархии): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011; и др.

⁵ Местная хроника // Томский справочный листок. 1894. 5 июля.

Западной Сибири. В школе д. Кулаковой Тюменского окр. на средства купца Н. М. Чукмалдина, уроженца этой деревни, была устроена мастерская со всем необходимым оборудованием. Учитель Б., работавший в этом учебном заведении, «достаточно ознакомившись с ручными занятиями при Петербургском учительском институте, успешно занимался с учениками... ручным трудом». Ученики научились изготавливать ложки, совки, лопатки, линейки, столбики и простую мебель¹. Учительница А. Н. Королькова, работавшая в начале XX в. в д. Лопарёвой Отроченской волости Тюкалинского уезда Тобольской губ., часто после занятий оставляла девочек для занятия рукоделием². В епархиальном отчете Томской епархии в 1914 г. было отмечено, что во многих школах епархии девочки обучались рукоделию. Учительницы знакомили их с вязанием чулок, кружев, вышиванием и шитьем. В редких случаях педагоги занимались с детьми переплетным, столярным и сапожным ремеслами³.

Образовательная деятельность интеллигенции включала в себя и нехарактерное для их городских коллег направление – *распространение сельскохозяйственных знаний* (см. раздел 2.2 данной главы).

Особое внимание, на наш взгляд, требуется обратить на то, что вклад сельской интеллигенции в дело распространения образования был связан не только с самим учебно-воспитательным процессом, но и с созданием условий для него. Нередко крестьяне в селениях Западной Сибири были настолько бедны, что не могли приобрести для своих детей-школьников самые необходимые учебные принадлежности. В таких случаях, если у интеллигентов были материальные возможности, они сами приобретали всё необходимое. Подобных примеров можно привести множество, остановимся лишь на некоторых. В с. Батуровском Барнаульского окр. в 1889 г. священник Соколов приобрел для учащихся церковноприходской школы книги, перья и карандаши⁴. В 1914 г. благодаря усилии священника из с. Вьюнского Томского уезда было построено каменное здание для церковноприходской школы, стоимость которого превысила 6000 р. Священник не только смог изыскать 4000 р. на постройку школы, но и сам внес значительную сумму –

---

¹ Сибирская хроника // ВО. 1894. 11 сент.

² Глухих Ф. С. Из неведомого мира // Красен человек ученьем: материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1995. С. 74.

³ ГАТО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 374.

⁴ С. М. Батуровская церковноприходская школа // ТЕВ. 1889. № 16. Ч. неофиц. С. 6.

1000 р.¹ Отец Димитрий, священник д. Саитковой Кошукской волости Туринского уезда Тобольской губ., по словам местной учительницы, «был душой школьной жизни». Он пожертвовал для учебных нужд световой фонарь, выписывал книги. Если находил что-нибудь в церковной или своей библиотеке, подходящее для народа – всё приносил учительнице подведомственной ему школы для устройства народных чтений. Иногда священник сам читал на подобных мероприятиях². В 1914 г. учительница Елькина, работавшая в с. Малый Бащелак Бийского уезда Томской губ., на деньги, которые она скопила в результате продажи выращенных ею овощей, покупала особо нуждающимся учащимся необходимые учебные материалы³.

Отметим, что представители духовенства обладали большими материальными возможностями для содействия образовательному процессу, чем другие представители сельской интеллигенции. Дело в том, что в церквях имелись специальные кружки, сборы которых шли на строительство и нужды церковноприходских школ. Также на эти цели направлялись остатки из кружечно-кошельковых сумм⁴.

Конечно, не все представители интеллигенции являлись активистами в деле просвещения крестьян. Некоторые учителя и священники дезорганизовывали, срывали учебный процесс, пьянствуя и проявляя нерадивое отношение к работе. Так как преподавательская деятельность давала льготы по воинской повинности, могла способствовать карьерному росту, в школу иногда приходили работать неспособные к педагогической деятельности личности (чаще всего в этом обвиняли учителей церковноприходских школ).

Говоря о просветительской деятельности сельской интеллигенции, следует особо подчеркнуть, что данная социальная группа внесла вклад и в дело духовно-нравственного воспитания деревенских жителей. Под *духовно-нравственным воспитанием* нами понимается процесс содействия духовному и нравственному становлению личности, формирование у нее: а) нравственных, эстетических, интеллектуальных чувств – совести, долга, ответственности, гражданственности, патриотизма, любви к красоте, любознательности, познавательного отношения к миру, чувства любви к

---

¹ ГАТО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 374. Л. 29.

² Чувашева И. К. Слава богу за всё! С. 24.

³ Местный. Еще о пасхальной трагедии // Алтайский крестьянин. 1914. № 17. С. 21.

⁴ Определения Святейшего Синода // ТЕВ. 1886. № 15. Ч. офиц. С. 2.

истине; б) нравственного облика – терпения, милосердия, отзывчивости, верности слову, жертвенности; в) нравственной позиции – способности к различению добра и зла, желания делать добро, готовности к преодолению жизненных испытаний¹.

Деятельность интеллигентов, направленная на духовно-нравственное воспитание крестьян, в исследуемое нами время была весьма актуальной. Данный период российской истории характеризуется модернизационными процессами, трансформировавшими разные сферы жизни общества в масштабах как страны в целом, так и Западной Сибири, что приводило к увеличению числа людей, потерявших духовно-нравственные ориентиры, подверженных антисоциальному поведению в городском и сельском социуме. Учитывая эти обстоятельства, Синод обратил особое внимание на начальные школы, понимая, что для основной части населения страны это была и конечная ступень образования, где закладывались мировоззренческие представления юных жителей страны². В исследуемое время наблюдалась положительная динамика распространения духовного просвещения в стране, что было связано с деятельностью обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, считавшего, что необходимо воспитывать народ в духе преданности православной церкви и престолу³.

Привлеченные нами в исследовании материалы показывают: пальма первенства в деле духовно-нравственного воспитания крестьян принадлежала сельскому православному духовенству и учительству, как лицам, чья профессиональная и общественная деятельность была непосредственно связана с подобным родом просветительства.

Церковные богослужения, проводимые сельским причтом, являлись важнейшим способом духовно-нравственного воспитания деревенских жителей. Слушая церковный хор, крестьяне заучивали молитвы и церковные тексты, которые необходимо было знать каждому верующему человеку. Кроме непосредственного ознакомления с религиозными сюжетами, демонстрирующими крестьянам, какое влияние может оказать на будущее конкретного человека отступление от духовно-нравственных норм, сельские церковнослужители знакомили селян с такими произведениями искусства, как иконы и прочая

---

¹ Глебова М. В. Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи в условиях муниципалитета: опыт комплексного решения проблемы. URL: http://www.dnv-prk.info/index.php?option=com_content&view=article&id=250:2010-04-10-10-47-50&catid=62:2009-10-02-11-32-01&Itemid=146 (дата обращения: 08.05.2014).

² Исхакова Р. Р. Указ. соч. С. 5.

³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Синода по Ведомству православного вероисповедания за 1902 г. СПб., 1905. С. 1.

церковная утварь, а сам храм служил местом приобщения верующих к духовным ценностям.

Другой способ духовно-нравственного воспитания крестьян, практиковавшийся сельским клиром – *проповедничество*. По мнению самого духовенства, проповедь пастыря («Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари») являлась одним из эффективных средств распространения духовного образования, способствующим приобщению к основам христианской религии и повышению духовно-нравственного уровня крестьян. Однако содержание и тема проповеди, с которой планировал обратиться к крестьянам сельский священник, обязательно согласовывалась с епархиальным начальством, что могло сопровождаться длительными переписками. Речи, которые по форме или по содержанию желательно было, по мнению церковных властей, произнести священнику во время проповеди, публиковались на страницах «Епархиальных ведомостей»¹. Подобная постановка дела затрудняла возникновение инициатив среди церковнослужителей в этом направлении духовного просветительства.

Проповеди обычно произносились священнослужителями после церковных литургий, в праздничные дни, а также в нестандартных ситуациях (эпидемии, природные катаклизмы и т. д.). Судя по материалам источников, чем более эмоционально окрашена, насыщена примерами из Священного Писания была проповедь, тем лучше она воспринималась крестьянами. В связи с этим особенно эффективным было проповедничество во время распространения эпидемий, голода или природных катаклизмов². Очевидно, что при помощи проповеди священники осуществляли религиозное просвещение прихожан, приобщали их к общечеловеческим ценностям (различение добра и зла, уважение старших и т. д.).

Преподавание в сельских школах Закона Божьего являлось прямой обязанностью сельского клира. Учителя же школ грамоты могли самостоятельно преподавать данный предмет при условии, что они пройдут испытание, устраиваемое священником на знание молитв³. Следует обратить внимание, что в преподавательской деятельности по данному

---

¹ См., например: Четыре поучения, одобренные Святейшим правительствующим Синодом для повсеместного произношения в церквях с целью возбуждения усердия в народе к делу распространения святой православной веры // ТЕВ. 1887. № 15. Ч. неофиц. С. 1–7; Беседа в день св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова // ТЕВ. 1893. № 20. Ч. неофиц. С. 1–10; и др.

² ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2947. Л. 5.

³ Журнал Тобольского епархиального учительского совета // ТобЕВ. 1894. № 9. Ч. офиц. С. 131–132.

предмету для законоучителей существовал ряд предписаний, выполнение которых было весьма желательно. Так, при изучении молитв законоучитель должен был стремиться к тому, чтобы дети «затвердили» слова молитвы, чтобы вызвать «в сердце детей те молитвенные расположения, для которых слова молитвы служат выражением»¹. Предполагалось, что урок, посвященный объяснению молитв, должен проходить в форме пастырской беседы с детьми. Предметом такой беседы мог послужить сюжет библейской истории, описание жизни христианского святого, случай из жизни ребенка-школьника или его семьи².

В связи с занятостью сельского духовенства исполнением своих прямых должностных обязанностей на весьма обширных территориях вверенных им приходов Закон Божий могли преподавать сельские учителя и учительницы, периодически контролируемые священником³. Источники показывают, что педагоги нередко весьма успешно справлялись с преподаванием этого предмета. Так, учительница Рязанова, учившая детей Закону Божьему, за три года так успешно наладила преподавание этого предмета в сельском училище с. Лебедянского Судженской волости Томского уезда, что в 1889 г. дети знали этот предмет, по словам проверяющего священника, «порядочно»⁴. В отчете по осмотру низших и начальных училищ Министерства народного просвещения Томской губ. за 1901 г. приведены сведения о том, что учительский персонал, не имеющий духовного звания, вполне справляется с преподаванием Закона Божьего. Учащиеся этих преподавателей осознанно оперировали усвоенной информацией по дисциплине⁵.

Следует особо подчеркнуть, что те учителя, которые не являлись преподавателями Закона Божьего, всё равно, так или иначе, в профессиональной преподавательской деятельности освещали на уроках религиозные сюжеты, направленные на духовно-нравственное воспитание учащихся. В отчете обер-прокурора Синода В. К. Саблера за 1913 г. содержится информация о том, что учителя были обязаны подбирать духовное чтение для уроков русского языка, материалы по отечественной истории освещать в контексте религиозной проблематики. На уроках чистописания педагоги должны были

---

¹ Практическая школьная энциклопедия. С. 33.

² Там же.

³ Тобольское епархиальное православно-церковное братство св. великомученика Дмитрия Солунского в 1894/95 г. // ТЕВ. 1896. № 9. Ч. офиц. С. 118.

⁴ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2989. Л. 7 об.

⁵ Там же. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1486.

преподавать учащимся «письмо полууставное, невольно влекущее мысль к речи церковной и предметам священным»¹.

Устройство чтений «душеполезных книг» также практиковалось сельскими священниками в деле духовно-нравственного воспитания крестьян. Это направление активности сельских священнослужителей имело нормативное оформление распоряжениями Синода². Следует сказать, что и в обязанности сельского учительства входила деятельность по устройству народных чтений по любой тематике, при условии, что в них содержался религиозный компонент³. Иногда подобные чтения проходили с использованием «волшебного фонаря». Так, священник А. Медяков в деревнях Лихачи и Поповка Тарского окр. Тобольской губ. в 1889–1890 гг. читал крестьянам об истории религиозных праздников, духовно-нравственные статьи и жития святых⁴.

Миссионеры на страницах своих отчетов приводили сведения о том, как они сами или учащиеся миссионерских школ под их руководством устраивали чтения. Нередко эти мероприятия привлекали внимание нескольких десятков слушателей. Услышанная информация вызывала положительные эмоции у прихожан: «Калмыки (в данном случае – алтайцы. – Ю. Д.) слушали со вниманием, но всего замечательнее мне пришлось услышать вздохи. Это первые вздохи, услышанные мною от калмыков во всю мою миссионерскую практику»⁵.

Источники содержат сведения о том, что священнослужители стремились *приобщать население к чтению*. Так, миссионер Урскульского отделения Алтайской духовной миссии в 1905 г. в своей записке отмечал: «В течение года на счет церковных сумм получали: “Церковные ведомости”, “Епархиальные ведомости”, “Православный благовестник”, “Руководства для сельских пастырей”, “Отдых христианина”, “Воскресный день”. Журналы “Отдых христианина” и “Воскресный день” читаются, кроме причта, народом. В особенности народ любит читать журналы “Отдых христианина” и “Трезвая

---

¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора по Ведомству православного исповедания за 1913 г. СПб., 1915. С. 285–286.

² Циркулярные указы Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1896. С. 25.

³ Правила о школах грамоты // ТЕВ. 1891. № 12. Ч. офиц. С. 10.

⁴ Церковноприходские школы Тобольской епархии в 1889/90 учеб. году // ТобЕВ. 1895. № 9. Ч. неофиц. С. 194.

⁵ ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 73. Л. 2.

жизнь». Книжки этих журналов берутся всегда нарасхват»¹. Желаящие и умеющие читать на русском языке могли взять книги в школьной библиотеке².

Личный пример священника, согласно церковному вероучению, являлся одним из важных условий воспитания верующих в духе истинно христианской жизни, которая описывалась в таких выражениях: «чистое, богобоязненное житие», «будьте все единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры». На страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» была опубликована «Инструкция приходским священникам по отношению к раскольникам и другим сектантам». В ней прописывалось, как необходимо вести себя священнослужителям в частной жизни («проводить жизнь свою как можно благочестивее и нравственнее», «священник должен поступать и выражаться обдуманно и спокойно, без всякого раздражения, с христианской любовью...»), а также во время осуществления церковных служений («отправлять... богослужение, а также... требы всегда благообразно и по чину... с истовым изображением на себе крестного знамения...»). Неизвестный автор инструкции подчеркивал, что личный пример священника играет важную роль в деле «поддержания в приходе чистой веры и нравственности»³. При назначении на должность учителя также учитывались нравственные качества кандидата. В тех случаях, когда учитель вел себя безнравственно, по решению властей его могли уволить с занимаемой должности.

Весьма популярным в исследуемый период среди сельской интеллигенции было дело по *устройству церковного хора*. Основной социальной базой, с которой работали интеллигенты при организации хора – учащиеся школ. Современники отмечали, что «школьное пение есть пока единственная почти отрасль музыки, проникающая в низшую школу»⁴. Зачастую хор являлся продуктом деятельности педагогов, так как изначально церковное пение закреплялось именно за сельскими учителями (только в том случае, если учитель был неспособен преподавать данный предмет, это поручалось кому-нибудь из членов причта)⁵.

---

¹ Там же.

² Там же. Л. 3.

³ Инструкция приходским священникам по отношению к раскольникам и другим сектантам // ТобЕВ. 1893. № 1/2. Ч. неофиц. С. 4.

⁴ Практическая школьная энциклопедия. С. 225.

⁵ Журнал Тобольского епархиального учительского совета // ТобЕВ. 1894. № 9. Ч. офиц. С. 133.

Естественно, не все педагоги одинаково ревностно относились к этому делу. Однако источники содержат немало свидетельств успешной деятельности интеллигентов в данном направлении духовно-нравственного воспитания крестьян. Например, на страницах «Томских епархиальных ведомостей» отмечен учитель церковноприходской школы с. Новожировского Новокусковской волости Томского уезда Феоктист Воскресенский, под руководством которого учащиеся выучили «итальянские и циферные ноты». Кроме того, дети пели «знаменным распевом на образец Томского архиерейского хора». В исполнении школьников крестьяне, посещающие религиозно-нравственные чтения, устраиваемые Воскресенским при школе, слушали «Отче наш», «Символ веры», канты из лепты архимандрита Макария (например, «Днесь родился нам Спаситель») и другие произведения религиозной тематики¹. В статье указывается, что крестьяне настолько прониклись симпатией к педагогу, что вручили ему деньги на приобретение часов для школы и предложили учителю каждодневные бесплатные обеды и ужины «ввиду недостаточности получаемого им жалованья»². Нередко именно совместная деятельность учителей и членов сельского причта оказывалась плодотворной. Так, псаломщику Шмаковской Покровской церкви Курганского окр. Тобольской губ. Ивану Заборовскому и учительнице Плотниковской церковноприходской школы того же прихода Лебёдкиной за «усердное обучение учеников пению» была объявлена благодарность главы епархии³.

Интересное и результативное мероприятие, направленное на духовное воспитание учащихся, было осуществлено учителями Каинского уезда Томской губ. П. Пановым, преподававшим в Нижнекаменской церковноприходской школе, и П. Кучуковым, работавшим в с. Россохинском. Весной 1891 г. педагоги вместе с учащимися, с согласия родителей последних, совершили *путешествие* на Алтай в с. Улалу на праздник, посвященный св. Николаю, пешком туда и обратно. Результаты паломничества получились прекрасными: дети без ропота перенесли все трудности путешествия по сырой и грязной дороге в холодное время и были в восхищении от всего, что видели и слышали

---

¹ От Томского епархиального училищного совета // ТЕВ. 1892. № 3. Ч. офиц. С. 9.

² Там же.

³ Епархиальные известия // ТобЕВ. 1895. № 9. Ч. офиц. С. 101.

в Улале и Николаевском миссионерском монастыре. Учащиеся «убедительно просили своих воспитателей и в будущем году совершить с ними такое же путешествие»¹.

Определенного внимания, на наш взгляд, заслуживает еще одно направление деятельности сельских интеллигентов по воспитанию крестьян, которое, на первый взгляд, сложно отнести к духовно-нравственному просветительству. Речь идет об *организации новогодних и рождественских елочных праздников*. Нет сомнения, что на занятиях по Закону Божьему дети знакомились с историей данного праздника: установление рождественской ели основывалось как на словах пророка Исаяи о Спасителе: «И произойдет отрасль от корня Иессеева, а ветвь произрастет от корня его» (Ис. 11, 1), так и на словах церковного песнопения в честь события Рождества Христова: «Христе – отрасль от корня Иессеева и цвет он него – произрос Ты от Девы». Украшение же ветвей елок показывало, что природа, бесплодная и безжизненная ветвь, только во Иисусе Христе – источнике жизни, света и радости – может принести духовные плоды: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал. 5, 22–23)². Кроме того, елочные украшения в виде звезды, яблок и шаров также могли иметь библейскую подоплеку – напоминали о Вифлеемской звезде и о «запретном плоде».

В качестве подтверждения вышеизложенного приведем примеры. В газете «Жизнь Алтая» помещена публикация, в которой описывается, как в с. Куликово одноименной волости Барнаульского уезда Томской губ. в 1912 г. было устроено священником Троицким и учителем елочное мероприятие. Дети под руководством церковнослужителя пели гимны, молитвы и прочие религиозные произведения. Затем учащиеся стали декламировать стихотворения и рассказы, «выходили на арену в ролях театрального искусства». Всем детям были преподнесены подарки. Восторженный автор статьи в завершении изложения отметил, что подобные мероприятия – «ключ к просвещению»³.

Итак, представители сельской интеллигенции осуществляли образовательно-просветительскую деятельность в условиях, когда властные структуры оказывались практически бессильными справиться с проблемой малочисленности образовательных учреждений в регионе. Несмотря на самоотверженный труд интеллигентов, практико-

---

¹ Извлечения из отчета о состоянии церковноприходских школ Томской епархии за 1890/91 учеб. год // ТЕВ. 1892. № 17. Ч. неофиц. С. 11.

² Как празднуют Рождество в разных странах мира? [Электронный ресурс] // Сибирская православная газета. URL: <http://www.ihtus.ru/pr3.shtml> (дата обращения: 29.04.2014).

³ *Консерватор*. Сокровища редакционной корзины // Жизнь Алтая. 1912. 2 февр.

вавших разнообразные формы просветительской работы, данное направление деятельности интеллигенции не имело решающего влияния на распространение образования, на социокультурную ситуацию в регионе, что было во многом обусловлено ее малочисленностью, отсутствием необходимых финансовых средств. Заслуга интеллигентов, на наш взгляд, заключается в том, что ими были заложены основы для тех преобразований в области просвещения, которые произойдут в более позднее время.

Духовно-нравственное воспитание крестьян являлось сферой профессиональных и общественных интересов двух категорий сельской интеллигенции – духовенства и учительства. Однако подобная деятельность интеллигентов не всегда носила конструктивный характер. Отдельные аспекты духовно-нравственного воспитания крестьян в некоторых случаях выступали тормозом в качественном обновлении сельской жизни, что проявлялось в приоритете «душеспасительных» книг над светскими; в подозрительном отношении к некоторым прогрессивным способам ведения сельского хозяйства и т. д. Сельское общество подходило избирательно к предлагаемому интеллигенцией материалу, что заставляло интеллигентов быть более отзывчивыми к потребностям изменяющегося общества, но это получалось у них с разной степенью успешности. Сельская интеллигенция, несмотря на свои просветительские попытки, стремление к либерализации общества, ощущала разрыв между собой – субъектом и объектом модернизационных процессов, и сельскими жителями, которые в большинстве своем вели традиционный образ жизни¹.

Отметим, что рассмотренные нами примеры просветительской активности сельской интеллигенции Западной Сибири отражают тенденции, характерные для просветительской деятельности интеллигенции страны в целом. Просветительство являлось важным формирующим фактором и одновременно проявлением идентичности интеллигенции. В ходе просветительской деятельности обнаруживались, во-первых, дистанция между интеллигентами и народом, обусловленная культурными и экономическими различиями; во-вторых, приверженность части интеллигентов традиционным ценностям, что особенно было видно в рамках духовно-нравственного просветительства и свидетельствовало о незавершенности процесса формирования идентичности сельской интеллигенции.

---

¹ *Сабурова Т. А.* Русский интеллектуальный мир / миф... С. 233–234.

2.2. Влияние сельской интеллигенции на модернизационные процессы в аграрной сфере

На рубеже XIX–XX вв. достичь положительных изменений в аграрном секторе экономики России можно было, по мнению интеллигенции, посредством распространения среди крестьянства современных для того времени сельскохозяйственных знаний. Исследователь И. В. Герасимов в своей монографии отметил, что подобные представления связаны с возникновением нового понимания интеллигентами своей миссии в российском обществе: план модернизации через политическую эмансипацию уступил место новой формуле эмансипации за счет экономической модернизации¹. Этот поворот стал значимым для интеллигенции, так как давняя мечта о достижении лучшей доли для простого народа теперь нашла абсолютно законный выход, признанный даже правительством². Отметим, что изучение просветительства в целом, а особенно в деле распространения сельскохозяйственных знаний, куда вмешательство государства было минимизировано и где отсутствовала идеология, позволяет увидеть гражданскую активность, самоорганизацию представителей сельской интеллигенции Западной Сибири конца XIX – начала XX в.

Общеизвестно, что одним из важнейших секторов сельского хозяйства в Западной Сибири являлось *животноводство*. Территориальное размещение региона было опасным для данного вида хозяйственной деятельности в связи с его транзитным положением. По землям Западной Сибири прогоняли большие поголовья скота, что способствовало распространению эпизоотий. Материалы периодической печати содержат статистические данные, которые демонстрируют масштабы распространения эпизоотических заболеваний среди лошадей и крупного рогатого скота. Например, на страницах газеты «Восточное обозрение» приводятся данные о заболевании животных ящуром в начале 1900 г. в Тобольской губ. В январе в 15 пунктах заболело 1634 головы скота, пало 42 головы. В феврале число пораженных эпизоотией пунктов возросло до 76, а

---

¹ *Gerasimov I. V. Op. cit. P. 16.*

² *Ibid. P. 33.*

зараженных животных было выявлено 7834 головы (пало 28)¹. Согласимся с автором публикации, что некоторое количество больных животных не попало в поле зрения статистики. Возникшая ситуация в сфере крестьянского животноводства способствовала активизации деятельности по ликвидации очагов эпидемий и распространению инновационных знаний о них в первую очередь теми представителями интеллигенции, которые профессионально были связаны со сферой сельского хозяйства (ветеринарные врачи и фельдшеры, агрономы).

Успех *ветеринарных лекарей* во многом зависел от уровня знаний крестьян об актуальных достижениях в области ветеринарии. Не будучи знакомыми с причинами возникновения эпизоотий, крестьяне нередко препятствовали деятельности ветеринаров по ликвидации заразных болезней. Рассмотрим случай, который произошел с ветеринарным фельдшером в с. Егорьевском Змеиногорского уезда Томской губ. По приезду в село фельдшер столкнулся с «егорьевскими бабами», которые заявили ему, что не позволят осмотреть скот, так как он «явился из места, зараженного чумой»². Все доводы фельдшера о том, что он производит дезинфекцию одежды, опрыскивая ее раствором сулемы и карболовой кислоты, ни к чему не привели. Фельдшер вынужден был покинуть селение. Такие случаи муссировались на страницах периодической печати. Интеллигенты понимали, что *популяризация знаний о мерах борьбы с эпизоотиями* являлась важнейшим условием для эффективного ведения хозяйства крестьянами.

Один из вынужденных способов борьбы против распространения эпизоотий, к которому прибегали ветеринары – физическое уничтожение животных³. Это, естественно, вызывало негодование со стороны большинства крестьян, неприятие и отрицание ими достижений в области ветеринарного дела, которые демонстрировались врачами и фельдшерами в ходе лечебной практики. В связи с этим сельские жители с большим недоверием относились к прививкам, которые не всегда спасали животных от гибели. Источники содержат сведения о том, что многие крестьяне отказывались от данной процедуры, так как считали, что именно прививки являются причиной распространения эпизоотий. Ветеринарному персоналу неоднократно приходилось объяснять населению пользу вакцинации животных. Заметим, что немаловажное влияние на успехи в этом

---

¹ Корреспонденции // ВО. 1900. 29 апр.

² Сибирская хроника // Там же. 1896. 21 авг.

³ См., например: Сибирская хроника // ВО. 1896. 3 мая.

деле оказывала поддержка других представителей сельской интеллигенции. Так, корреспондент газеты «Жизнь Алтая» сообщает, что крестьяне д. Колпаковой Барнаульского уезда Томской губ. летом 1910 г. отказались от вакцинации животных. Местный священник попросил ветеринаров привить его домашний скот. Корреспондент пишет, что не успели еще ветеринары произвести требующуюся операцию, как все крестьяне захотели сделать прививку своему скоту¹.

Стоит указать, что некоторые крестьяне, подражая ветеринарам, ухитрились «собственными средствами» ставить прививки домашнему скоту. Подобный случай произошел в с. Новотаскаевском Барнаульского уезда Томской губ., где крестьяне самостоятельно осуществили вакцинацию домашнего скота против повального воспаления легких. Крестьяне брали часть легкого от павшей коровы, смешивали его с кровью и заражали приготовленной массой живую корову. Автор, описавший этот случай, отмечает, что вакцинация прошла успешно². Очевидно, что подобная практика могла иметь и неблагоприятный результат.

На III Всероссийском съезде ветеринарных врачей в Харькове в 1914 г. докладчиком И. Д. Румянцевым было особо отмечено, что залог успеха в этом деле – «в возбуждении доверия населения к принимаемым мерам борьбы с эпизоотией». Поэтому успешным признавался врач, который «вооружен не только ножом и шприцем, но и общественностью»³. То есть борьба с эпизоотиями, как и с общественными бедствиями, должна вестись усилиями всего населения, застигнутого бедой. Ветеринарный персонал, по мнению Румянцева, должен принимать в ней ближайшее участие и выполнять руководящую роль⁴. Однако в связи с малочисленностью ветеринарного персонала нередко на территории Западной Сибири периодически действовали командированные отряды, «эпизодическое вторжение» которых «с ножом и шприцем» и последующее длительное отсутствие оставляли в населении «чувство неудовольствия к механизму ветеринарных предприятий». Врач включался крестьянами в сонмище чинов, не дающих деревне «даже и покоя»⁵.

---

¹ К. М-ч. Лицом к лицу: (о борьбе с эпизоотией в деревне) // Жизнь Алтая. 1911. 13 янв.

² Там же.

³ Румянцев И. Д. Эпизоотия повального воспаления легких крупного рогатого скота в Томской губ. и причины малоуспешности борьбы с нею. Харьков, 1914. С. 9–10.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Там же. С. 12.

С целью предотвращения эпидемий ветеринары должны были вести наблюдение за скотобойнями в регионе, положение которых было весьма плачевным: «... каждый частный владелец устраивал свою бойню... по своему усмотрению, выполняя лишь самые минимальные требования администрации. Скот убивается без всякого ветеринарного надзора... никем... не регистрируется, вследствие незначительности положенного штата врачей»¹.

Другим направлением активности интеллигентов по распространению знаний в области сельского хозяйства и предотвращению эпизоотий была *деятельность по устройству скотомогильников* в деревенской местности. Отметим, что во многих селениях Западной Сибири не было кладбищ для животных. Так, ветеринарный инспектор Томской губ. в своем распоряжении, направленном крестьянскому начальнику 2-го участка Бийского уезда, обращал особое внимание на то, что во многих селениях губернии отсутствуют «скотские кладбища». В связи с отсутствием скотомогильников крестьяне хоронили погибших животных во дворах или вывозили за селения, где трупы валялись не зарытыми². Такое положение дела, естественно, способствовало распространению эпизоотий, что не могло остаться без внимания сельских интеллигентов. Судя по архивным данным, призывы как сельских интеллигентов, так и властей о необходимости устраивать «скотские кладбища» зачастую оставались без положительного отклика со стороны крестьян. Так, на сходе в с. Белоярском Барнаульского уезда сельское общество «категорически отвергало этот вопрос, не желая постановить приговора». И лишь присутствие на сходе сельской администрации и полиции привело к тому, что решение о выделении земли под сооружение скотомогильника было принято³.

В Западной Сибири значительный доход крестьянству приносило молочное животноводство. Однако острой проблемой этой отрасли являлась антисанитария на заводах, сепараторах по переработке молока. Историком Л. М. Горюшкиным в монографическом исследовании отмечено, что вопрос об улучшении санитарного состояния заводов по переработки молока неоднократно поднимался на агрономических и сельскохозяй-

---

¹ Положение убойного дела и ветеринарного надзора за ним в Акмолинской обл., Тобольской и Томской губерниях: (из отчета по командировке С. И. Самборского). [СПб., 1904]. С. 4.

² ГААК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 13. Л. 10.

³ Там же. Ф. 181. Оп. 1. Д. 139. Л. 15.

ственных совещаниях, съездах маслоделов Западной Сибири¹. Интеллигенты, стремясь обратить внимание общественности на эти проблемы перерабатывающего сектора сельского хозяйства, использовали в качестве трибуны и страницы периодической печати. Кроме того, в 1902 г. на основании высочайшего повеления, распространявшегося на все сибирские губернии, томским губернатором было издано постановление, в котором прописывалось, что помимо необходимого технического оснащения маслодельных заводов должны быть соблюдены и санитарные требования².

Как известно, крестьяне относили свежее молоко на маслодельню, где его подвергали сепарированию. Если в сепаратор попадало молоко хотя бы от одной больной коровы, то происходило заражение всей жидкости. Термической обработке молоко, прошедшее через сепаратор, не подвергалось. Деревенские жители приносили «снятое молоко» домой, поили им телят, что становилось причиной увеличения их смертности. Ветеринарные врачи неоднократно адресовали крестьянам *рекомендации по поводу обработки молока*, но их не всегда слышали. На страницах газеты «Восточное обозрение» содержится информация о том, что ветеринарные врачи обращались к губернской администрации с призывами о закрытии маслоделен в случае возникновения эпизоотий. Администрация на такой призыв ответила, что маслодельни будут закрыты лишь в том случае, если данные о влиянии переработанного на маслодельнях молока на возникновение массовых заболеваний подтвердятся³. Закрытие маслоделен не произошло, но вышли в свет постановления местных властей по данному вопросу. Так, в Томской губ. в 1902 г. обязательное постановление губернатора содержало информацию о том, что лица, не соблюдающие санитарных норм на маслодельнях, «будут подвергнуты в административном порядке денежному штрафу до 500 р. или аресту до трех месяцев»⁴. Конечно, издание постановлений подобного рода не решало вопроса о несоблюдении санитарных норм на маслодельнях.

Важным моментом в развитии сельского хозяйства в Западной Сибири являлось *учреждение маслодельных артелей и кооперативов*. Кооперирование, по мнению историка П. Ф. Никулина, являлось главным социально-экономическим путем крестьян-

---

¹ Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX). Новосибирск, 1967. С. 65.

² ГААК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 13. Л. 64.

³ Сибирская хроника // ВО. 1897. 2 июля.

⁴ ГААК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 13. Л. 64.

ской модернизации¹. Г. А. Ноздрин отмечает, что кооперация, возникавшая на базе общины, «гармонично сочетала интересы личности и коллектива, несла на себе печать традиционализма и вместе с тем имела черты, присущие всем организациям новой эпохи»². По его мнению, кооперация развивала инициативу и личную ответственность крестьян, привлекала к формированию рыночных правил различные слои населения и способствовала формированию гражданского общества³. Таким образом, кооперация являлась формой самодеятельности и самоорганизации населения в условиях модернизации российской экономики⁴.

Далеко не последняя роль в данном деле отводилась сельским интеллигентам. В исследовании профессора Нью-Йоркского университета Я. Коцониса отмечено, что инициаторами создания в сельской местности кооперативов и артелей являлись сельские учителя, специалисты в области сельского хозяйства и даже местные священники⁵.

Интеллигенция Западной Сибири распространяла в сельской местности информацию о пользе кооперирования в маслодельном деле, несмотря на то, что «этому делу... ставятся многочисленные тормозы и препятствия со стороны владельцев частных маслодельных заводов»⁶. Кроме этого, существовали проблемы, связанные исключительно с непониманием крестьянами той пользы, которую могла принести кооперация. Имели место и случаи враждебного отношения селян к идеям организации подобных учреждений. Тем не менее, разъяснительная работа интеллигентов, как правило, имела положительный результат. Так, в мемуарах Ф. Д. Останина о событиях, происходивших в с. Сидоровском Барнаульского уезда Томской губ. после Русско-Японской войны, содержатся сведения о том, как мастер по маслоделию Ф. И. Кузьменко побуждал крестьян купить маслодельный завод и сделать его артельным. Как вспоминает Оста-

---

¹ Никулин П. Ф. Внутренний экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в.: автореф. дис... д-ра ист. наук. Томск, 2009. С. 46.

² Ноздрин Г. А. Кооперативное движение в общественно-политической жизни сибирской деревни второй половины XIX – начала XX в. // Кооперация Сибири: история и современное состояние. Новосибирск, 2006. Вып. 5. С. 150.

³ Там же. С. 152.

⁴ Ганшин В. Г. Формирование гражданского общества в России и Китае. М., 2007. С. 9–10.

⁵ Коцонис Я. Как крестьян делали отстающими: сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861–1917. М., 2006. С. 76.

⁶ РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 66. Л. 7 об.

нин, мастер не одну неделю ходил по дворам, уговаривал крестьян, записывал желающих в «артельщики» и добился успеха¹.

Следует отметить, что подобные крестьянские объединения нередко могли функционировать благодаря поистине подвижнической деятельности инструкторов. Это было связано с тем, что крестьяне нередко не имели средств на постройку хорошего маслодельного завода, им необходим был государственный кредит. Естественно, что крестьяне были некомпетентны в деле оформления соответственных бумаг, которые приходилось оформлять членам инструкторского персонала². Кроме того, отсутствие в числе артельщиков лиц, хорошо знающих счетоводство, тяжелым бременем ложилось на инструкторов. Они вынуждены были составлять множество отчетов, тем самым не имея возможности обратить внимание на наболевшие вопросы в области молочного производства³. Поэтому на совещаниях инструкторов и заведующих лабораториями Тобольской и Томской губерний поднимался вопрос о том, что артелям необходимо нанимать за свой счет специалистов, которые следили бы за правильным ведением счетоводства, составляли годовые и месячные отчеты⁴.

Однако даже в случае найма счетовода его работой должен был руководить инструктор, что, естественно, всё равно отнимало немало рабочего времени у этих представителей интеллигенции. Вероятно, по этой причине участие сельских интеллигентов в кооперативном движении активно приветствовалось: они помогали артельщикам в введении счетоводства, являлись представителями ревизионных комиссий⁵.

Говоря об участии сельской интеллигенции в кооперативном движении в Западной Сибири, следует особо подчеркнуть, что интеллигенты инициировали *открытие и потребительских кооперативов*, игравших немалое значение в модернизации сельскохозяйственной отрасли региона. Цель потребительской организации заключалась в снабжении своих членов товарами высокого качества за умеренную плату. Одной из экономических задач кооперации являлось превращение индивидуальных покупок в общественные и распределение их между членами организации. Это был экономичный

---

¹ Зверев В. А., Зверева К. Е. Детство и школа в социокультурном пространстве сибирского села начала XX в.: (воспоминания Ф. Д. Останина) // Актуальные вопросы истории Сибири XVIII–XXI вв. Новосибирск, 2008. Вып. 3. С. 123–124.

² РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 119. Л. 2.

³ Там же. Д. 66. Л. 39 об.

⁴ Там же. Д. 106. Л. 8.

⁵ Мурашкинцев А. А. Указ. соч. С. 13.

вариант приобретения сельскохозяйственного инвентаря. Существовали параллельно с кооперациями и казенные склады Переселенческого управления, которые занимались распространителями усовершенствованного инвентаря. Однако условия предоставления кредитов складами мало учитывали интересы крестьян и поэтому не пользовались у них спросом¹.

В Сибири потребительская кооперация на 90 % обслуживала сельское население. Основной ее рост, по наблюдениям исследователей, начался после Первой русской революции². Г. М. Запорожченко указывает, что деревенская потребительская кооперация по запросам крестьянства доставляла ему не только чай, сахар, обувь, ткани, но и серпы, косы, кадки, сепараторы, плуги, семена³.

В изучаемый период получает распространение и *кредитная кооперация*, которая получила поддержку среди сельского населения. Отметим, что кредитная кооперация насаждалась государством и являлась одним из способов капитализации экономики государством⁴. С развитием кредитной кооперации у населения появилась возможность «помещения сбережений без посредников, а также получения кредита для приобретения предметов сельского быта, посевного материала, породистого скота, содействия развитию побочных промыслов, облегчения сбыта сельскохозяйственной продукции»⁵.

Однако следует отметить, что участие *священнослужителей* в подобных мероприятиях в качестве руководителей не вызывало одобрения со стороны властей. Это нашло выражение в распоряжении Синода, которое было опубликовано в 1885 г. на страницах церковной периодики: «Находя, что участие священнослужителей в сельских ссудо-сберегательных товариществах не может не отвлекать их от исполнения прямых обязанностей пастырского служения, Святейший Синод признает необходимым воспретить священнослужителям принимать на себя звание членов правления и советов сельских ссудо-сберегательных товариществ...»⁶.

Одним из направлений активности сибирской кооперации, на наш взгляд, являющейся важным элементом гражданского общества, была ее культурно-просветительская

---

¹ Транквилиция И. В. Указ. соч. С. 16.

² Алексеева В. К. Указ. соч. С. 50.

³ Запорожченко Г. М. Указ. соч. С. 145.

⁴ Ноздрин Г. А. Кооперативное движение в общественно-политической жизни... С. 155.

⁵ Алексеева В. К. Указ. соч. С. 72.

⁶ Определения Святейшего Синода // ТЕВ. 1885. № 14. Ч. офиц. С. 1.

деятельность, которая выражалась в разных формах: в создании народных библиотек, читален, в чтении лекций, распространении литературы по сельскохозяйственной тематике. В работе А. А. Мурашкинцевой, посвященной западносибирскому кооперативному маслоделению, подчеркивается: «... едва ли не большее значение имеет то обстоятельство, что артельные маслодельни являются готовыми аудиториями, в которых инструктор может знакомить хорошо известных ему крестьян не только с усовершенствованными техническими приемами маслоделия, но и с требованиями рационального содержания дойных коров и получения от них молока, с заготовлением для местного скота кормовых средств... Эти аудитории... являются рассадником сельскохозяйственных знаний среди остального населения, которое часто заимствует более разумные приемы сельского хозяйства от артельщиков, своих сочленов и соседей»¹. Однако до начала Первой мировой войны это направление деятельности кооперации получило незначительное распространение².

С целью распространения сельскохозяйственных знаний в сельской местности создавались и *сельскохозяйственные общества*, инициаторами и активными членами которых являлись также представители сельской интеллигенции. Так, в 1903 г. с разрешения томского губернатора начало действовать сельскохозяйственное общество в с. Белоярском Барнаульского окр., председателем которого стал дворянин И. К. Платонов, товарищем председателя – священник с. Белоярского И. Никольский, казначеем – псаломщик того же села Е. А. Федоровский. Среди членов общества, помимо крестьян, числился и священник с. Повалихи В. Александров³.

Скотоводство в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в., по мнению ветеринарного персонала, находилось в весьма незавидном положении. Скотина содержалась небрежно, зачастую в открытых пригонах, никогда не очищающихся. Во весь зимний период (7 месяцев) она не была защищена от вредного влияния суровых морозов и метелей, летом на выгонах (поскотинах) по большей части паслась без присмотра. В результате этого от ряда ранних скрещиваний порода крупного рогатого скота стала мелкой и невыгодной по своей продуктивности⁴. Местные овцы также принадлежали к

---

¹ Мурашкинцева А. А. Указ. соч. С. 20–21.

² Ноздрин Г. А. Кооперативное движение в общественно-политической жизни... С. 157.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5612. Л. 9.

⁴ РГИА. Ф. 398. Оп. 63. Д. 1917. Л. 2–2 об.

малопродуктивной породе в отношении как шерсти, так и мяса. В аналогичном положении находилось и свиноводство¹.

Деятельность сельских интеллигентов в области сельского хозяйства, способствовавшая возрастанию его продуктивности, была направлена на *улучшение пород местного скота*, как в результате завоза в Западную Сибирь с территории Европейской России высокопродуктивных пород, так и при помощи селекции завозного и лучших представителей местного скота, более адаптированного к зауральским условиям. Проводились мероприятия по устранению яловости коров². Однако местное сельское население далеко не сразу оценило усилия сельских интеллигентов в данном направлении. Этому предшествовала активная пропаганда в сочетании с многочисленными акциями, целью которых являлось демонстрирование улучшенных пород скота крестьянам. В источниках зафиксировано, что одним из успешных способов ознакомления селян с продуктивными породами скота являлись сельскохозяйственные выставки. Организаторы выставок преследовали, как правило, следующие цели: «пробуждение интереса среди местного населения к улучшению скотоводства» и «отбор путем премирования лучших по производительности животных»³.

Не менее распространенным в практической деятельности сельского ветеринарного персонала было *устройство показательных кормлений*. Только в Тобольской губ. в 1911 г. подобных мероприятий было пять. Как отмечали сами представители агрономической организации, показательные кормления пользовались популярностью у населения и являлись одним из наиболее действенных мероприятий, проведенных организацией⁴. Однако, прежде чем приступить к их устройству, необходимо было провести подготовительную работу. В назначенном пункте за 3–4 месяца подыскивалась группа крестьян, которым предлагалось предоставить своих коров для опыта и самим принять участие в кормлении. Первые обращения представителей агрономической организации к селянам, как правило, сопровождались отказами, но впоследствии, при ознакомлении с программой и самими инструкторами крестьяне меняли свое мнение. Одному из крестьян обычно выдавались средства на постройку теплого скотного двора по типу датских.

---

¹ Там же. Л. 3–3 об.

² Там же. Оп. 75. Д. 66. Л. 37 об.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Д. 65. Л. 58.

Обыкновенно опытно-показательные кормления проводились в зимнее время с ноября по март каждого года, то есть во время сильных морозных стуж, так как в остальные времена года нельзя получить тех результатов, которые достигались в морозное время. Все коровы, взятые у крестьян-участников, кормились по обозначенному методу (по датскому методу, способу профессоров Богданова и Кельнера), определение живого веса животных производилось по способу Клювер-Штрауха и Черного. Как отмечали инструкторы, для крестьян наиболее понятным и усвояемым был датский способ кормления скота¹. Крестьян поражали результаты подобных кормлений: прежде коровы или совсем не доились до февраля-марта, или же хотя и доились, но давали очень мало молока.

Конечно, деревенские жители не сразу одобрительно отнеслись к организации подобных мероприятий. Однако со временем их мнение переменялось в положительную сторону. Крестьяне стали не только из-за любопытства осматривать высокопродуктивные породы скота, интересоваться улучшенными способами его кормления и содержания в теплых помещениях, но и стремиться применить это в своей практической деятельности. Так, в Ялуторовском уезде Тобольской губ. первый теплый скотный двор появился в 1911 г. В 1917 г. подобных сооружений, устроенных по типу датских, в одном только рассматриваемом уезде было около 600².

С целью повышения продуктивности животноводства агрономический персонал устраивал для селян *курсы по скотоводству*, которые наглядно демонстрировали деревенским обывателям необходимость отказа от многих изживших себя способов ведения хозяйства в пользу новейших для того времени. Так, в 1911 г. специалистами по животноводству были организованы в с. Залесовском Барнаульского уезда и в с. Тюменевом Мариинского уезда Томской губ. курсы по скотоводству. Курсы сопровождались показательным кормлением крупного рогатого скота, систематическими беседами по скотоводству, коневодству и отчасти овцеводству. Беседы включали демонстрацию наглядных картин. Такие мероприятия вызывали живой интерес среди крестьян, показа-

---

¹ Там же. Д. 270. Л. 3.

² Там же. Л. 12.

телем чего может служить численность слушателей курсов в с. Залесовском: постоянно на них присутствовало 66 человек, 8 из них приезжали из соседних селений¹.

Еще одним объектом деятельности интеллигенции по распространению сельскохозяйственных знаний в западносибирском селе было растениеводство, а точнее – *выращивание кормовых и зерновых культур*. Конечно, малочисленность специалистов отрицательно сказывалась на масштабах деятельности по распространению сельскохозяйственных знаний в данной сфере агрономии. Сельскими интеллигентами практиковалось в целях ознакомления с новейшими агрономическими достижениями в области полеводства устройство показательных полей, участков. Однако был у этих мероприятий и еще один смысл. Представители агрономической организации Тобольской губ. отмечали, что нередко возникали трудности при внедрении приемов обработки паровых земель в хозяйство крестьян. Это было связано с тем, что результаты подобного нововведения были видны только после более или менее продолжительного его применения². Травосеяние же способствовало предотвращению истощения пашенной земли. Это являлось немаловажной причиной его внедрения в хозяйство крестьян, помимо прямого назначения.

Судя по материалам источников, существовали разные методы распространения опытных полей и участков в регионе. Так, агрономический персонал Томской губ. способствовал закладке показательных участков по посеву клевера и тимофеевки в крестьянских хозяйствах путем безвозмездного снабжения хозяев семенами. В тех же районах губернии, где население уже осознало положительный результат травосеяния, оно само предъявило спрос на семена. В таких случаях семена выдавались крестьянам на условиях возврата в равных количествах³. Инструкторы отмечали, что подобные мероприятия с травосеянием за редким исключением давали положительный результат, вследствие чего население доверительно начинало относиться к агрономическим нововведениям и с охотой применять их в своей сельскохозяйственной практике. Однако производящиеся практически повсеместно в Томской губ. землеустроительные работы, сопровождавшиеся переделом земли, в значительной мере препятствовали, по

---

¹ Там же. 66.

² Там же. Д. 65. Л. 32.

³ Там же. Д. 66. Л. 5 об.

мнению правительственного агронома, этой деятельности крестьян¹. Несмотря на это, в 1911 г. в губернии уже имелся 521 показательный участок с клевером и тимофеевкой. В указанном году заложили еще 510 участков².

Заметим, что деятельность сельской интеллигенции была направлена не только на *внедрение новых посевных культур, но и на сохранение урожая*. Так, одним из встречающихся в источниках катаклизмов, наносящих огромный ущерб сельскому хозяйству, являлось уничтожение зерновых посевов кобылкой (насекомым семейства саранчовых). Отлов был эффективным способом борьбы против кобылки, практиковавшимся во второй половине XIX – начале XX в. Крестьяне же нередко отказывались выполнять приказы, агрономов и властей о сборе этого насекомого, так как считали, что кобылка – «попущение Божье», и ловить ее бесполезно³. В таких случаях сельским интеллигентам приходилось проводить разъяснительные работы в крестьянской среде.

О том, как *бороться с сельскохозяйственными вредителями*, которые неоднократно появлялись на посевных площадях Западной Сибири, было известно многим представителям сельской интеллигенции. Целям подготовки и повышения квалификации преподавателей служили педагогические, сельскохозяйственные, ветеринарно-фельдшерские курсы, организованные в разное время для учителей и учительниц, а также специалистов других областей⁴. На этих курсах интеллигентов знакомили со способами борьбы с разными видами вредителей, в том числе и кобылкой. Кроме того, специализированная периодическая печать также содержала публикации подобного содержания. На народных чтениях, организованных представителями сельской интеллигенции, такая информация зачитывалась, преподносилась деревенским жителям с подробными описаниями и пояснениями.

Автор заметки в газете «Жизнь Алтая» И. П. Федосеев повествует, что инструктор пчеловодства Н. В. Соколов в январе 1912 г. в д. Мостовой Мариинской волости Барнаульского уезда Томской губ. совместно с техником Коршуновым организовал чтения по сельскохозяйственной тематике с использованием «туманных картин». В ходе чтений крестьяне смогли ознакомиться с передовыми формами ведения хозяйства в Сибири,

---

¹ Там же. Л. 4.

² Там же. Л. 3.

³ Сибирские вести // ВО. 1902. 14 авг.

⁴ *Фёдорова М. И.* Народное просвещение Тобольской губ. на рубеже XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1998. С. 14.

свойствами и способами обработки почв, борьбы с вредителями полеводства и т. д. На чтении было 40 слушателей. Ответы Соколова на вопросы присутствующих переходили в оживленную беседу. По словам крестьян, полученные новые знания они не замедлят применить на практике¹. Аналогичные по содержанию чтения прошли при участии инструктора полеводства В. Г. Любимова и его помощника В. А. Сградына в феврале 1912 г. в с. Верхкамышенском Покровской волости Змеиногорского уезда Томской губ.²

Немало внимания представители сельской интеллигенции уделяли *развитию огородничества* в селениях исследуемого региона, ведь крестьяне слабо практиковали его в своей хозяйственной деятельности, не говоря уже об «инородческом» населении Западно-Сибирского региона. Во многом малое распространение огородничества было связано с тем, что сельское население в связи с удаленностью от крупных центров часто не имело возможности приобретать доброкачественные семена. Поэтому агрономический персонал, имея в своем распоряжении ограниченное их количество, всё же стремился снабдить ими население. Семена выдавались сельскохозяйственным обществам, школам и отдельным домохозяевам бесплатно, но с рядом условий: сообщать результаты произведенных посевов агрономическому персоналу; исполнять указания, которые делались инструкторами о способах посева и ухода за растениями; при получении семян в собственном хозяйстве снабжать таковыми соседей³. В 1911 г. инструкторы по полеводству Томской губ. снабдили семенами огородных растений 1331 крестьянское хозяйство, 8 народных школ, 4 мелких сельскохозяйственных общества и одно кредитное товарищество⁴. По наблюдениям агроперсонала региона, наибольшей популярностью в сельской местности пользовались семена следующих огородных культур: брауншвейгской капусты, огурцов муромских и вязниковских, моркови, лука. В южных районах региона были востребованы семена арбузов. Следует отметить, что именно огородничество привлекало наибольшее внимание крестьянок, что зафиксировала агрономическая организация Тобольской губ. в отчете за 1911–1912 гг.⁵

Большой вклад в развитие огородничества в исследуемом регионе внесли *учительство, духовенство*. Учителя устраивали при школах показательные участки, огороды и

---

¹ Федосеев И. П. По Сибири: (от наших корреспондентов) // Жизнь Алтая. 1911. 13 янв.

² По Сибири: (от наших корреспондентов) // Жизнь Алтая. 1911. 25 февр.

³ РГИА. Л. 24

⁴ Там же. Ф. 398. Оп. 75. Д. 66. Л. 6 об.

⁵ Там же. Л. 23, 81.

сады, на что нередко отводилась земля по распоряжению начальства¹. Кроме того, иногда именно личный пример интеллигента мог оказать определяющее значение в данном деле. Показателен опыт деятелей Алтайской духовной миссии. Так, один из миссионеров по приезду в Улалу решил приобщить «иностранное» население села к огородничеству. Для этой цели он устроил небольшой огород, в котором насадил картофель, капусту и другие овощи. С недоверием отнеслись «иностранцы» к его затее, но, попробовав из выращенных овощей приготовленную на их глазах миссионером пищу, одобрили ее. Через некоторое время у «иностранцев» появились в хозяйственной деятельности и огороды, на которых выращивали овощные культуры². Конечно, подобных примеров можно приводить множество.

Заботы о *развитии и улучшении пчеловодства* относились к ведению агрономических организаций Тобольской, Томской губерний и Акмолинской обл. В состав персонала данных организаций, в связи со значительной ролью пчеловодства в экономике региона, входили и инструкторы по пчеловодству, численность которых была незначительна по сравнению с территориями края и объемами работы. В докладной записке правительственный агроном Божаев отмечал, что крестьяне «вводят, хоть и медленно, в пчеловодство нововведения – рамочные улья, посев медоносных растений». Однако нововведения проникают в среду пчеловодов с большим трудом, большей частью случайно. Это связано с тем, что крестьянин «и рад бы что-нибудь позаимствовать, да негде»³. Школы, по мнению Божаева, оказывали воздействие на подрастающее поколение в плане сельскохозяйственного просвещения. Несмотря на то, что это мера необходимая, она «слишком медленная и, во всяком случае, недействительная по отношению к взрослому населению»⁴. Как считал агроном, значительную положительную роль в данном деле могли оказать лишь «методы наглядного убеждения, поучений посредством фактов». Именно такие методы в основном и практиковались сельскими интеллигентами в деле распространения инновационных знаний и достижений в области пчеловодства.

---

¹ Отчет о состоянии церковноприходских школ и школ грамот Томской епархии за 1889/90 учеб. год // ТЕВ. 1891. № 12. Ч. неофиц. С. 10.

² Природа и население Алтая // ТЕВ. 1891. № 3. Ч. неофиц. С. 6.

³ РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 330. Л. 4 об.

⁴ Там же. Л. 14 об.

Значительный вклад в развитие пчеловодства в Западной Сибири, несомненно, внесли инструкторы по пчеловодству, для которых распространение знаний о данной отрасли сельского хозяйства в сельской местности являлось непосредственной профессиональной обязанностью. Они занимались консультированием сельского населения и особенно активистов данного дела, а также знакомили широкие массы крестьян с пользой и выгодностью пчеловодства путем устройства чтений, бесед. В целях ознакомления начинающим пчеловодам раздавались семена медоносных растений: горчицы черной и желтой, фацелии, рапса ярового резеды и мелиссы¹. Однако, как было замечено нами выше, малочисленность персонала на обширных территориях Западной Сибири не позволяла охватить им своей деятельностью большие участки региона.

Прочие группы сельской интеллигенции также внесли вклад своей профессиональной и общественной деятельностью в дело распространения в крестьянских массах знаний об эффективных способах ведения пчеловодства. Конечно, существовали особые требования и пожелания на этот счет со стороны властных структур (например, о необходимости устройства показательных пасек при школах), но во многом успех в указанном деле проявился в результате заинтересованности и личной инициативы сельской интеллигенции. Так, сельское духовенство было весьма активным в деле устройства и популяризации пчеловодства в крестьянской среде². Существовали даже объединения церковнослужителей, занимавшихся пчеловодством³. Представители духовенства отмечали, что «пчеловодством в свободное время и при умелом уходе заниматься есть расчет»⁴.

Немалый интерес у крестьян данная отрасль хозяйства вызывала в связи с тем, что при небольших затратах довольно быстро можно было получить прибыль, что успешно демонстрировали посредством своей практики церковнослужители⁵. Например, священник Александр Косвинцев из с. Анисимовского Боровленской волости Барнаульского уезда Томской губ. в письме подробно описывает свои успехи в области пчеловодства, дает расклад прибыли и расходов на приобретение колодок. Затратив весной только 120 р. на покупку колодок с пчелами, летом от продажи воска и колодок с пчелами

¹ Там же. Ф. 398. Оп. 75. Д. 65. Л. 78–79.

² Чернятевич О. В. Указ. соч. С. 278–280.

³ См., например: Чернятевич О. В. Указ. соч. С. 278–280.

⁴ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 110. Л. 26.

⁵ Там же. Л. 25 об.

священник выручил 610 р.¹ На страницах художественных произведений также отражены факты успешного занятия пчеловодством представителей духовенства. Так, в рассказе «Нахал» Г. Д. Гребенщиков описывает деятельность на данном поприще псаломщика Герасима, который так преуспел в пчеловодстве, что сложил с себя духовный сан и стал заниматься исключительно этим делом².

Большой вклад в дело распространения сельскохозяйственных знаний в области пчеловодства в Западно-Сибирском регионе внесло учительство. Исследователь В. С. Сулимов отмечает, что в начале XX в. дирекция начальных училищ и органы управления Тобольской губ. делали попытку приобщить начальную школу к распространению среди населения знаний по сельскому хозяйству. С этой целью по инициативе тобольского губернатора на средства губернского земского сбора организовывались курсы по пчеловодству для педагогов в Тюменском уезде³. Подобные мероприятия проводились и в Томской губ. с 4 июня по 1 июля 1900 г. В отчете о деятельности курсов зафиксировано, что слушателями стали 30 человек, в их числе 21 учитель и 7 учительниц. Однако желающих принять участие в работе пчеловодческих курсов было гораздо больше, чем было запланировано организаторами, и «некоторым просителям было отказано за недостатком помещения»⁴.

Заметим, что сельские педагоги были не только теоретиками в сфере пчеловодства, получая соответствующие знания на курсах, из учебных пособий, но и практиками, которые стремились полученные знания распространять среди крестьянства. Учителя активно реагировали на призывы инструкторов по пчеловодству в деле устройства показательных пасек. Так, в 1897 г. двое из сельских педагогов (в с. Шемонаиха Змеиногорского окр., в с. Анисимовском Барнаульского окр.) под руководством инструктора Е. Зондрока устроили рамочные пасеки и давали на них «указания и советы всем желающим»⁵. Рамочные пасеки, в отличие от колодочных, широко распространенных на территории Западной Сибири, способствовали рационализации пчеловодства.

---

¹ Там же.

² *Гребенщиков Г. Д.* Нахал. С. 49.

³ *Сулимов В. С.* Светское школьное образование Тобольской губ. конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. С. 15.

⁴ РГИА. Ф. 398. Оп. 70. Д. 24 525. С. 72.

⁵ Там же. Л. 9.

Интересным и показательным является опыт Усть-Сосновской показательной пасеки Кузнецкого уезда, заведующим которой был учитель Михаил Васильевич Смитрович. Педагог с весны начинал работать с учениками старшего отделения на пасеке. Он отмечал, что учащихся очень интересовала именно практическая работа, в чем им не было отказа, так как пасека находилась в школьном саду, что было весьма удобно. Однако учитель сокрушался, что при школе не имелось наглядных пособий в виде картин для волшебного фонаря, которые он мог бы демонстрировать не только для учащихся школы, но и для прочей сельской публики. Смитрович в 1909 г. на Томской пчеловодной выставке был награжден бронзовой медалью за труды по распространению практического пчеловодства и за его продукцию¹.

Не менее интересна деятельность Шинявской показательной пасеки Мариинского уезда, заведовал которой учитель Дмитрий Иванович Огневцев. На вальцах этой показательной пасеки большинство пчеловодов уезда готовили искусственную вощину². Шеманаевская показательная пасека в Змеиногорском уезде возглавлялась учителем Терентием Дмитриевичем Копыриным. Педагог отмечал, что среди крестьян много интересующихся рамочными ульями. Многие пчеловоды были довольны теми результатами, которые достигались при применении подобного вида ульев в своей хозяйственной деятельности. При школе педагогом была создана маленькая мастерская по изготовлению и ремонту подобного рода ульев. Однако она не могла обслужить потребности уезда и близлежащих территорий. Учитель отмечает, что местных жителей очень интересовала и работа показательной пасеки, особенно «в праздничные дни перед роевой порой». В эти дни шли «демонстрирования и работы», в процессе которых учитель «других учил и сам учился». Учителю с учащимися удавалось работать лишь немного времени весной или осенью, так как в остальное время дети были заняты в свободное от учебы время домашними делами или трудились на собственных пасеках. Самоотверженная работа учителя на показательной пасеке с целью распространения пчеловодных знаний среди селян была отмечена похвальным листом Министерства земледелия и малой серебряной медалью от Московской всероссийской пчеловодной

---

¹ Дьяков И. Общий обзор пчеловодства. Томск, 1913. С. 12.

² Там же. С. 13.

выставки¹. Подобной медалью была награждена и Тогульская показательная пасека Кузнецкого уезда, которой заведовали учителя местной школы и законоучитель священник М. Красносельский².

Властными структурами, агрономическим персоналом осознавалась положительная роль сельского учительства в деле распространения знаний о пчеловодстве среди крестьян. Так, правительственный агроном Томской губ. в 1905 г. отмечал, что «школьные пасеки при внимательном добросовестном отношении заведующих ими способствуют в значительной степени распространению среди местных крестьян-пчеловодов рациональных знаний по пчеловодству, являясь показательными учреждениями»³. Отметим, что в Томской губ. в 1905 г. подобных пасек было немного, всего 13⁴.

Одним из аспектов в деятельности сельских интеллигентов по распространению инновационных знаний являлось *внедрение в хозяйство западносибирских крестьян сельскохозяйственных машин*. Применение усовершенствованной техники было выгодно, прежде всего, с экономической точки зрения, поскольку требовало меньшего количества рабочих рук и затраченного времени⁵. Намечавшаяся интенсификация сельскохозяйственного производства во многом была объективно обусловлена постепенным сокращением количества пустующих земель, особенно проявившимся в период реализации переселенческой политики в конце XIX – начале XX в.⁶ Передовиками в деле технической модернизации земледельческого хозяйства стали инструкторы по полеводству.

В целях ознакомления населения с усовершенствованными земледельческими машинами, применение которых было желательно в местном крестьянском хозяйстве, инструктора демонстрировали в селениях следующие машины и орудия труда: рядовые сеялки, сортировки Робера, льномялки, молотилки Ланца и Эльвароти, двухкорпусные плуги Эккерта, плуги Сакка, четырехкорпусный запашник Эккерта, культиватор Венцкого, бороны Диринга и лапчатые бороны и т. д. Рядовые же сеялки демонстрировались в

---

¹ Там же. С. 11.

² Там же.

³ РГИА. Ф. 398. Оп. 70. Д. 24 525. Л. 109.

⁴ Там же.

⁵ *Транквилиция И. В.* Указ. соч. С. 15.

⁶ Там же. С. 17.

1911–1912 гг. в 90 крестьянских хозяйствах 37 селений только в одной Томской губ.¹ Правительственный агроном отмечал в своих отчетах, что «демонстрация сеялок, сопровождающаяся распространением информации о рядовом посеве, дала заметные результаты: со стороны крестьянского населения появился спрос на сеялки, покупаемые крестьянами в значительном количестве...»².

Содействие населению по *улучшению посевного материала* оказывалось агрономическим персоналом путем организации постоянных и передвижных зерноочистительных пунктов, оборудованных комплектом машин, состоящих из куклеотборника и сортировки Робера. В двух из 12 постоянных и в 7 передвижных пунктах в 1911–1912 гг. имелись льняные трещотки для очистки льняного семени³. Агрономическая организация Томской губ. впервые приступила к постройке подобного сооружения в 1910 г. в с. Тюменовском и с. Тюхтетском Мариинского уезда. Уже первый опыт дал положительный результат: сушилки работали без перерыва всю зиму, ими пользовалось население не только тех сел, в которых находились зерносушилки, но и окрестных. Сушка зерна шла быстро, обходилось крайне дешево⁴. Именно такому способу обработки зерна и учили инструкторы сельское население.

Немало усилий прилагали для ознакомления с новейшими достижениями в области сельского хозяйства сотрудники Алтайской духовной миссии, результаты деятельности которых стали особенно заметными в начале XX в. Об этом позволяют говорить данные отчета помощника наблюдателя алтайских школ священника Павла Сорокина⁵. Он отмечал, что миссионеры советовали сельским обывателям заводить те или иные сельскохозяйственные машины, вместо тяжелых сох использовать плуги. Алтайцы видели успехи учителя на его участке, охотно перенимали положительный пример.

Отметим, что осознание сельскими жителями необходимости применять на практике современные достижения в области ветеринарии, агрономии и других отраслей сельского хозяйства увеличивало продуктивность крестьянского хозяйства. Например, корреспондент газеты «Жизнь Алтая» сообщал в редакцию, что население Чарышской казачьей станицы Томской губ. в 1911 г., желая предотвратить появление эпизоотии в

---

¹ РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 66. Л. 4.

² Там же. Л. 4–4 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 5 об.

⁵ ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 57. Л. 144–151.

своем селении, воспользовалось для этого всеми доступными ему средствами. Жители станицы «поставили карантин с дымящимся навозом для окуривания проезжающих и воспретили пастухам подгонять их табуны к границам земельных дач соседних селений, где всю прошлую зиму “валился скот”»¹. Однако, судя по материалам источников, частыми были случаи, при которых интеллигенты сталкивались с таким препятствием в деятельности по распространению сельскохозяйственных знаний, как народное суеверие, недоверие селян. Многие крестьяне предпочитали прибегать к помощи знахарей, колдунов, а не сельской интеллигенции. По нашему мнению, это было обусловлено следующими причинами. Малочисленные представители сельской интеллигенции не могли своевременно прийти на помощь нуждающимся в ней крестьянам. Существующие традиции ведения хозяйства также способствовали тому, что крестьяне пытались решить проблемы, возникающие в их хозяйстве, при помощи уже проверенных поколениями способов, в том числе и обращаясь к знахарям.

При исследовании вопроса о распространении сельскохозяйственных знаний представителями западносибирской сельской интеллигенции следует особо отметить, что далеко не все сельские интеллигенты проявляли положительную активность в данном деле. Бывали и такие случаи, когда представители интеллигенции выступали противниками внесения новшеств в сельскохозяйственную практику крестьянства. Например, священник Медяков из с. Лыбаевского Ялуторовского уезда Тобольской губ. говорил прихожанам, что неурожай возникает оттого, что «Бог наказывает людей за то, что они отвыкают трудиться, приобретая различные сельскохозяйственные машины и орудия»².

Историк А. А. Мурашкинцева отмечала, что некоторые священнослужители негативно относились к экспорту масла, видя в этом ущемление своих интересов. Это было связано с тем, что ранее в некоторых селениях существовал сбор масла в пользу причтов. Экспорт же масла привел к прекращению такой практики. Не без влияния священников, по мнению исследовательницы, возникло в Западной Сибири наименование маслоделов и крестьян, приносящих на переработку молоко на маслодельни, «молоканами». Благодаря активности духовенства таковые нередко смешиваются в представлениях селян с последователями религиозной секты с аналогичным названием,

---

¹ *Шатун*. Станица Чарышская Бийского уезда: эпизоотия // *Жизнь Алтая*. 1911. 4 янв.

² *Сибирское обозрение* // *Сибирь*. 1907. 21 авг.

что «не может не смущать умов местного, еще нетвердого во взглядах на маслоделие, крестьянства»¹. Неоднозначно оценивали деятельность кооперативов и волостные писари. В тех случаях, когда этих интеллигентов заниматься кооперативными делами принуждали крестьянские начальники, они оказывали «совершенно отрицательное влияние на общий ход дела»².

Итак, сельские интеллигенты Западной Сибири распространяли сельскохозяйственные знания среди крестьянского населения, как в ходе своей профессиональной деятельности, так и в процессе общественной активности. На основе проанализированных источников и исследовательской литературы мы пришли к выводу, что интеллигенты распространяли сельскохозяйственные знания при помощи проведения чтений, лекций и бесед с крестьянами по данному вопросу. Кроме того, многие знания крестьяне могли усвоить, непосредственно наблюдая за деятельностью сельских интеллигентов и ее результатами на пасеках, опытных участках, огородах. В некоторых же случаях сельские интеллигенты были бессильны самостоятельно убедить крестьяне в необходимости применения тех или иных знаний на практике, что вынуждало их прибегать к помощи властных структур (например, при организации скотомогильников).

В целом же мы не можем сказать, что деятельность сельской интеллигенции, несмотря на достигнутые успехи, имела решающее значение для распространения сельскохозяйственных знаний в Западной Сибири изучаемого периода, что применение на практике этих знаний реально способствовало быстрым положительным изменениям в области сельского хозяйства. В данном случае следует говорить о создании предпосылок для тех перемен, способствующих успешной хозяйственной деятельности крестьян в сельской местности, которые произойдут в более позднее время.

Подводя итоги параграфа, отметим, что сельская интеллигенция, согласно теории модернизации в варианте, предложенном И. В. Побережниковым, являлась тем социальным актором, который обладал «возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства». Однако модернизационный процесс носил взаимообратный характер. В данном случае уместно говорить о том, что интеллигенция являлась не только инициатором преобразований в аграрном секторе экономики

---

¹ Мурашкинцова А. А. Указ. соч. С. 13.

² Там же.

деревни Западной Сибири, но и выстраивала рациональные стратегии своего поведения, чтобы ответить на своеобразный вызов модернизационных процессов.

2.3. Внутригрупповые взаимоотношения сельской интеллигенции

В контексте исследования любой социальной группы актуальным является вопрос о том, как она себя позиционирует, строит внутригрупповое взаимодействие, презентует при общении с представителями других общественных слоев. Изучение же отношений, которые складываются внутри отдельной общности, с другими группами, позволяет выявить их общие интересы, определить ценности, приоритеты в профессиональной и общественной деятельности, дает возможность говорить о наличии или отсутствии идентичности у ее членов.

Важным в рамках данного параграфа является понятие «взаимоотношения», заимствованное нами у исследовательницы А. Г. Рузской. *Взаимоотношения* – субъективно переживаемые связи и отношения между людьми. Это система межличностных установок, ориентаций, ожиданий, определяемых содержанием совместной деятельности людей и их общения. Взаимоотношения складываются в рамках взаимодействия людей, а затем оказывают влияние на эффективность совместного труда и характер протекания, интенсивность процесса общения. Взаимоотношения характеризуются избирательностью и нередко ярко эмоционально окрашены: человек предпочитает одних людей, равнодушен к другим, не принимает третьих¹.

Отметим, что межличностные отношения могут сопровождаться не только положительными эмоциями и продуктивной совместной деятельностью, но и конфликтами. На сегодняшний день существует множество трактовок понятия «конфликт». Считаем, что для нашего исследования продуктивно применить следующее определение. Конфликт – это процесс, в котором субъекты активно ищут возможность помешать друг другу в достижении определенной цели, предотвратить возможность удовлетворения интересов соперника или изменить его взгляды, социальные позиции, достигая при этом реализа-

---

¹ Рузская А. Г. Взаимоотношения [Электронный ресурс] // Социальная психология: словарь. URL: <http://slovari.yandex.ru/взаимоотношение/Социальная%20психология/Взаимоотношения> (дата обращения: 29.04.2014).

ции своих интересов¹. Конфликтные ситуации возникают тогда, когда поведение противоположной стороны воспринимается как не соответствующее представлениям о справедливости, не соответствует сложившимся у человека представлениям о должном, а если рассматривать шире – не соответствует ранее построенной картине мира². Существует множество типологий конфликтов. Рассматривая конфликты в зависимости от их предмета, польский социолог Я. Штумски выделил следующие типы: экономические (они связаны с разделением труда и возникающими на этой основе различиями между людьми в материальной и социальной сферах), социальные (они возникают между отдельными слоями общества, в них задействованы не только экономические, но и социальные интересы, например, соображения престижа), идеологические (предмет таковых – идеологические ценности, лежащие в основе воззрений определенной социальной группы), культурные (соприкосновения людей, представляющих различные культуры, отличающиеся идеалами и стилем жизни), позиционные (возникают вследствие противоположности интересов социальных групп или отдельных личностей, занимающих разное положение в структуре организационных отношений), аксиологические (столкновение противоположных ценностей и целей, реализуемых отдельными общественными группами), классовые (в этих конфликтах находят свое отражение различные классовые интересы), политические конфликты³. Применительно к объекту нашего исследования, судя по имеющемуся источниковому массиву, наиболее распространенными были первые четыре вида конфликтов.

С нашей точки зрения, конфликты дают возможность группе сравнить себя с другими сообществами и тем самым сформировать свое позитивное или негативное отношение к своей группе. В результате происходит переоценка своих ценностей, которая приводит к тому, что человек сохраняет свою принадлежность к прежней группе, либо начинает искать релевантную для себя группу.

Рассмотрим, каким образом выстраивались профессиональные отношения между интеллигентами. Профессиональная деятельность сельских интеллигентов в Западной Сибири предполагала наличие иерархии, обусловленной должностными обязанностями.

---

¹ Рыжов О. А., Ларченков В. В. Управление социальным конфликтом // Политология. 2012. № 5. С. 114–115.

² Аллавердова О. В. Изменение картины мира в конфликте [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/download/77974831.pdf> (дата обращения: 09.05.2014).

³ Леонов Н. И. Конфликтология: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2006. С. 46–49.

В церковноприходских школах отношения интеллигентов регулировались «Правилами о церковноприходских школах», изданными в 1884 г. Обучение в школе должны были осуществлять местные *священники* «или другие, по соглашению, члены причта, а равно особо назначаемые для того, с утверждения епархиального архиерея, учителя и учительницы, под наблюдением священника». Наставление в правилах веры и преподавание Закона Божия являлись обязанностями священника. Если в составе причта имелся дьякон, то преподавание Закона Божия могло быть предоставлено ему. С разрешения епархиального архиерея преподавание этой дисциплины могло быть предоставлено членам клира или учителю. Законоучительские должности замещались лицами, получившими образование в духовных учебных заведениях и женских училищах Духовного ведомства. Заведывание церковноприходскими школами возлагалось чаще всего на священников¹. Таким образом, педагоги находились в подчинении у священника, который заведовал приходской школой.

«Правила о школах грамоты» были утверждены 4 мая 1891 г. Школы грамоты находились в ведении и под наблюдением духовного начальства. Попечение о школах грамоты в приходах и руководство ими возлагалось на местных священников². 4 марта 1885 г. в циркулярном указе Синода было установлено, что прохождение дьяконского служения, являясь естественной подготовкой к священству, должно было соединяться по возможности с обязанностями законоучителя и учителя в начальных школах³. Следовательно, преподавать в школах грамоты должны были священники, дьяконы и другие члены причта, а также «светские учителя, избираемые из лиц православного вероисповедания, благочестивой жизни и знакомые с предметами начального обучения». Возможность выбора учителя для преподавания в школах грамоты представлялась учредителям училища, но при условии, что кандидат был одобрен приходским священником⁴.

На священника возлагалась обязанность наблюдать за образовательным процессом в школе, делая соответствующие пометки в классной книге. При посещении школы грамоты священник проверял, насколько хорошо учащиеся усвоили изучаемый матери-

---

¹ Высочайше утвержденные правила о церковноприходских школах // ПСЗ-III. 1887. Т. 4, № 2318. С. 373–374.

² Там же.

³ Определение Святейшего Синода // ТЕВ. 1886. № 10. Ч. офиц. С. 1.

⁴ Высочайше утвержденные правила о школах грамоты // ПСЗ-III. 1894. Т. 11, № 7665. С. 236.

ал, и наблюдал за тем, как преподает учитель, ведет беседы с детьми по Закону Божьему. Народные чтения должны были проходить под руководством пастыря¹.

Отметим, что значение приходского священника для существования народного училища признавалось церковными властями важным фактом, независимо от того, состоял ли он законоучителем или нет. Учитель не имел права «считать себя наблюдателем в каком бы то ни было виде или форме за исполнением священником его обязанностей по преподаванию Закона Божия». Распределение часов для преподавания Закона Божия в недельном расписании уроков определялось самим священником. Учитель обязан был подавать пример ученикам в оказании священнику почета и уважения, как в школе, так и за ее пределами². Если со стороны священника наблюдалось невнимание к школе, учитель должен был сообщать об этом инспектору училищ для соответственных распоряжений епархиальных властей³.

Между интеллигентами, работавшим в школах Министерства народного просвещения, профессиональные взаимоотношения складывались следующим образом. В томе 11 Свода законов Российской империи под номером № 3425 указано, что министерство имело право открывать в регионах, в которых не было введено земство, одноклассные и двухклассные приходские училища⁴. В законе № 3428 отмечено, что устраивать подобные школы можно было повсеместно, если на это имелись средства. В самом селении, где планировалось открытие школы, или в соседнем селе должен был проживать священник, на которого возложили бы обязанность преподавать Закон Божий. В примечании к статье закона отмечалось, что в сельских училищах Томской губ., в которых по каким-либо причинам преподавание Закона Божьего не могло быть возложено на священнослужителя, преподавать его должен был школьный учитель. За работой педагога в таком случае необходимо было вести пристальное наблюдение через благочинных или же специально для этого назначенных духовных лиц⁵.

---

¹ Там же. С. 237–238.

² *Воронцов-Вельяминов Н. П.* План занятий церковнославянским языком в начальных народных училищах // ТЕР. 1886. № 11. Ч. офиц. С. 21.

³ Там же. С. 22.

⁴ Об учебных заведениях ведомства Министерства просвещения // СЗРИ. [1913]. Т. 11, ч. 2, № 3425. С. 296.

⁵ Там же.

Образовательные учреждения находились в подчинении у директоров и инспекторов народных училищ¹. Законодательно было установлено, что в сельской местности всей учебной частью заведовал учитель. В тех случаях, когда в школе преподавали несколько учителей, в зависимости от решения властей старший учитель заведовал всей учебной частью в образовательном учреждении. Надзор за училищем поручался благочинному священнику, в ведомстве которого находился приход. За порядком в сельских и волостных училищах наблюдал сельский староста или волостной старшина, в зависимости от принадлежности учреждения².

По закону № 3433 благочинный не обладал правом делать распоряжения по школьным делам. Ему предоставлялась возможность, заметив упущение или беспорядок в школе, обращать на них внимание учителя и уведомлять об этом уездных смотрителей³.

В начальных училищах Министерства народного просвещения наблюдение за преподаванием Закона Божьего и религиозно-нравственным направлением обучения в начальных народных училищах возлагалось на местного епархиального архиерея. Архиерей свои соображения и замечания адресовал непосредственно министру народного просвещения⁴. Закон Божий должен был преподавать в начальных народных училищах приходской священник или законоучитель, который утверждался епархиальным начальством по рекомендации инспектора народных училищ⁵. Прочие предметы могли преподавать, с разрешения инспектора народных училищ, как духовные, так и светские лица. О работе и тех и других инспектор сообщал уездному училищному совету⁶.

Профессиональные взаимоотношения в среде *духовенства* складывались следующим образом. Указом духовной консистории от 4 марта 1885 г. было определено, что в приходах, в которых существует два штата, и, соответственно, присутствует два священника, один из них является старшим, а другой – младшим священнослужителем. Первый при таких обстоятельствах обладал правом первенства при богослужении,

---

¹ Там же.

² Там же. Ч. 1, № 3432. С. 297.

³ Там же. № 3433. С. 297.

⁴ Там же. № 3485. С. 301.

⁵ Там же. № 3484. С. 301.

⁶ Там же. № 3486. С. 301.

следил за порядком отправления богослужения, а также осуществлял надзор за церковным письмоводством и хозяйством¹.

Священник считался духовным отцом и управителем вверенного ему прихода, за который он «обязан дать ответ перед Богом и перед своим епархиальным епископом»². Священнику подчинялись дьяконы и псаломщики. Священнослужитель обязан был наблюдать, чтобы последние добросовестно исполняли свои обязанности. В случае необходимости священник мог делать членам причта «замечания, внушения и выговоры, но не вправе уволить их от службы»³. В случаях, когда возникали конфликты между священником и членами причта, об инциденте доносили епископу. Епископ через благочинного или другого священника узнавал подробности инцидента и принимал решения, исходя из выясненных данных⁴. В случае аморального поведения псаломщика священник мог его уволить с согласия общины, о чем доносилось епископу⁵.

Нами установлено, что взаимоотношения дьяконов и псаломщиков в профессиональной сфере не ограничивались совместным участием в богослужении. Святейший Синод 6 сентября 1889 г. в целях облегчения труда дьяконов по письмоводству с тем, чтобы дать им возможность присутствовать при всех тех требах и службах в церкви, где требовалось их участие, рекомендовал распределить обязанности по письмоводству между дьяконом и псаломщиком «сообразно своим силам и получаемому содержанию», а также так, чтобы это не мешало обоим принимать участие в церковных службах. Если псаломщик оказывался неспособным справляться с письмоводством, он мог нанять постороннее лицо, труд которого оплачивал сам псаломщик⁶.

Штатный дьякон должен был ежедневно присутствовать при всех службах, «служить литургию с приготовлением, равно участвовать при всех требах, в которых требуется участие в них, равно не должен отказываться от них за отсутствием или болезнью... псаломщика, в дни же Великого поста, равно и в седмичные дни, когда на клиросе читает и поет один псаломщик», с разрешения служащего священника или по

---

¹ Приложение к журналам Томского епархиального съезда депутатов духовенства, бывшего в январе 1887 г. // ТЕВ. 1888. № 12. Ч. офиц. С. 6.

² Руководство для священнослужителей... С. 12.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Руководство для священнослужителей... С. 16.

⁶ От Томской духовной консистории // ТЕВ. 1891. № 16. Ч. офиц. С. 15.

его распоряжению должен был становиться на клирос и помогать псаломщику в чтении и пении¹.

В Уставе духовных консисторий в ст. 79 отмечено, что заштатные священники и причетники оставались в ведомстве епархиального начальства и контролировались им. По возможности заштатным назначалось местопребывание, по которому они приписывались к приходской церкви, и затем их фиксировали во всех благочинных ведомостях. Заштатные священнослужители могли в случае необходимости совершать священнослужение в приходской церкви – с согласия местного священника и при условии, что им не было запрещено совершать священнослужение².

Взаимоотношения между интеллигентами в составе духовной миссии складывались следующим образом. Во главе миссии состоял начальник, которому подчинялись все члены миссии. По штатам в каждом отделении миссии устанавливалось определенное количество лиц духовного звания. В некоторые отделения назначались не только священники, но и дьяконы, псаломщики³. В школах миссии учителя подчинялись миссионерам. Педагоги преподавали в школах Закон Божий, оказывали помощь духовенству во время богослужения⁴, в деле внецерковного просвещения⁵. Иногда миссионеры направляли учителей «служить говеющим», устраивать беседы на религиозные темы⁶. В состав миссии входили медицинские работники – фельдшеры и фельдшерицы, которые вместе с миссионерами объезжали селения «инородцев» и оказывали необходимую медицинскую помощь⁷.

Рассмотрим профессиональные отношения *ветеринарных и медицинских работников*, регламентировавшиеся Уставом врачебным. В губерниях Тобольской и Томской ветеринарная и врачебная часть находились в ведении общего присутствия Губернского управления при участии в их составе в качестве членов губернского врачебного инспектора и губернского ветеринарного инспектора, а также врачебного отделения канцелярии губерnskих управлений и губерnskих ветеринарных инспекторов, по принадлежно-

---

¹ Там же. С. 16.

² Устав духовных консисторий. СПб., 1900. С. 30.

³ Ландышев С. Сведения об Алтайской духовной миссии за шесть лет (с августа 1856 по август 1862 г.). М., 1863. С. 15, 25.

⁴ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 40.

⁵ Алтайская миссия в 1905 г. // Православный благовестник. 1906. № 7. С. 299.

⁶ Там же. № 8. С. 345.

⁷ Мстиславский П., протоиерей. Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества // ТЕВ. 1913. № 8/9. С. 436.

сти¹. В Губернское управление входили врачебный инспектор и два его помощника, фармацевт². Инспектор контролировал ветеринарную часть региона³.

Губернскому врачебному управлению подчинялись все медицинские чины губернии⁴. Врачебный инспектор должен был объезжать все больничные заведения региона. Отчет о поездке представлялся рапортом в МВД. Врачебный инспектор обследовал состояние врачебной и хозяйственной части лечебниц и контролировал условия хранения лекарств, хирургических инструментов, а также деятельность медиков. Распоряжения, выговоры и одобрения, сделанные инспектором при осмотре лечебниц, заносились в журнал, копии которого отправлялись в Управление главного врачебного инспектора⁵.

Дела по управлению врачебной частью в Акмолинской обл. ведались Областным правлением и областным врачебным инспектором⁶. Ветеринарной частью заведовал областной ветеринарный инспектор. В области имелись ветеринары, а при них фельдшеры. В целом на область распространялись такие же правила, что и на Тобольскую и Томскую губернии⁷.

Каждая губерния и область Сибири должна была иметь медицинских уездных или участковых врачей и фельдшеров, а также ветеринарных врачей и фельдшеров, численность которых определялась штатным расписанием⁸. В многолюдном Ишимском уезде Тобольской губ. были назначены два уездных врача. Распределение обязанностей между ними устанавливалось губернским врачебным инспектором, а затем подтверждалось губернатором⁹. В Акмолинской обл. и Томской губ. уезды подразделялись во врачебном отношении на участки, в которых состояли врачи, фельдшеры и фельдшерицы-акушерки, врачи для командировок¹⁰.

Ветеринарный надзор в Акмолинской обл. и Томской губ. осуществляли уездные ветеринары и фельдшеры¹¹.

---

¹ Устав врачебный // СЗРИ. [1857]. Т. 13, № 116. С. 189.

² Там же. № 117. С. 189.

³ Там же. № 120. С. 189.

⁴ Там же. № 5–6. С. 177.

⁵ Там же. № 32–33. С. 180.

⁶ Там же. № 156. С. 194.

⁷ Там же. № 160. С. 195.

⁸ Там же. № 128. С. 191.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. № 209. С. 200.

¹¹ Там же. № 219. С. 202.

Профессиональные отношения *агрономического персонала* складывались следующим образом. В губерниях ответственным за сельскохозяйственные улучшения перед правительством был губернский агроном. Среди прочих обязанностей ему следовало контролировать работу низших членов агрономической организации, подведомственных Министерству земледелия и государственных имуществ¹. Инструкторы сельского хозяйства были доверенными лицами агронома в определенной сфере хозяйства². Правительственные специалисты делились на четыре разряда: старший специалист, младший специалист, старший инструктор и младший инструктор³. В 1911 г. в агрономической службе региона появляется должность специалиста по животноводству⁴.

Взаимоотношения между *волостными и сельскими писарями* возникали в результате необходимости оформления разного рода официальных документов и отчетов, по проблемам раскладки подати в сельской местности, по вопросам доставления нужных сведений в волостное правление и т. д.⁵ Кроме того, нередко волостные писари принимали активное участие в назначении на вакантные должности сельских писарей тех людей, с которыми им было бы комфортно работать⁶.

Взаимоотношение сельских интеллигентов на профессиональной почве внутри своей локальной группы, а также внутри корпорации были связаны с деятельностью съездов – ветеринарных, педагогических, медицинских, агрономических. Собирались для решения вопросов и духовенство, писари.

Пожалуй, самые интенсивные взаимодействия в рамках своей профессиональной корпорации осуществляли *педагоги*. Исследовательница О. В. Блинова констатирует: «Неотъемлемой составляющей жизни учителя были педагогические курсы и съезды. В их задачи входило как повышение профессиональных навыков педагога, так и поддержание его интеллектуального уровня»⁷. Отметим, что проведение педагогических курсов в России началось с 1869 г., «когда еще никаких положений о них не было»⁸. Совещания, собрания и конференции учителей «иностранческих» школ эпизодически

¹ Окулич И. К. Указатель маслодельных заводов Западной Сибири в 1902 г. Томск, 1903. С. 5.

² Агрономическая помощь в России / под ред. В. В. Морачевского. СПб., 1914. С. 135.

³ РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 65.

⁴ Обзор деятельности Главного управления землеустройства и земледелия за 1907 и 1908 гг. СПб., 1914. С. 314.

⁵ Бакиева Г. Т. Волостное управление у сибирских татар...

⁶ Гильденберг В. Н. Указ. соч.

⁷ Блинова О. В. Социокультурный облик учительства в Западной Сибири в 1880–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010. С. 183.

⁸ Объявления // ВО. 1899. 4 марта.

созывались директорами и инспекторами народных училищ¹. Только с 1899 г., когда была введена должность инспектора начальных училищ, подобные собрания учителей стали созываться регулярно². Дело в том, что на сборах обязательно должен был присутствовать инспектор. Популярными были и педагогические курсы, устраиваемые как духовными, так и светскими властями. Приведем существенные, на наш взгляд, моменты из истории работы таких сборов, характеризующие отношение педагогов к ним, их значение в жизни учителей.

В журнале «Вестник воспитания» отмечалось, что сельские педагоги Сибири не имели возможности часто встречаться, жили преимущественно обособленно друг от друга: «Чтобы достать книгу – не говоря о периодических изданиях – приходится ехать за сотни верст»³. По этой причине важная роль в жизни преподавателей отводилась деятельности педагогических съездов, курсов, на которых учителя могли пообщаться, обменяться опытом. Источники свидетельствуют о том, что на территории Западной Сибири подобные мероприятия организовывались неоднократно и пользовались спросом в педагогической среде⁴. В журнале «Русская школа» в 1903 г. отмечено, что такие мероприятия «высоко оцениваются учителями... как возможность пообщаться с коллегами, струя свежего воздуха для сельского учителя»⁵.

Важным событием для истории съездов учителей Сибири стал съезд 2–6 января 1906 г., прошедший в Томске. Он вызвал большой интерес, что вдохновило его участников подготовить Всесибирский съезд в Томске в августе того же года⁶.

В исследуемое нами время организовывались съезды и для учителей церковного ведомства. Так, в 1891 г. в Тобольской епархии таких съездов было два – в Таре и Кургане. В июне 1891 г. в Тару съехалось более 20 учителей и учительниц церковных школ Тарского и Тюкалинского округов. На съезде присутствовало и несколько учителей городских школ⁷. Учитель образцовой школы при Тобольской семинарии отметил, что

---

¹ Съезды народных учителей // Сиб. жизнь. 1899. 6 июня.

² Об учреждении в Тобольской и Томской губерниях должностей инспекторов народных училищ // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1903. Т. 16. С. 637–652.

³ Хроника // Вестник воспитания. 1897. № 8. С. 113.

⁴ Учитель. Письмо в редакцию // ВО. 1900. 25 янв.

⁵ Вахтерова Э. Умственные запросы народного учителя и их удовлетворение: (окончание) // Русская школа. 1903. № 2. С. 128.

⁶ А-в [Адрианов А. В.] Учительские организации в Сибири // Сиб. вопросы. 1907. № 3. С. 9.

⁷ Н. Г. Педагогические съезды в Тобольской епархии в 1891 г. // ТобЕВ. 1891. № 23/24. Ч. неофиц. С. 520.

съезды важны для повышения профессионализма педагогов¹. Съезд работал с 16 июня по 1 июля. В Кургане в этом же году с 7 по 28 августа состоялся еще один съезд учителей школ духовного ведомства. На съездах учителей знакомили с методикой преподавания, правилами хорового пения.

Летние педагогические курсы также сопровождались положительными отзывами учительской общественности. В стране подобные мероприятия впервые были устроены в 1860-х гг. В августе 1875 г. были изданы Правила о краткосрочных педагогических курсах, дававшие возможность устраивать съезды народных учителей с совещательным характером². Наибольшее количество собраний произошло в период с 1890-х гг. до начала военных событий в 1904 г. В это время в стране усилилась деятельность по просвещению народа. В 1904–1905 гг. курсы почти нигде не устраивались. Е. А. Звягинцев объясняет это тем, что учебное ведомство увидело несоответствие общеобразовательных курсов Правилам 1875 г., а отчасти и тем, что в этот период в стране замирает деятельность общественных учреждений в сфере народного образования. Новый виток в организации курсов начался после того, как летом 1907 г. в Москве были организованы систематические лекции для учителей, преимущественно провинциальных. После этого учительские курсы начинают вновь организовываться и в других регионах страны³

Собрания западносибирских учителей в большинстве случаев проходили в уездных или губернских городах – Томске, Ишиме, Омске и др.⁴ В 1897 г. были устроены курсы для учителей по медицине в Тобольске; в 1909–1910 гг. – по садоводству и пчеловодству в Тюмени и ряд краткосрочных курсов; в 1910–1913 гг. – в Кургане и Ишиме, посвященные педагогическим вопросам⁵. В Томской губ. в организации курсов принимали участие не только губернская и учебная администрация, но и местное общество⁶. Однако данные источников не позволяют говорить о том, что подобные формы взаимодействия педагогов носили систематический характер.

---

¹ Там же. С. 521.

² Вопросы и нужды учительства: сб. ст. и справок / ред. Е. А. Звягинцев. М., 1909. Т. 1. С. 19.

³ Там же. С. 19–20.

⁴ Блинова О. В. Социокультурный облик учительства в Западной Сибири в 1880–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010. С. 187.

⁵ Плехова Ю. В. Учительство Тобольской губ. на рубеже XIX–XX вв. // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2004. С. 264; Сулимов В. С. Чувства добрые пробуждать... С. 30, 32.

⁶ Блинова О. В. Социокультурный облик учительства в Западной Сибири в 1880–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010. С. 185.

Отметим, что взаимодействие педагогов школ духовного ведомства отличалось от общения «министерских» учителей тем, что для них регулярно устраивались всевозможные образовательные курсы, собрания. О. В. Блинова объясняет это тем, что недостаток квалифицированных кадров, служивших в церковноприходских школах, компенсировался слушателями краткосрочных летних курсов¹. Целью курсов, помимо подготовки педагогических кадров в сжатые сроки, было объединение учителей духовного ведомства, формирование у них мировосприятия и самооценки, соответствующих духу церкви. И. К. Чувашева, которая приняла участие в работе педагогических курсов, вспоминала: «Прямо-таки новую жизнь вдохнули они, научили не только как учить детей, но и как воспитывать»².

Курсы для педагогов школ духовного ведомства были устроены в 1889 г. в г. Ялуторовске Тобольской губ., в 1890 г. в Тюмени, в 1891 г. в Таре и 1895 г. в Туринске. В Бийске при миссионерском катехизаторском училище педагогические курсы проводились ежегодно³.

Ветеринарные кадры были активны в устройстве собраний и съездов. В рамках профессионального взаимоотношения подобные мероприятия в Сибири закрепились на рубеже XIX–XX вв. Первый съезд ветеринарных врачей Западной Сибири состоялся в 1899 г. В программу заседаний съезда входили вопросы, затрагивающие многие стороны организации и функционирования ветеринарного дела в Западно-Сибирском крае⁴. Активное участие в их работе принимали и представители сельского ветеринарно-фельдшерского персонала⁵. Принимались коллективные решения и по узкоспециальным вопросам. Так, в 1909 г. в Омске состоялось собрание, на котором представители ветеринарного сообщества поднимали вопрос о трудностях противочумной вакцинации⁶.

Характер взаимоотношения *медицинских врачей* друг с другом, с младшими коллегами во многом был определен той культурой, которая присутствовала в учебных заведениях, в которых они получали профессиональную квалификацию. Исследователь-

---

¹ Там же. С. 185.

² Чувашева И. К. Слава Богу за всё: воспоминания деревенской учительницы. Новосибирск, 2008. С. 22.

³ Маляревский Г. Я. Очерк истории... С. 84; Михайловский М. Временные педагогические курсы учителей школ грамоты Томской епархии летом текущего года // Сиб. жизнь. 1901. 21 апр.

⁴ Донченко А. С., Осташко Т. Н., Самоловова Т. Н. Указ. соч. С. 61.

⁵ Там же. С. 61–63.

⁶ Там же. С. 63.

ница К. А. Семёнова отметила, что у выпускников Томского университета черты корпоративной культуры проявлялись во внешнем виде, чувстве ответственности за свои действия, в стремлении к саморазвитию¹. Так как сельские врачебные кадры пополнялись, в том числе, и из выпускников Томского университета, можно предположить, что специфика взаимоотношения сельских интеллигентов была аналогичной.

Говоря об отношениях медиков в масштабе Российской империи, современный исследователь из Великобритании А. Vyford отмечает, что они, как и другие члены профессиональных и научных элит России конца имперской эпохи, были знакомы с передовыми западными научными идеями и клиническими достижениями. В связи с этим врачи были заинтересованы в создании автономной профессиональной ассоциации, наподобие тех, что существовали в это время на Западе². Несомненно, такие идеи способствовали возникновению корпоративного духа, сплочению врачей.

Обратим внимание на то, что врачебное сообщество Сибири также считало, что съезды и собрания должны играть важную роль в жизни их профессионального сообщества. Они считали, что на съездах должны выясняться наиболее важные вопросы³. На страницах «Сибирских врачебных ведомостей» содержатся сведения о работе первых поурездных съездов сельских врачей Тобольской губ.⁴ С 20 января по 4 февраля 1911 г. проходил съезд врачей Тобольской губ., на котором были озвучены «вопросы сельской врачебной части». Однако на съезд не были приглашены фельдшеры⁵. Большинство врачей, бывших на этом съезде, признало ненужным участие делегатов от фельдшеров и на будущих съездах⁶, что, на наш взгляд, свидетельствует о существовании многообразных форм взаимоотношений в рамках корпорации сельских медицинских работников.

Сохранились сведения о том, что представители *агрономического персонала* также организовывали съезды. На такие съезды общественность возлагала большие надежды, ожидая разрешения наиболее важных вопросов, которые существовали в аграрном земледельческом секторе Западной Сибири⁷. Съезд агрономов Сибири состоялся в 1911 г.

---

¹ Семёнова К. А. Здоровье г. Томска в историческом развитии (начало 1860-х – 1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. С. 98.

² Vyford A. Op. cit.

³ Е-в С. Врачебная помощь в деревне // Сиб. вопросы. 1909. № 9. С. 38.

⁴ Программа работ и докладов сельских врачей Тобольской губ. // Сиб. врачебные ведомости. 1904. № 2. С. 28–29.

⁵ Тобольский губернский съезд врачей // Сиб. вопросы. 1911. № 9/10. С. 26–42.

⁶ Там же. С. 29.

⁷ Сибирские письма // Сиб. вопросы. 1911. № 11. С. 32.

Однако, судя по данным источников, «совещания и съезды главным образом обсуждали каталоги сельскохозяйственных мероприятий»¹. Участники съезда признали, что панацеей при решении многих проблем, в том числе связанных с профессиональными взаимоотношениями сельского агрономического персонала, призваны стать земства². В каждой губернии имелся правительственный агроном, который являлся руководителем всей агрономической организации. Младшие специалисты формально были подчинены губернскому агроному, а фактически действовали почти самостоятельно, что создавало неопределенность отношений всех этих чинов. Это порождало «личные столкновения и служебные трения, вредно отражающиеся на деле»³.

Устраивались собрания и представителей *духовенства* Тобольской, Томской и Омской епархий⁴. Так, на собрании 1906 г. в Тобольской епархии присутствовавшие на нем лица духовного звания обсуждали вопросы материального обеспечения пастырей, их профессиональной деятельности. Собравшиеся отметили, что подобные встречи желательны, но «к прискорбию оказываются... обременительными для причтов за дальностью и разбросанностью приходо́в»: церковнослужители терпят издержки на проезд⁵. На съезде пастырей Томской епархии в 1914 г. отмечалось, что собрание дает возможность представителям *духовенства* обмениваться мнениями, решать профессиональные вопросы. Однако «страшная дороговизна этих съездов» не позволяла организовывать подобные мероприятия регулярно, что вызывало сожаления церковнослужителей⁶.

Сохранились сведения о съезде *духовенства* Омской епархии в 1899 г.⁷ Известно также и о собрании сельского *духовенства* Омской епархии в 1908 г. По мнению автора

---

¹ Из сельскохозяйственной хроники Сибири // Сиб. вопросы. 1911. № 26/27. С. 27.

² Сибирские письма // Сиб. вопросы. 1911. № 11. С. 32.

³ М. Я. По поводу Съезда деятелей по молочному хозяйству // Сиб. вопросы. 1910. № 8/9. С. 26.

⁴ *Антоний, епископ*. Протокол Пастырского собрания причтов 2-го благочиния Тобольской епархии и уезда, состоявшегося в с. Демьянском 20 марта 1906 г. // ТобЕВ. 1906. № 8. Ч. офиц. С. 84–86; *Волосатовский Д., священник*. В пастырских собраниях сельского *духовенства* // Омские епархиальные ведомости. 1908. № 7. Ч. неофиц. С. 37; Журналы Общеeparхиального съезда *духовенства* и церковных старост Томской епархии, бывшего в июне месяце 1911 г. Томск, 1913; Журналы Съезда *духовенства* и церковных старост Томской епархии. Томск, 1914.

⁵ *Антоний, епископ*. Протокол Пастырского собрания... С. 85.

⁶ Его преосвященству, преосвященнейшему Мефодию Томскому и Алтайскому: доклад // Журналы Съезда *духовенства* и церковных старост Томской епархии. Томск, 1914. С. 133–134.

⁷ Журналы Съезда отцов депутатов от *духовенства* Омской епархии, происходившего в 1899 г. в г. Омске Акмолинской обл. Омск, 1899.

заметки в «Епархиальных ведомостях», священника Д. Волосатовского, собрания омского духовенства в большинстве своем носили формальный характер¹.

Организовывались и ежегодные съезды духовенства, служащих в отделениях Алтайской духовной миссии. Миссионер М. В. Чевалков в своем автобиографическом сочинении отметил, что каждый год в январе месяце ездил в Улалу на общее собрание миссионеров². В записках миссионера Кебезенского отделения Алтайской духовной миссии священника С. Ивановского повествуется о подобном собрании церковнослужителей в 1890 г. Священник отмечает, что большой вклад в организацию мероприятия внес епископ Макарий (Невский). На съезде ощущался «дух братства и любви, соединяющий всех миссионеров в одну семью»³. На собрании зачитывались записки и заслушивались рассказы миссионеров об их деятельности, о состоянии подведомственных им церквей. На этом мероприятии обращались и к минувшим временам, «в которых “находили и урок, и назидание”»⁴.

Обратим внимание на то, что для священнослужителей Алтайской духовной миссии подобные собрания были привычными и вызывали положительные отклики. Дело в том, что среди сотрудников миссии существовал обычай: ежегодно 19 января, в день блаженной памяти первооснователя миссии Макария (Глухарёва), все миссионеры, а некоторые и с младшими членами причта, собирались в одном из станов. Цель собрания – дать отчет о своем служении, поведать друг другу, что «сотворил Господь руками их среди язычников или христиан». Обсудить свои скорби, нужды, недоразумения, «получить в них облегчение, разрешение и удовлетворение, помолиться об упокоении души о. Макария, его сподвижников и преемников», испросить благословление с молитвой за всех новых и старых христиан, благотворителей миссии⁵.

Священнослужители региона принимали участие и в съездах для лиц духовного звания, имевших государственный масштаб. Так, в 1910 г. в Санкт-Петербурге на

---

¹ Волосатовский Д., священник. В пастырских собраниях... С. 37.

² Чевалков М. В. Памятное завещание: автобиография миссионера АДМ. М., 1894. С. 84.

³ Ивановский С., священник. Записки миссионера Кебезенского отделения АДМ // ТЕВ. 1891. № 18. Ч. неофиц. С. 7.

⁴ Там же.

⁵ Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях за 1887 г.: Алтайская миссия // ТЕВ. 1888. № 6. Ч. неофиц. С. 7.

Всероссийском съезде по борьбе с пьянством выступал с докладом священник из Байдарской волости Тобольской губ. Николай Булдыгин¹.

Рассмотрим корпоративные взаимоотношения другой группы сельской интеллигенции – *волостных и сельских писарей*. В 1902 г. в Ялуторском уезде Тобольской губ. зарождалось Общество взаимопомощи волостных писарей, к которому сочувственно отнесся крестьянский начальник Чарыков. Его уход с должности отрицательно сказался на этом начинании². Зафиксировано, что в 1914 г. писари Томской губ. обратились к съезду крестьянских начальников с ходатайством о разрешении организовать общество волостных писарей. В представленном проекте устава говорилось о том, что цель общества – распространение между товарищами специальных знаний, материальная и моральная поддержка, призрение и выдача ссуд и пособий. Планировалось открыть школу для подготовки волостных писарей, библиотеку и лечебницу³. К сожалению, о дальнейшей судьбе прошения нет сведений.

Приведенные выше примеры свидетельствуют, что решения съездов, общественных организаций интеллигенции Сибири носили преимущественно теоретический характер. Решения, принимаемые на них, в большинстве случаев, по мнению современников и самих интеллигентов, не только не были воплощены на практике, но и не оказали значительного влияния на разрешения проблем в области образования, сельского хозяйства, медицины.

Отношения сельских интеллигентов строились и в рамках деятельности *обществ взаимопомощи*, целью которой являлось оказание материальной поддержки нуждающимся ее членам. Рассмотрим примеры. Общества взаимопомощи создавались сельскими педагогами. Они существовали практически на всей исследуемой нами территории. Известно о деятельности Акмолинского, Барнаульского, Тобольского и Томского обществ взаимопомощи учащихся⁴. Однако их деятельность была, судя по материалам

---

¹ К. П. Всероссийский съезд по борьбе с пьянством и выступление на нем священника Тобольской епархии о. Николая Булдыгина // ТобЕВ. 1910. № 4. Ч. неофиц. С. 70–74.

² Сибирские вести // ВО. 1902. 21 авг.

³ Из газет // Сиб. жизнь. 1914. 16 сент.

⁴ В Обществе взаимного вспомоществования учащим и учившим Акмолинской обл. // Степной край. 1895. 9 нояб.; Отчет о деятельности Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в учебных заведениях Тобольской губ. за 1915 г. Тобольск, 1916. С. 9.

источников, не всегда активной¹. Вероятно, это было связано с малым материальным фондом этих объединений. Отметим, что духовенство также организовало подобную организацию – церковноприходские попечительства². Источники свидетельствуют, что медицинские и ветеринарные работники имели комитет вспомогательной кассы³.

В контексте нашей проблемы важно исследовать взаимоотношения сельских интеллигентов, возникавшие в процессе *общественной деятельности*.

В автобиографическом произведении Е. Н. Пермитина «Первая любовь» описываются события, происходившие перед началом Первой мировой войны. Молодой учитель Алексей Рокотов очень волновался по поводу проведения школьной елки. Это было первое организованное им подобное мероприятие. На праздник придут почти все жители села, и хочется, чтобы мероприятие произвело на них положительное впечатление. Кроме того, на торжество приглашены педагоги из всех соседних школ. Преподаватель хотел «щегольнуть перед окрестными учителями своей хозяйственностью»⁴. После праздника Рокотов отметил, что две учительницы «министерской» школы, приехавшие на праздник из соседнего села, принимали «самое горячие участие в елочных играх с детьми»⁵. В следующий раз, когда молодой педагог участвовал в постановке пьесы А. П. Чехова «Медведь», все учителя окрестных школ также приехали посмотреть представление, а одна из гостей была приглашена на роль суфлера⁶.

Рассмотрим еще один пример. П. И. Лопарёв организовал в 1913 г. праздник для детей в школе, в которой сам преподавал. Вечер был устроен для детей, но благодаря стараниям Лопарёва «была возможность присоединить сюда и взрослых»⁷.

Гражданская самоорганизация сельских интеллигентов проявлялась и в просветительском направлении их общественной деятельности. Так, в волостном с. Берском Барнаульского уезда Томской губ. в 1901 г. планировались народные чтения, лекторами

---

¹ В Обществе взаимного вспомоществования учащим и учившим Акмолинской обл.; Деятельность Тобольского общества вспомоществования учащим и учившим // Сиб. листок. 1908. 20 янв.; и др.

² Адаменко А. М. Образование и деятельность церковноприходских попечительств на территории Томской епархии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/his/15/image/15-034.pdf> (дата обращения: 29.04.2014).

³ От комитета Западно-Сибирской вспомогательной кассы // Сиб. врачебные ведомости. 1904. № 4. С. 61.

⁴ Пермитин Е. Н. Первая любовь // Жизнь Алексея Рокотова. Кн. 2. С. 384.

⁵ Там же. С. 386.

⁶ Там же. С. 410–411.

⁷ Там же. С. 230–233.

на которых были заявлены врач И. И. Березин и учительница А. И. Ловыгина¹. В 1901 г. врачи ст. Боготол Мариинского уезда Томской губ. И. П. Михайловский и А. И. Коронатов испрашивали у попечителя Западно-Сибирского учебного окр. разрешение на организацию народных праздничных чтений².

Сельские интеллигенты нередко являлись инициаторами оказания помощи нуждающимся в ней переселенцам, тем самым проявляя свою гражданскую активность. Примером может служить деятельность священника Л. Покровского и писаря Смирнова, которые устроили в с. Булатовском Каинского уезда Томской губ. в 1892 г. на свои средства приют с горячей пищей для переселенцев³.

Взаимодействовали интеллигенты и во время оказания медицинской помощи крестьянам. Отметим, что медики осознавали важность участия представителей сельской интеллигенции в мероприятиях, способствующих распространению медицинских знаний и оказанию помощи деревенскому населению. Это было озвучено, например, на Первом Поуездном съезде сельских врачей Тобольской губ. в 1909 г.⁴ Следует обратить внимание и на тот факт, что в некоторых случаях медики вынуждены были прибегать к помощи сельского духовенства или учительства, которые были активными в деле оказания медицинской помощи селянам, так как население не всегда было готово принять помощь от представителей официальной медицины⁵. Часто это было обусловлено тем, что врачи воспринимались крестьянами как представители власти из-за исполняемого ими судебно-медицинского освидетельствования, контактов с полицией⁶.

Рассмотрим несколько случаев. В 1893 г. во время холерной эпидемии неоднократно были зафиксированы случаи, когда священник совместно с фельдшером обходил дома заболевших. Такая практика существовала, например, в селах Спасском, Ярковском и Кулаковском Томской губ. Фельдшер оказывал селянам медицинскую помощь, а священник – духовную⁷. Аналогично действовали священник и фельдшер в с. Белояр-

---

¹ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1466. Л. 107.

² Там же. Л. 113.

³ Там же. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3089. Л. 159 об.

⁴ ГА в г. Тобольске. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1465. Л. 23 об.

⁵ См., например: *Чувашева И. К.* Слава Богу за все! С. 69–76; *Зверев В. А., Караваяева Е. В.* «К священнику обращаются все...». С. 41–45.

⁶ *Семёнова В. К.* Здравоохранение г. Томска в историческом развитии... С. 160–161.

⁷ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3089. Л. 53.

ском той же губернии¹. Крестьяне не всегда доверяли лекарственным препаратам, поэтому причт с церковных кафедр произносил молитвы, речи о необходимости исполнять предписания врачей. По настоянию священников некоторые сельские общества на свои средства приобретали противозидемические препараты².

Известны факты *злоупотребления интеллигентами служебным положением*, которые приводили к возникновению конфликтов между представителями интеллигенции и крестьянами. Так, учитель М., в 1904–1909 гг. работавший в с. Титовском Змеиногорского уезда Томской губ., женился и «увлекся торговыми делами тестя». В школе он проводил мало времени, с детьми практически не занимался, что вызывало недовольство крестьян. Однако из школы ежегодно выпускались окончившие курс учащиеся. Это происходило потому, что экзамены «производились тем же учителем и соседним священником, его приятелем»³. Примером может служить и случай, произошедший в 1905 г. в с. Елагинском Курганского уезда Тобольской губ., в котором священник И. Папулов и псаломщик В. Машалов были уличены в хищениях при строительстве храма⁴. В с. Бaeво Кулундинской волости Томской губ. сельское общество ходатайствовало перед епархиальным начальством о смещении со службы священника и псаломщика местной церкви в связи с их пьянством⁵. Вышеназванные примеры фиксируют ситуации идеологического, экономического и культурного конфликтов.

Приведем еще один пример, посвященный злоупотреблению отдельных интеллигентов своим служебным положением. Художественное произведение, возможно, в данном случае отражает реальную ситуацию. А. И. Ершов в рассказе «Просветители», написанном в 1910–1912 гг., рассказывает, что сельский священник и волостной писарь были назначены собирать в селе сухари для отправки воюющим солдатам (речь идет о Русско-Японской войне). Священник решил, что посылка сухарей совсем необязательна, и стал делиться ими с волостным писарем, а затем сбывать по низкой цене купцам⁶.

Корыстные цели, которые преследовали интеллигенты или один из них, могли приводить к возникновению конфликтных ситуаций между ними по экономическим вопро-

---

¹ Там же. Л. 78.

² Там же. Л. 211.

³ По Сибири // Жизнь Алтая. 1912. 3 янв.

⁴ ГАТО. Ф. 156. Оп. 18. Д. 219.

⁵ По Сибири // Жизнь Алтая. 1912. 16 февр.

⁶ Ершов А. И. Просветители. С. 71–72.

сам. Например, в 1911 г. в с. Татарском Каинского уезда Томской губ. между священниками Павским и Андреем Вальянским произошел конфликт, затрагивающий экономические вопросы. При общении отца Павского с прихожанами значительную роль играл «презренный металл». Поэтому, когда через поселение проезжал председатель Совета министров империи П. А. Столыпин, крестьяне подали ему прошение о назначении священником А. Вальянского. Павский же, не желая потерять доход, добился того, чтобы нового священника вскоре отправили в отставку¹.

Важным штрихом при реконструкции взаимоотношений между сельскими интеллигентами является исследование их *отношений во время досуга*. Обращаясь к материалам источников, мы выявили, что одним из составляющих досугового времяпровождения сельских интеллигентов являлись беседы на самые разнообразные темы, как это отмечено в рассказе Г. А. Вяткина². В произведении Г. Д. Гребенщикова «Отец Порфирий» описаны беседы священника и волостного писаря, который приезжал в гости к церковнослужителю из соседнего села³. Существовали дружественные отношения и между членами сельского клира. Церковнослужители, чьи приходы находились по соседству, приезжали друг к другу в гости, вместе охотились, обсуждали вопросы пастырской службы⁴.

Отметим, что подобные отношения сохранились между сельскими интеллигентами и в последующее время. Так, известный просветитель сибирской деревни А. М. Топоров, назначенный в 1915 г. учительствовать в с. Верх-Жилинское Косихинской волости Томской губ., вскоре был приглашен местным священником в гости⁵.

В произведении Г. А. Вяткина «На nive народной (из записок сибирского учителя)» главный герой, рассказывая о походе в гости к сельскому священнику, отметил, что у батюшки в гостях был писарь, «очевидно, потому, что было воскресенье». Разговоры товарищей сопровождалась распитием алкоголя⁶. Этот факт наводит на мысль, что совместное времяпровождение священника и писаря было систематическим явлением. В другом труде автора описано коллективное праздничное застолье фельдшера, волост-

---

¹ 3-ый. «Черная епархия» // Сиб. вопросы. 1911. № 1. С. 25–38.

² Вяткин Г. Д. На nive народной. С. 68.

³ Гребенщиков Г. Д. Отец Порфирий. С. 166–167.

⁴ Волосатовский Д., священник. В пастырских собраниях сельского духовенства // Омские епархиальные ведомости. 1908. № 7. Ч. неофиц. С. 39.

⁵ Топоров А. М. Я – учитель: воспоминания. М., 1980. С. 113–114.

⁶ Вяткин Г. Д. На nive народной. С. 61–62.

ного писаря, священника и сельского учителя¹. В повести Г. Д. Гребенщикова «Егоркина жизнь» описываются священник, псаломщик и писарь, которые бражничали². В произведении А. И. Ершова «Просветители» представлен аналогичный сюжет о волостном писаре, священнике и дьяке³. В других источниках также указывается на то, что интеллигенты практиковали совместное распитие спиртных напитков⁴.

Известны случаи, когда учитель и учительница сельской школы состояли в браке и активно принимали участие в общественной жизни деревни⁵. Показательный для нашего исследования случай произошел в с. Маралинском Мариинского уезда Томской губ. в 1907 г. Местная учительница Л. Ф. Неделькина в то время, как ее муж находился на фронте, состояла «в зазорной связи с псаломщиком С. П. Забродиним». Она из пришкольной учительской квартиры переехала жить к церковнослужителю. У церковнослужителя и учительницы родился ребенок⁶. Подобные взаимоотношения учительницы и псаломщика представлены и в романе Е. Н. Пермитина «Жизнь Алексея Рокотова»⁷. Приведем еще один пример. В с. Малый Башцелак Башцелакской волости Бийского уезда Томской губ. работала в 1914 г. молодая учительница Е. В. Елькина. В пасхальную ночь псаломщик местной церкви обмазал ставни ее окна дегтем. Автор отмечает, что «причиной вражды являлись ухаживания псаломщика за учительницей с гнусной целью...». Учительница не перенесла такого позора и отравилась⁸.

В некоторых случаях мы можем наблюдать напряженные, а порой и конфликтные отношения внутри сообщества интеллигенции. На наш взгляд, причины, приводившие к столкновениям интеллигентов, могли быть следующими: неадекватная оценка деятельности друг друга или взаимное недопонимание; несоответствие поведения отдельных лиц принятым в сообществе формам поведения; личные интересы некоторых интеллигентов, противоречащие профессиональной культуре и интеллигентской этике.

---

¹ Вяткин Г. Д. Праздник. С. 107.

² Гребенщиков Г. Д. Егоркина жизнь: автобиографическая повесть. Саутбери, 1966. С. 184.

³ Ершов А. И. Просветители. С. 77.

⁴ См., например: *Наблюдатель*. Село Краснощековское Змеиногорского уезда // Алтайский крестьянин. 1913. № 18. С. 28; *Обозреватель*. Село Коробейниково Бийского уезда // Алтайский крестьянин. 1914. № 28. С. 15.

⁵ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 4466. Л. 98.

⁶ Там же. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3312. Л. 2.–2 об.

⁷ Пермитин Е. Н. Первая любовь // Жизнь Алексея Рокотова. Кн. 2. С. 373.

⁸ *Башцелачанин Г.* Село Малый Башцелак Башцелакской волости: (пасхальная трагедия) // Алтайский крестьянин. 1914. № 16. С. 21.

Остановимся на примерах. В Тарском уезде Тобольской губ. фельдшер Новоягодинского медицинского пункта не нашел общего языка с врачом Теврижским по вопросу о том, кто должен лечить пациентку, в результате чего последняя умерла¹. В с. Боготол Мариинского уезда Томской губ. в 1909 г. священник Поливанов совершил политический донос на учительскую чету Некрасовых, в результате чего тех заключили в Мариинскую тюрьму. Из застенков педагоги выбрались лишь потому, что в дело вмешалась инспекция Министерства народного просвещения². Частыми были случаи, когда соперничали законоучители и педагоги из-за того, что учителя выполняли работу за первых. Священнослужители же не хотели отдавать деньги педагогам за выполненную ими работу³.

В источниках отмечено, что не всегда гладко складывались взаимоотношения между самими представителями сельского духовенства. Так, между отцом Динковым из с. Федоровка Томской губ. и псаломщиком этого же села возникла ссора. Священник обвинял «псаломщика в пьянстве, псаломщик попа – в том, что первый хотел топиться...»⁴. Столкновение пастыря и псаломщика закончилось тем, что Динков разобрал ограду возле дома псаломщика, отвез к себе и «пожег». После этого случая псаломщика перевели в другой приход.

Таким образом, в данном параграфе мы отразили выявленные направления и особенности взаимодействия сельских интеллигентов в рамках их полипрофессионального сообщества. Можно отметить, что интеллигенты, являвшиеся представителями одной профессии, демонстрировали свою профессиональную идентичность⁵, что было обусловлено нормативными актами и личностными предпочтениями. Однако внутри всего сообщества сельской интеллигенции также существовали признаки общей идентичности: тождественное место проживания и профессиональной деятельности, преимущественно умственный, не физический труд, совместное проведение досуга, патерналистское отношение к крестьянам. Конфликты же возникали по преимуществу в тех случаях,

---

¹ Сибирское лечение психоза // Сиб. вопросы. 1911. № 13/14. С. 46.

² Л-к. Очерки сибирской жизни. 1909. № 39/40. С. 22.

³ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2989. Л. 1, 6, 7 об.

⁴ 3-ый. «Черная епархия» // Сиб. вопросы. 1911. № 1. С. 29.

⁵ Профессиональная идентичность нами, вслед за Л. Б. Шнейдер, понимается как «аспект специфической интеграции личностной и социальной идентичности в профессиональной реальности». См.: Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М., 2007. С. 48.

когда отдельные лица демонстрировали неприемлемые для большей части сельской интеллигенции образцы поведения.

2.4. Взаимоотношение сельской интеллигенции с властью и деревенским населением в контексте профессиональной и общественной деятельности

Традиционным при исследовании интеллигенции является рассмотрение ее взаимоотношений с властью. Во многих исторических исследованиях существует тенденция отражать эти взаимоотношения в контексте оппозиционности и конфликтов. Исследователь Пекинского университета Т. Weiming отмечает, что характерной чертой русской интеллигенции является ее дух протеста. Ученый констатирует, что для интеллигенции было свойственно критиковать чиновничество. Интеллигент не мог быть интеллигентом, терял свой статус, если не оспаривал авторитет правительства. Такой политический радикализм, по мнению Т. Weiming, свойственен исключительно русской интеллигенции¹. Ученый А. В. Ерахтин отмечает, что отношение интеллигенции к власти определялось ее стремлением к свободе, обостренным чувством справедливости, протестом против угнетения и страданий народа. В связи с этим власть с настороженностью относилась к интеллигенции². В царской России интеллигенты были отстранены от власти, так как выступали за свержение самодержавия³.

Омский историк Т. А. Сабурова предложила иное суждения: «Оппозиционность интеллигенции, скорее, часть интеллигентского мифа, постоянный элемент интеллигентского дискурса, ядра семиосферы интеллигенции, чем реальное явление, характерное для субкультуры интеллигенции в целом»⁴. По мнению исследовательницы, представления о власти отражали наличие и соотношение между традиционными и либеральными элементами в модели мира интеллигенции, раскрывали степень влияния модернизационных процессов в России на интеллигенцию как социальную группу, ее возможность быть активным субъектом этого процесса⁵. Кроме того, критика власти необходима в процессе модернизации. Борьба с властью для русской интеллигенции виделась, в

---

¹ Weiming T. Op. cit.

² Ерахтин А. В. Указ. соч. С. 28.

³ Там же.

⁴ Сабурова Т. А. Русский интеллектуальный мир / миф... С. 167.

⁵ Там же. С. 168.

основном, в разрушении ее традиционного образа, обнаружении перед обществом слабости власти, несоответствия образа и действительности¹. Стремление же интеллигентов сотрудничать с властью носило утилитарный характер, преобладала идея пользы, служения обществу, в котором интеллигенция выполняла функцию своеобразного буфера между властью и народом².

Современные исследователи отмечают, что знания и профессионализм интеллигенции становятся востребованными как самим обществом, так и властными структурами в переходные моменты развития общества. В связи с этим возникает необходимость привлекать интеллигенцию к власти³.

Интересна для нашего исследования точка зрения исследователя К. Б. Соколова, который отмечает, что интеллигенты чаще всего поддерживают практически любую власть, которая относится к ним благосклонно, лояльно, снисходительно. В подобном случае интеллигенция видит возможность склонить ее на свою сторону или, на худой конец, усилить свои личные позиции⁴. Соколов отмечает, что у разных групп интеллигенции по-разному выстраивались отношения с властями. Так, высшее духовенство – «церковная интеллигенция», выполняя непосредственно идеологический заказ самодержавия, удостоивалась правительственных наград наряду с боевыми генералами и заслуженными чиновниками. Была и другая интеллигенция – всеми силами борющаяся с властями под самыми разными лозунгами и знаменами. Оппозиционная интеллигенция, создававшая негодную власти картину мира, подвергалась репрессиям. С ней расправлялись всеми доступными средствами⁵.

На наш взгляд, в сельской местности Западной Сибири, в связи с особенностью природно-климатических, географических, социокультурных факторов, в некоторых ситуациях возникали специфические черты в отношениях интеллигентов и власти, отличные от тех, которые существовали в Европейской России; в большинстве же случаев мы наблюдаем схожие тенденции. Остановимся на этом поподробнее.

Говоря о взаимоотношении *духовенства* и власти, исследователь В. А. Фёдоров акцентирует внимание на том, что в общественно-культурной жизни церковь выступала с

---

¹ Там же. С. 187.

² Там же. С. 206.

³ Мансуров В. А., Барбакова К. Г. Указ. соч. С. 10, 12, 30.

⁴ Соколов К. Б. Указ. соч. С. 100.

⁵ Там же.

позиции правительства, «формируя общую государственную политику в отношении культуры»¹. Духовенство занималось «насаждением верноподданейших чувств в народе». Приходское духовенство во время богослужения совершало поминовение о здравии царской семьи. В «царские дни», то есть в дни тезоименитства царя, проводились особые службы, посвященные этому событию².

На духовенство были возложены и такие профессиональные функции, которые свидетельствовали о наделении его некоторыми властными полномочиями. Так, все царские манифесты обязательно оглашались в церкви, до их прочтения прихожанам запрещалось выходить из храма. На духовенство государство возлагало обязанность вести надлежащим образом метрические книги. Соответствующая документация проверялась представителями церковной власти. Как считает исследователь П. Верт, государство не всегда в полной мере доверяло тем, кому само же и предоставляло статус «духовенства». Недоверие усугублялось реальным наличием ошибок и несоответствий в метрических книгах³. В обязанности духовенства также входила необходимость фиксировать посещение прихожанами исповеди. За уклонение от посещения исповеди и причастия на прихожан могли наложить штраф или епитимию с публичным покаянием⁴.

В «Омских епархиальных ведомостях» отмечается, что особую роль в жизни «инородцев» выполняли православные миссионеры: «Миссионер для киргиза является толкователем законов и распоряжений правительства и даже невольным судьей»⁵.

Во время экстренных ситуаций, таких, например, как эпидемии, духовенство озвучивало распоряжения власти, доносило официальную информацию до прихожан. Например, во время холерной эпидемии 1892 г. сельское приходское духовенство Томской епархии знакомило прихожан с рапортами и постановлениями духовных и светских властей, читало воззвания, газетные наставления⁶.

Журнал «Вопросы колонизации» отмечал, что в 1912 г. духовенство Акмолинской обл. одновременно руководило построением церквей и выполняло свои прямые профес-

---

¹ Фёдоров В. А. Указ. соч. С. 266.

² Там же.

³ Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С. 127.

Фёдоров В. А. Указ. соч. С. 266.

⁵ Отчет Киргизской миссии Омской епархии за 1899 г. // Омские епархиальные ведомости. 1899. № 19. Ч. офиц. С. 5.

⁶ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3089. Л. 298 об.

сиональные функции. В связи с неурожаями 1911 г. по распоряжению начальника области священники были привлечены к участию в сельских попечительствах по обследованию продовольственной нужды местного населения¹.

Иногда конфликты интеллигентов и представителей сельской власти из сферы частной жизни перетекали в профессиональную, что влекло за собой вмешательство вышестоящего руководства. Подобный случай, например, произошел в 1891 г. между чиновником по крестьянским делам Каргатского участка Каинского окр. Рождественским и законоучителем Сектинского сельского училища Иткульской волости священником Меньшениным. Чиновник пожаловался епархиальному начальству, что законоучитель не ведет надлежащим образом занятия, не заполняет классный журнал. Знания детей по Закону Божьему были названы чиновником «весьма посредственными»². В результате служебного расследования духовное начальство убедилось, что священник добросовестно исполнял свои обязанности. Выяснилось, что Рождественский жалобой решил отомстить Меньшенину. Дело в том, что чиновник по крестьянским делам избил женщину, та от побоев сильно заболела, и священник в связи с этим ее исповедовал. Чиновник просил священника не отмечать данный факт в свидетельстве об исповеди, чего в силу своих должностных обязанностей церковнослужитель сделать не смог³.

Рассмотрим, какие существовали взаимоотношения между сельским *учительством* и властью. В данном случае интересными для нашего диссертационного исследования являются выводы О. В. Блиновой о том, что учителя являлись государственными служащими. Педагоги министерских школ, миссионеры выполняли функции, которые приближали их к положению чиновников: они участвовали в проведении статистических переписей, в организации и проведении народных чтений, работали в качестве библиотекарей в сельских читальнях, участвовали в проведении школьных экзаменов и т. д.⁴ Исследовательница считает, что авторитет вышестоящего начальства был для большинства педагогов непререкаемым⁵.

---

¹ Хроника // Вопросы колонизации. 1912. № 10. С. 373.

² ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3068. Л. 1.

³ Там же. Л. 5–5 об.

⁴ Блинова О. В. Социокультурный облик учительства в Западной Сибири в 1880-х – 1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук, Омск, 2010. С 19.

⁵ Там же.

Источники свидетельствуют о том, что взаимоотношения педагогов и представителями власти далеко не всегда носили позитивный характер. Например, на страницах периодической печати муссировался тот факт, что сельские педагоги нередко были бесправными перед властями. Учителей могли, по словам авторов публикаций, уволить без предупреждения¹, не выплачивали некоторым из них по несколько месяцев заработную плату², педагоги испытывали притеснения со стороны попечителя школы³ и т. д. Профессиональная и общественная деятельность сельских педагогов также регламентировалась властью.

Медицинские работники, как и прочие представители сельской интеллигенции, наделялись государством властными полномочиями. Так, врачи должны были выполнять судебно-медицинское освидетельствование и вскрытие трупов, совместно с полицией осуществлять общий санитарный надзор в селах Западной Сибири и т. д. Особыми властными полномочиями наделялись врачи во время эпидемий. Например, участковый врач в с. Сусловском Касмалинской волости Барнаульского уезда Томской губ. в 1901 г. обнаружил эпидемию оспы, распорядился изолировать заболевших, дал соответствующие распоряжения об их содержании. Участковые фельдшеры и оспопрививатели, получив распоряжение врача, приступили к вакцинации и ревакцинации в населенном пункте⁴.

Отметим, что положение врачебного персонала в сельской местности по всем формальным основаниям было независимым от крестьянских начальников. Однако в реальности имели место совершенно другие отношения. В газете «Восточное обозрение» зафиксировано: в силу того, что на расходы больниц, на покупку медикаментов и прочие нужды сельской медицины привлекались общественные средства, медики попадали в зависимость от крестьянских властей. Судя по данным источника, вновь назначенные врачи, встречаясь с крестьянским начальником, должны были считаться с мнением «распорядителя общественных сумм», признавать его доминирующее положение в сельской медицине. Если отношения врача и крестьянского начальника не складывались, то сельские общества не находили средств на содержание лечебниц. Анонимный

---

¹ Костюрина М. Злоба дня захолюстья // Сиб. листок. 1904. 5 сент.

² Сибирские очерки // ВО. 1900. 2 сент.

³ Сибирские вести // ВО. 1901. 13 июня.

⁴ ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 83.

автор публикации констатировал: «История сельской медицины Тобольской губ. наполнена подобными конфликтами»¹.

Наверное, наиболее противоречивый характер взаимоотношения с властью складывался у *сельских и волостных писарей*. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Г. А. Погорелов в начале XX в. отмечал, что волостными писари являлись «выразителями письменной воли крестьянских властей». В сферу их профессиональной деятельности входило, в том числе, истолкование законов, руководство должностными лицами в правлении. Они «вершили все дела народного правления»².

В публикациях газеты «Сибирская жизнь» в 1913 г. зафиксированы сведения о деятельности волостного писаря Ш-ва в Ояшинской волости Томского уезда Томской губ. В тексте отмечается, что здесь 30 лет не было волостных старшин, заседателей и казначеев. В связи с этим реальное управление делами осуществлялось волостным писарем: «В его руках находились и административная, и хозяйственная часть, через его руки проходили все денежные суммы...»³. После назначения в 1912 г. на должность крестьянского начальника некоего Д-на выяснилось, что писарем была осуществлена значительная растрата средств. Рассмотрим еще один пример. Переселенец Степан Федотов из с. Усть-Журавлиха Пристанской волости Бийского уезда Томской губ. жаловался крестьянскому начальнику на сельского писаря Николая Хребтова. По словам крестьянина, писарь требовал у него деньги «за выдачу присланного ему из места причисления паспорта»⁴.

Власть писарей по отношению к крестьянам проявлялась и в сборе податей и недоимок. Так, жители Кайлинской волости Томского уезда писали в редакцию газеты «Восточное обозрение», что у них летом 1900 г. наблюдалась продолжительная засуха, которая выжигала травы и хлеба, это негативно сказывалось на экономическом положении крестьян. В такой ситуации волостной писарь, проживавший в с. Гутово той же волости, по словам крестьян, «лез из кожи», собирая подати и недоимки. За недоимки он отбирал у крестьян даже имущество. Тем же, кто не выполнял распоряжения писаря, «не

---

¹ Сибирские очерки // ВО. 1904. 3 сент.

² Погорелов Г. Что такое волостной писарь? К съезду волостных писарей. М., 1907. С. 15.

³ Село Ояш Томского уезда: растрата и подлог в волостном правлении // Сиб. жизнь. 1913. 12 дек.

⁴ ГААК. Ф. 181. Оп. 1. Д. 97. Л. 1.

только не миновать холодной, но даже и наказания розгами», которые применялись в Кайлинской волости при наказании провинившихся крестьян¹.

Судя по всему, многие писари в сельской местности не столько проявляли усердие в выполнении своей работы, сколько выполняли предписания вышестоящего начальства, что могло быть не известно местным жителям. Отметим, что факты халатного отношения к нуждам населения в источниках упоминаются неоднократно, при этом единомышленниками писаря могли быть и другие представители волостного правления².

Во взаимоотношениях *ветеринарного персонала* с властями тоже не всегда всё складывалось гладко. С одной стороны, ветеринары получали от власти право воздействовать на крестьян во время эпизоотий, а с другой, иногда призывы, рекомендации сельских интеллигентов не находили поддержки у властей. Приведем пример. На страницах периодической печати сохранилась информация о том, что в Западной Сибири с развитием маслоделия и распространением сепараторов увеличилась смертность телят. Увидев подобную ситуацию, сельские ветеринары обратились к властям с вопросом о принятии энергичных мер, вплоть до закрытия маслоделен в случае появления эпидемий. Губернская администрация рассмотрение данного вопроса отложила, посчитав, что не имеется достаточно точных цифровых данных, подтверждающих подобное предположение ветеринаров³.

Взаимоотношения *агрономического персонала* с властями, судя по сохранившимся сведениям, развивались по схожему с ветеринарами сценарию: в сельской местности они, помимо профессиональных обязанностей, выполняли некоторые функции представителей власти. Исследователь Я. Коцонис отметил, что агрономы активно использовали «свою власть открывать и закрывать кооперативы, финансировать их и отзываться, удалять некоторых членов, назначать и увольнять членов правлений»⁴. Характерно, что в источниках нами не выявлены крупные конфликты агрономического персонала с властью. Вероятно, это было связано с тем, что интеллигенты добросовестно исполняли свои должностные обязанности – именно так, как от них ожидали властные структуры. Немногочисленный агрономический персонал был рассредоточен

---

¹ *Valana*. Корреспонденции // ВО. 1900. 12 июля.

² Сибирская хроника // ВО. 1897. 29 янв.; Вопросы сибирской жизни // ВО. 1897. 4 июня; и др.

³ Сибирская хроника // ВО. 1897. 2 июля.

⁴ *Коцонис Я.* Указ. соч. С. 177.

по Западной Сибири, и в связи с этим властям было сложно зафиксировать проступки служащих, если таковые имелись.

По мнению Т. А. Сабуровой, «образ власти и образ интеллигенции находятся в диалектическом единстве. Без образа власти нет образа интеллигенции. ... Самоидентификация интеллигенции происходит в рамках оппозиции “власть – народ”, в движении от одного полюса к другому, в освоении пространства между этими полюсами оппозиции»¹. В представленном нами выше материале содержится информация о том, что взаимоотношения интеллигентов с властью в сельской местности Западной Сибири не всегда складывалось негативно, как это отображается в большинстве исследований, касающихся других регионов империи. В Западной Сибири, в связи с отдаленным положением ее местностей от административных центров, представители сельской интеллигенции сами нередко являлись агентами власти. Важно и то, что сельские интеллигенты получали жалование, находясь на государственной службе, и оно являлось основным источником их существования. Возможно, этот факт также способствовал возникновению лояльного отношения интеллигентов к власти. Кроме того, во второй половине XIX в. в иерархии ценностей интеллигенции «свобода личности может приноситься в жертву народной свободе»². Вполне вероятно, что интеллигенты состояли на государственной службе, терпели некоторые притеснения со стороны властных структур во имя того, чтобы своей профессиональной деятельностью способствовать улучшению жизни народа. Таким способом проявляется специфическая идентичность сельской интеллигенции.

Для самоидентификации сельской интеллигенции Западной Сибири конца XIX – начала XX в., как и интеллигенции России в целом, важно сопоставление себя не только с «властью», но и с «народом». В связи с этим считаем необходимым реконструировать *взаимоотношение интеллигентов с сельским населением* Западной Сибири. Обратим внимание, что частота общения с крестьянами разных профессиональных групп интеллигенции была разной. Так, если с учителем, пастырем, писарем крестьяне взаимодействовали чуть ли не ежедневно, то к ветеринарам, медицинским врачам, агрономиче-

---

¹ Сабурова Т. А. Русский интеллектуальный мир / миф... С. 165.

² Там же. С. 212.

скому персоналу, в связи с их малочисленностью на столь обширных территориях, крестьяне обращались значительно реже.

Опираясь на данные источников, можно констатировать, что тесные контакты устанавливались между сельскими *педагогами* и крестьянством, в особенности с младшим его поколением. Отношения между учителями и учениками, в том числе и бывшими, зачастую приобретали дружеский характер. Свой соответствующий опыт проникновенно описала И. К. Чувашева, которая в 1898–1900 гг. в возрасте 16–18 лет работала сельской учительницей в церковной школе грамоты в д. Саитковой Туринского уезда Тобольской губ.¹

Обратим внимание на то, что некоторые крестьянские общества весьма ценили своих просветителей и демонстрировали им это. Так, в 1897 г. жители с. Боготол Томской губ. отпраздновали всем селом 25-летие службы своей учительницы Куликовой². В романе Е. Н. Пермитина «Жизнь Алексея Рокотова» описано, как учитель стремился «сдружиться со своими учениками, стать их старшим товарищем»³, что ему и удалось.

Применительно к интересующей нас тематике можно отметить, что иногда между учащими и учащимися возникали конфликтные ситуации. Так, в 1913 г. в с. Итат Мариинского уезда Томской губ. среди учеников выпускного отделения распространились слухи о том, что педагоги училища будут очень требовательны к ним во время испытаний. Учащиеся решили не отвечать на вопросы учительницы. К счастью, предотвратить такое поведение сельских ребят успел заведующий училищем⁴. Рассмотрим еще один конфликтный случай идеологического характера, произошедший в 1909 г. в школе при ст. Тутальской (Поломошной) Томского уезда. Епископу Макарию (Невскому) поступил рапорт, в котором сообщалось: учительница Мария Тихонова на уроках естественной истории внушает ученикам, что Бога нет и все повествования библейские – выдумка. Недоразумение же случилось оттого, что учащиеся заметили расхождение между тем, что им преподавали на уроках Закона Божьего, и тем, что слышали на уроке по естественной истории; «в их головах всё перепуталось»⁵.

---

¹ Там же. С. 29–30, 37, 39.

² Сибирская хроника // ВО. 1897. 7 декабря.

³ Пермитин Е. Н. Первая любовь // Жизнь Алексея Рокотова. Кн. 2. С. 352.

⁴ *Обыватель*. Село Итат, Мариинский уезд // Сиб. жизнь. 1914. 23 мая.

⁵ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3437. Л. 1–9.

Следует отметить, что в тех деревнях, где большая часть населения состояла из старообрядцев, педагогам официальных школ было сложно работать, о чем писала, например, учительница Иванова, преподававшая в д. Чинявиной Еланской волости Тюкалинского окр. тобольскому губернатору. Старообрядцы «не сочувствуют школе», «не желают понимать пользы учения и с трудом отпускают [в школу] своих детей»¹.

Методы преподавания и воспитания детей сельскими педагогами также могли вызывать недовольство крестьян. Некоторые крестьяне не понимали, для чего необходимы школы, так как там, по их представлениям, дети «только балуются»². В произведении Г. А. Вяткина «На ниве народной (из записок сибирского учителя)» фигурирует персонаж Григорий Алексеевич, который, окончив учительскую семинарию, приехал работать в д. Угрюмовку. Педагог не применял в своей работе физических наказаний к детям, что вызвало неудовольствие крестьян³. В то же время в источниках зафиксирован тот факт, что деятельность педагогов, повышавших голос на детей, применявших физическую силу по отношению к ним, не способствовала росту популярности школьного образования среди крестьян. Мы видим это на примере ситуации, сложившейся в 1900 г. в д. Чаусовой Курганского уезда Тобольской губ.⁴

В контексте нашей проблемы рассмотрим взаимоотношения *священнослужителей с прихожанами* на территории сельской местности Западной Сибири в исследуемое время. Общеизвестно, что священнослужители сопровождали человека на протяжении всей его жизни. С радостями и горестями крестьяне обращались к духовному отцу. В связи с этим в источниках сохранилась масса сведений о конструктивных и конфликтных моментах взаимоотношения духовников с селянами.

Источники свидетельствуют, что многие сельские священники активно помогали нуждающимся прихожанам, совместно с ними переживали жизненные невзгоды, тем самым проявляли свою активную гражданскую позицию. Когда в 1886 г. в с. Коробейниково и д. Вагиной Боготольской волости Томской губ. случился пожар, крестьяне остались без крова, в крайне бедственном положении. Священник И. Г. Серебрянский оказал пасомым не только духовную, но и материальную помощь, несмотря на то, что

---

¹ ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 48. Д. 1. Л. 33 об.

² По Сибири: от собственных корреспондентов // Сиб. жизнь. 1914. 15 июня.

³ Вяткин Г. А. На ниве народной. С. 70.

⁴ Корреспонденции // ВО. 1900. 9 марта.

сам лишился всего имущества. Крестьяне, желая выразить признательность своему духовному отцу, преподнесли ему благодарственный приговор с хлебом и солью¹. Сходная ситуация сложилась в с. Максимовском Кокчетавского уезда Акмолинской обл. в 1907 г. Пожар нанес огромный ущерб крестьянскому хозяйству, уничтожил церковь, дом священника А. Копытова. Пастырь приложил все свои усилия, и через два года в селе, к радости благодарных священнику крестьян, появился новый храм².

На страницах художественного произведения Г. Д. Гребенщикова, написанного в 1904–1905 гг., изображен священник, который из жалости усыновил мальчика из бедной крестьянской семьи и тем самым спас его от голода. Впоследствии пастырь научил ребенка грамоте, отдал учиться в духовное училище, а затем – в семинарию³. В записках миссионера священника Филарета Синьковского зафиксировано, что он смог при помощи проповеди и призывов организовать прихожан одной из станиц Усть-Каменогорского уезда, входившего в Томскую епархию, на помощь больной старушке, которая в силу своей немощи была обречена на голод⁴.

Помогали церковнослужители и переселенческим семьям. Так, священником с. Вознесенского Каинского уезда Томской губ. В. Шалабановым в 1892 г. было обеспечено бесплатным кровом и пищей 1396 переселенцев. Священник с. Туруновского того же уезда И. Покровский в своем доме и на собственные средства помог более чем 200 переселенцам⁵.

В исследуемый нами период сельские священники взаимодействовали с крестьянами, в отличие от городского духовенства, не только по вопросам чисто пастырского, духовного характера. В селе к священнику «идут со всевозможными вопросами, как духовнику, учителю, судье, агроному, конечно, если надеются получить от него авторитетный ответ...»⁶. Авторитет пастырей во многом был обусловлен и тем, что они взаимодействовали с крестьянами в процессе исполнения таких религиозных обрядов, которые были связаны с выполнением государственных функций. В круг этих обязанно-

---

¹ Выражение признательности приходскому пастырю // ТЕВ. 1887. № 6. Ч. офиц. С. 8.

² Там же.

³ Гребенщиков Г. Д. Нахал. С. 48–49.

⁴ Макарий (Невский), епископ. Миссионерство на Алтае и Киргизской степи в 1885 г.: (продолжение) // ТЕВ. 1886. № 9. Ч. неофиц. С. 3.

⁵ М. Деятельность духовенства Томской епархии в борьбе с минувшею холерной эпидемией // ТЕВ. 1893. № 2. С. 18.

⁶ Значение самообразования в жизни сельского духовенства // Омские епархиальные ведомости. 1909. № 18. Ч. неофиц. С. 26.

стей входило ведение метрических книг, регистрация фактов смерти, запись брачных обысков и т. д.¹ Это, с одной стороны, регламентировало и расширяло спектр общения сельского причта с крестьянами, с другой же стороны, способствовало возникновению неприятных, а порой и курьезных случаев. Во многом это было связано с личностными характеристиками отдельных интеллигентов и крестьян. В связи с этим в контексте нашей проблематики интересным представляется исследование конфликтных сюжетов во взаимоотношениях крестьян и членов причта.

Следует отметить, что в источниках встречаются жалобы крестьян в консисторию о том, что священники оскорбляют их². Например, псаломщик С. Виноградов из с. Камышенского одноименной волости Курганского уезда Тобольской губ. в 1909 г. оскорбил крестьянина Нестера Головина «в присутствии всего церковного схода»³. Духовная консистория наложила штраф на провинившегося причетника⁴. Сетовали селяне и на то, что пастыри плохо, по их мнению, исполняют церковные обряды, что не всегда соответствовало действительности. Так, в 1906 г. конфликт возник между священником Ф. Смолянниковым и жителями д. Полуямской Покровской волости Барнаульского уезда. Селяне жаловались, что церковнослужитель груб с некоторым прихожанами, допускает попустительства по службе⁵. Однако дело было закрыто консисторией из-за отсутствия доказательств вины священника.

Не меньшее негодование вызывало у крестьян недопущение по тем или иным причинам некоторых прихожан к исполнению святых таинств. Например, в 1908 г. крестьянин Яков Синелобов из с. Берского одноименно волости Барнаульского уезда Томской губ. жаловался в консисторию на священника И. Смирнова, который не допустил его дочь-школьницу Марфу к принятию святых таинств⁶. В ходе расследования было установлено, что священник невиновен. Естественно, что подобные случаи происходили и с другими церковнослужителями.

При работе с источниками нами было выявлено, что венчание брака сельскими священниками нередко способствовало возникновению конфликтных ситуаций по вине как

---

1 См.: Устав духовных консисторий / под ред. Ф. В. Ливанова. СПб., 1871. С. 101.

2 ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 18. Д. 24.

³ Там же. Д. 720. Л. 5 об.–6.

⁴ Там же. Л. 24 об.

⁵ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3268. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 3401. Л. 3.

прихожан, так и самих пастырей. Так, священник В. Лукин в 1904 г. по просьбе заболевшего «соседа своего», священника с. Локтевского М. Соколова, в с. Мартыновском незаконно обвенчал «крестьянина Парфененко с сестрой жены его родного брата Антония – Ириной Никофоровой Скороденко». О родстве ни при заявлении о браке, ни при оглашении в церкви, ни при написании брачного обыска (составлял его М. Соколов совместно с дьяком Локтевской церкви), когда задавались вопросы о родстве, никто причту не заявил¹. Члены же причта не могли об этом знать, так как новобрачные были переселенцами из Европейской России. Возможно, эта информация так и осталась бы семейным секретом, но один из пьяных гостей проговорился о том, что жених и невеста состояли в родственных связях. В результате расследования брак был признан недействительным и подлежал расторжению². Синод тоже не признал брак³. М. Соколов и дьяк, рассматривавшие бумаги новобрачных, в связи с тем, что ничего не могли знать о приезжих из других губерний, были оштрафованы на 15 р. в пользу бедных духовного звания, с них еще взыскали расходы в сумме 20 р. 70 к. Священнику же Лукину, венчавшему этот брак, был сделан выговор⁴. Приведем еще один пример. Священник с. Камень-на-Оби Барнаульского уезда А. Соколов в 1907 г. венчал М. Ушакова с А. Степановой, как потом выяснилось, по принуждению семьи Степановых. Дело в том, что А. Степанова находилась под уголовным следствием, что служило препятствием для заключения брака. В результате разбирательства, проведенного консисторией, брак был признан. Священнику Соколову «за несоблюдение при повенчании... некоторых предосторожностей» сделали замечание⁵.

Следует отметить, что некоторые священники пользовались предоставленными им государством и духовными властями правом регистрации браков в своих корыстных целях, тем самым способствуя возникновению конфликтов, как социального, так и экономического характера. Подобный случай произошел в д. Фирсовой Барнаульского уезда Томской губ. Крестьянин П. И. Буртуев в 1907 г. жаловался в консисторию, что члены причта Овчинниковской церкви – священник Василий Мамин и псаломщик Александр Лаброторский – будто бы требовали от просителя «непосильную плату за

---

¹ Там же. Л. 104.

² Там же. Л. 104 об.

³ Там же. Л. 151.

⁴ Там же. Л. 151 об.

⁵ Там же. Д. 3319. Л. 15.

выдачу предбрачных сведений на брата просителя, и когда эта плата не была внесена, сделали на паспорте отца невесты неверную надпись, воспрепятствовав совершению брака в других церквях»¹. Консистория признала священника виновным и отстранила от должности благочинного². Однако в связи с тем, что взятые с Буртуева деньги были записаны в братскую книгу, считалось, что эти деньги мужчина пожертвовал причту добровольно³. Следует обратить внимание, что крестьяне нередко подавали жалобы на членов причта по причине вымогательства с них денег⁴.

Для крестьян был значим размер выплат, назначаемый духовными отцами за требы. Подтверждением данного суждения может служить следующий факт. В 1913 г. в с. Ильинском Кузнецкого уезда Томской губ. по ходатайству прихожан священником был назначен их односельчанин – иеромонах Пантелеймон, который за исполнение треб назначал невысокую плату. Через некоторое время церковное начальство на место полюбившегося крестьянам иеромонаха назначило другого священника, «который оказался во всех отношениях полной противоположностью предшественника». Крестьяне и новый священник стали конфликтовать. Кто-то положил в поленницу священника порох. Когда в доме затопили печь, произошел взрыв. К счастью, никто не пострадал⁵.

На страницах художественных произведений содержатся схожие сюжеты. Если эта проблема получила отражение в рассказе, следовательно, она имела важное значение для сельского сообщества, активно муссировалась. Рассмотрим следующий пример. Г. Д. Гребенщиков описал в 1913 г. священника Порфирия, который совершил крестный ход в чужом приходе, за что был вызван к благочинному⁶. Этот проступок священник сделал потому, что духовенство соседних приходов назначало высокую оплату за требы, крестьяне же проживали там преимущественно неимущие. Порфирий все требы исполнял, как правило, бесплатно, жалея крестьян, хотя это негативно сказывалось на его материальном благополучии. Крестьяне его и соседних приходов были благодарны за столь заботливое к ним отношение.

---

¹ Там же. Д. 3309. Л. 1.

² Там же. Л. 51–51 об.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Д. 3429. Л. 11, 15; Д. 3579. Л. 3.

⁵ Нам пишут из с. Ильинского // Сиб. жизнь. 1913. 7 мая.

⁶ Гребенщиков Г. Д. Отец Порфирий. С. 172–173.

Пожалуй, самые неприятные ситуации, возникавшие между сельскими обывателями и причтом, были связаны с ругой, которую крестьяне должны были выплачивать священнослужителям. Как отмечалось на страницах «Томских епархиальных ведомостей», из-за руги прихожане относились подозрительно к церковнослужителям, а последние писали многочисленные жалобы на селян в надежде получить заслуженную ругу, которая играла важную роль в материальном обеспечении семьи пастыря¹. Естественно, для священнослужителей подобное положение дела было весьма неприятным.

Отметим, что проблема конфликтов крестьян и священнослужителей на экономической почве осознавалась духовными властями и отражалась в официальных документах. Так, в отчете Томской епархии за 1914 г. содержатся сведения о том, что в отчетном году наблюдалось уменьшение жалоб на духовенство в связи с началом военных действий. В консисторию было подано всего 211 жалоб, виновным был признан 71 церковнослужитель. Много дел посвящалось вымогательству сельским причтом денег с крестьян. В отчете также сказано, что за проступки один человек был вообще исключен из духовного звания².

Взаимоотношения крестьян и интеллигентов строились с разной степенью успешности и во время такой деятельности сельских интеллигентов, как участие в мероприятиях по распространению медицинских знаний, ликвидации эпидемий, что напрямую было связано с разным уровнем культуры интеллигентов и крестьян, с различием образа жизни. Естественно, наибольшая степень соприкосновения в данном направлении деятельности с деревенскими жителями принадлежала *сельским медикам* Западной Сибири.

Источники содержат сведения о том, что крестьянские общества могли на сходах принимать решения о приглашении медицинских работников в село. Так, крестьяне с. Итат одноименной волости Кузнецкого уезда Томской губ. в 1914 г. не только выхлопотали у губернского начальства разрешение на приглашение врача и двух фельдшеров, но и собрали 2000 р. на постройку здания для лечебницы в селе³. Конечно, не всегда крестьянство осознавало острую необходимость в квалифицированной медицинской

---

¹ Щеглов М. К вопросу о материальном обеспечении духовенства Томской епархии // ТЕВ. 1885. № 7. Ч. неофиц. С. 18.

² ГАТО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 374. Л. 23.

³ Хроника // Сиб. врач. 1914. 26 янв.

помощи. Кроме того, многие из сельчан не желали нести дополнительные расходы на содержание лечебниц, медицинских кадров¹. Однако некоторым фельдшерам всё же удавалось уговорить крестьян приобретать лекарства².

Антисанитарное состояние селений, нередко способствовавшее распространению эпидемий, также привлекало внимание сельского врачебного персонала, приводило к столкновениям с крестьянами. Например, сельский врач Д. Н. Донской при посещении д. Калачёвки Тюкалинского уезда Тобольской губ. предложил обывателям очистить колодцы с питьевой водой, продезинфицировать их негашеной известью. Крестьяне ответили, что очистительные мероприятия не следует производить, так как в селении очень узкие колодцы, и человек, который в них проникнет, «может удушиться газами»³. Донской, заботясь о здоровье крестьян, обратился во врачебное отделение с предложением засыпать эти частные колодцы и устроить общественные⁴. Заметим, что именно под руководством медиков в селениях рыли по сторонам улиц канавы для стока воды, проводили осушение почвы. В тех селах, где имелись базарные площади и проводились ярмарки, осуществляли очистительные работы⁵.

Нами установлено, что иногда сельские медики оказывали не только непосредственно медицинскую помощь населению, но и экономическую, как это сделал врач В. Ф. Сосунов в с. Боготол Мариинского уезда Томской губ. в 1900–1901 гг. Его помощь позволила семьям переселенцев «дожить до нового урожая и до пособий от казны»⁶.

Источники содержат сведения, что далеко не всегда взаимоотношения между сельскими медицинскими работниками и крестьянами складывались удачно. Известны случаи, когда крестьяне страдали от халатного отношения медицинских работников к своей работе. В качестве примера приведем случай, произошедший в с. Итат Мариинского уезда Томской губ. По словам автора газетной публикации, у крестьянина заболела «горлом» дочь, и он повез ее в лечебницу, которая располагалась за 17 верст от его

---

¹ Корреспонденции: зритель // Сиб. вестник. 1904. 1 окт.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 1а. Л. 24 об.

³ ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1117. Л. 7.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 740. Л. 7 об.

⁶ Сибирские вести // ВО. 1901. 30 сент.

дома. Фельдшера не оказалось на месте. Тогда крестьянин обратился к врачу, но он отказался помочь, так как прием в больнице уже закончился. В итоге ребенок умер¹.

Отметим, что жалобы крестьян поступали и на тех работников медицины, которые, по мнению крестьян, в связи с изменением семейного положения, начинали небрежно относиться к своей работе, как это было в с. Мостовском Курганского окр. Тобольской губ. в 1893 г.²

Подчеркнем, что взаимоотношения прочих групп сельских интеллигентов и крестьян также возникали во время занятия медицинской деятельностью первых. Это было связано с тем, что существовавшие в Западной Сибири конца XIX – начала XX в. неудовлетворительная постановка медицинского дела и малочисленность медицинского персонала порождали всплески «лечебной» общественной активности представителей разных групп сельской интеллигенции. Так, ветеринарные врачи, желая оказать помощь населению, нередко практиковали медицинскую деятельность в свободное от основной работы время, несмотря на то, что имели обширные обязанности³.

Чтобы оказывать медицинскую помощь населению, те интеллигенты, чья профессия не была непосредственно связана со здравоохранением, должны были владеть хотя бы элементарными медицинскими знаниями. Исследовательница Е. В. Караваева отмечает, что с конца 1890-х гг. проводились педагогические курсы для духовенства и учителей Томской епархии, в программу которых включались лекции по гигиене. Это способствовало формированию санитарной культуры сельской интеллигенции, распространяющей ее затем среди крестьян⁴. С этой же целью в церковной периодике публиковались сведения медицинского характера⁵. Заметим, что отдельные священнослужители имели медицинское образование⁶. Представители духовенства часто являлись оспопрививателями⁷.

---

¹ *Обыватель*. Нам пишут // Сиб. жизнь. 1914. 5 янв.

² ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 193. Л. 11.

³ ГААК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 127. Л. 18.

⁴ *Караваева Е. В.* Деятельность епископов Западной Сибири... С. 118.

⁵ См., например: *Ландышев Е., священник*: 1) Народные врачебные средства // ТЕВ. 1886. № 21/22. Ч. неофиц. С. 394–395; 2) О сборе и хранении лечебных трав // ТобЕВ. 1891. № 9/10. Ч. неофиц. С. 211; Известия и заметки // ТЕВ. 1888. № 9. Ч. неофиц. С. 23–25; и др.

⁶ См., например: ГАТО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 374. Л. 29; Справочная книга по Томской епархии за 1914 г. Томск, 1914. С. 220, 379, 464–465 и др.

⁷ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2947.

Оказание медицинской помощи было обычным явлением для миссионеров Алтайской духовной миссии. Миссионеры, как правило, имели при себе медицинские аптечки¹. Иногда церковнослужителей сопровождали фельдшеры, которые оказывали медпомощь всем нуждающимся в ней². При организации народных чтений миссионеры иногда знакомили слушателей с работами, носящими медицинский характер³. Отметим, что крестьяне более доверительно относились к советам своих пастырей, чем к рекомендациям представителей официальной медицины.

Для сельского учительства Западной Сибири медицинское дело стало, так же, как и для деревенского духовенства, одним из видов взаимодействия с крестьянами. Так, учительница И. К. Чувашева во время эпидемии брюшного тифа в д. Сеитковой Кошукской волости Туринского уезда Тобольской губ. помогала медицинскому персоналу в уходе за больными. Во время оказания помощи заболевшим крестьянам она ознакомилась с основами медицинского дела и лечением «несложных болезней»⁴. Медики, уезжая из села, оставили учительнице аптечку с медикаментами, и она «начала принимать больных после занятий, в будничные дни, а в праздники – во всякое время дня»⁵. Конечно, это далеко не единичный пример. В журнале «Сибирские вопросы» зафиксировано, что селяне охотно обращались к педагогам с просьбой оказать им медицинскую помощь: «Ты в городу-то, может, слышал, чего надо пить, чтобы нутро не сосало»⁶. Занятие медицинским делом сельскими интеллигентами, не имевшими специального медицинского образования, было настолько распространенным и обыденным явлением в Западной Сибири, что крестьянству и в голову не приходило, что они занимаются лекарским делом по собственному желанию, а не по профессиональному долгу.

Следует особо подчеркнуть, что степень успешности сельских интеллигентов в медицинском деле во многом зависела от отношений, сложившихся между интеллигенцией и сельскими обывателями, а также от уровня культурного развития крестьян конкретного населенного пункта. Имея потребность в медицинской помощи, сельское

---

¹ Обзорение станов Алтайской духовной миссии: (окончание) // ТЕВ. 1889. Ч. офиц. С. 11.

² Макарий (Невский), епископ. Миссионерство на Алтае и Киргизской степи в 1885 г. // ТЕВ. 1885. № 7. Ч. неофиц. С. 9.

³ Макарий (Невский), епископ. Миссионерство на Алтае и Киргизской степи в 1885 г.: (продолжение) // ТЕВ. 1886. № 8. Ч. неофиц. С. 2.

⁴ Зверева К. Е., Зверев В. А. Деревенская учительница о «темных сторонах»... С. 86.

⁵ Там же.

⁶ Л. К. Очерки сибирской жизни // Сиб. вопросы. 1909. № 49/50. С. 43.

население нередко всё же отказывалось от нее из-за того, что общество должно было выделять средства на содержание соответствующего учреждения. Подобную ситуацию описал корреспондент газеты «Жизнь Алтая» из Залесовской волости Барнаульского уезда Томской губ.¹ Миссионеры Алтайской духовной миссии отмечали, что трудности в лечебной деятельности осложняются в связи с тем, что «инородцы» по традиции при заболевании обращаются к камам². Перечень препятствий, с которыми приходилось сталкиваться в процессе медицинской деятельности, можно продолжить, но они не останавливали интеллигентов.

Неоднозначно складывались отношения между крестьянами и волостными, сельскими писарями, что часто было связано с их профессиональной деятельностью и положением в сельском социуме, способствовало возникновению социальных, экономических конфликтов. Рассмотрим ряд случаев. На страницах газеты «Восточное обозрение» в 1900 г. описаны махинации писаря с. Титовского Таранинской волости Кузнецкого уезда Томской губ. при выдаче посевного зерна нуждающимся крестьянам, вызвавшие неудовольствие последних³. Не сложились отношения у крестьян с волостным писарем в Кайлинской волости Томского уезда. Писарь стал требовать с крестьян недоимки и подати, хотя по всем приметам год обещал быть неурожайным. Ослушаться писаря крестьяне боялись⁴. Приведем еще один пример. «Иноходец» Янчин жаловался в 1911 г. на волостного писаря Иванова, работавшего в Тукузской волости Тобольской губ., который якобы засадил его в каталажную камеру без всяких на то оснований. Впоследствии писарь был оправдан⁵.

Следует обратить внимание, что профессиональная деятельность агрономического и ветеринарного персонала во многом зависела от того, насколько успешно сложатся взаимоотношения с деревенскими обывателями. Так, на Третьем Всероссийском съезде ветеринарных врачей в Харькове в 1914 г. было признано, что эффективна борьба с повальным воспалением легких скота наблюдается только тогда, когда присутствует

---

¹ *Новый*. Корреспонденции: из Залесовской волости // Жизнь Алтая. 1911. 23 сент.

² См., например: Природа и население Алтая // ТЕВ. 1891. № 3. Ч. неофиц. С. 6.

³ Корреспонденции // ВО. 1900. 22 февр.

⁴ *Valana*. Корреспонденции // ВО. 1900. 12 июля.

⁵ ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 35. Д. 1008. Л. 5.

содействие местного населения¹. К таким же выводам приходит техник полеводства из Томской губ., приславший в 1914 г. статью в журнал «Сибирская деревня»².

Итак, во взаимоотношениях сельских интеллигентов можно выявить, с одной стороны, общность интересов и устремлений, которые нередко были, судя по данным источников, направлены на улучшение жизни крестьян, оказание им посильной помощи, что свойственно для интеллигентского сообщества и сельской местности Западной Сибири, и империи в целом. Интеллигенты, судя по данным источников, ощущали себя некой общностью, обособленной по отношению к большинству населения страны, обладающей знаниями и умениями, недоступными основной крестьянской массе и позволяющими им заниматься преобразовательной деятельностью. Это получило выражение и в совместном досуговом времяпровождении интеллигенции, что позволяет говорить о том, что она выделяла себя из основной массы сельского населения, осознавая свою общность, обособленность в селе, демонстрируя свою групповую идентичность.

Наши источники показывают, что сельские интеллигенты далеко не всегда своей деятельностью способствовали модернизации социальных отношений в сельской местности. В поведении сельских интеллигентов. В их взаимоотношениях с сельскими жителями зачастую присутствовали признаки их приверженность традиционным ценностям. Нередко обладая определенными экономическими возможностями, а порой и властными полномочиями, интеллигенты оказывали благодеяния по отношению к крестьянам, либо, наоборот, демонстрировали свое превосходство над ними, иногда даже ценою нарушения должностных полномочий и этических норм. Своей покровительственной позицией по отношению к селянам интеллигенты воссоздавали и без того существующую в сельской местности «патерналистскую модель социальных отношений»³, которая предполагает иерархию и неравенство ее субъектов. Социальные изменения, характерные для процесса модернизации, на первых порах протекали медленно и незаметно, и сельские интеллигенты вынуждены были приспособливаться к сельскому социуму с его патриархальными ценностями, принимать его ценности и в некоторой степени сливаться с ним.

---

¹ Результаты 3-го Всероссийского съезда ветеринарных врачей в Харькове // Архив ветеринарных врачей. 1914. Кн. 2. Ч. неофиц. С. 189.

² Халтурин И. С. Наши сельскохозяйственные школы // Сиб. деревня. 1914. № 17. С. 10.

³ Ермоленко Т. Ф. Патерналистские контуры российской модернизации. Ростов н/Д, 2011. С. 268.

В целом успешность профессиональной и общественной деятельности сельских интеллигентов во многом была связана с существовавшей традицией общения в конкретном населенном пункте интеллигенции и крестьян. Значимыми при формировании отношений интеллигентов и крестьян были личностные характеристики представителей интеллигенции.

Выводы по главе 2

В ходе исследования нами установлено, что в процессе своей профессиональной и общественной деятельности сельские интеллигенты активно взаимодействовали с представителями власти. В Западной Сибири, в связи с отдаленным положением населенных пунктов от административных центров, на сельских интеллигентов были возложены некоторые представительские и властные функции. При этом интеллигенты могли применять свои полномочия не только для пользы профессиональной деятельности, но и в личных корыстных целях, что провоцировало конфликты с вышестоящим начальством. Во взаимоотношении с властью интеллигенция демонстрировала свою идентичность, так как оппонентские отношения интеллигенции и власти – важный и универсальный компонент интеллигентского дискурса всегда и везде в России.

Деятельность сельской интеллигенции была направлена на распространение церковного и светского образования с целью повышения грамотности и духовности у деревенского населения региона, что являлось необходимостью в условиях модернизирующегося общества. Подобные начинания были обусловлены профессиональными обязанностями некоторых групп сельских интеллигентов, а также являлись направлением общественной деятельности, инициативы отдельных представителей интеллигенции. Часто просветительная деятельность являлась обязательным приложением к основным профессиональным обязанностям интеллигентов.

Можно утверждать, что наиболее существенный вклад в просвещение западносибирской деревни внесли сельские педагоги и православное духовенство, что было связано как с особенностями их профессиональной деятельности, так и с численным преобладанием в сравнении с другими группами интеллигенции. Просветительская деятельность интеллигенции была связана как с непосредственной организацией

учебного процесса, так и с изысканием ресурсов для его устройства. Отметим, что в поле просветительской деятельности интеллигентов попадали преимущественно представители молодого поколения жителей села, с которыми интеллигенты контактировали значительно чаще, чем со взрослыми. Просветительская активность сельских интеллигентов Западной Сибири отражает их включенность в общероссийское сообщество интеллигенции, активно занимавшейся этим направлением деятельности. Просветительство в большей степени, чем какое-либо другое направление активности интеллигентов, свидетельствует о том, что они, влившись в сельский социум, стремились улучшить положение селян.

Нами установлено, что интеллигенты оказали позитивное влияние на модернизационные процессы в сельском хозяйстве крестьян Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. Они занимались распространением передовых для того времени сельскохозяйственных знаний среди крестьян; внедряли в их хозяйство огородничество, травосеяние, знакомили с эффективными способами обработки зерна и борьбы с вредителями; старались улучшить животноводческую отрасль хозяйства; демонстрировали крестьянам рациональные способы пчеловодства; стремились предотвращать эпизоотии; внедряли улучшенные породы скота в хозяйство крестьян, приобщали селян к рациональному способу содержания скота, что сказывалось на продуктивности хозяйства. Интеллигенция стремилась создавать в селе кооперативы, артели, которые должны были способствовать повышению благосостояния крестьян.

Внутригрупповые отношения сельских интеллигентов складывались и в процессе совместной профессиональной деятельности, и при осуществлении общественной активности. В первом случае они оформлялись чаще всего на основе регламентированных нормами закона требований. Досуговое время интеллигенты предпочитали проводить, как правило, отдельно от основной массы селян. Именно в кругу коллег интеллигенты предпочитали обсуждать наболевшие вопросы, актуальные проблемы действительности. Это позволяет утверждать, что интеллигенция осознавала свою идентичность, несмотря на то, что ее члены принадлежали к разным профессиональным группам. Она позиционировала себя в рамках сельского сообщества как некая целостная и достаточно обособленная группа.

Нами выявлено, что успешность профессиональной активности сельских интеллигентов во многом зависела от характера взаимоотношений с крестьянами: чем благоприятнее складывались отношения с сельским обществом, тем результативнее становилась деятельность интеллигентов. На начальном этапе модернизации традиционного общества сельские интеллигенты, с одной стороны, способствовали внедрению инноваций в жизнь сельского сообщества, с другой стороны, сами приспособлялись к деревенской среде, постепенно сливаясь с ней по ряду позиций.

Отметим, что некоторые интеллигенты во время профессиональной деятельности объединялись, злоупотребляя должностным положением с целью достижения своих корыстных целей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отечественные и зарубежные исследователи активно изучают вопросы, посвященные интеллигенции России. По мнению ученых, материализм, утилитаризм и позитивизм образовали идеологию русской интеллигенции XIX в., также на самоопределение интеллигенции оказала большое влияние художественная литература, которая создавала для нее образцы поведения. Наша диссертация позволит представить процесс становления и развития сельской интеллигенции Западной Сибири в конце XIX – начале XX в., проследить формирование ее идентичности; охарактеризовать влияние интеллигентов на социокультурное и экономическое развитие зауральской деревни на начальной стадии развития модернизационных процессов.

Изучив обширный пласт исследовательской литературы и источников, мы выделили и проанализировали следующие группы условий, предопределивших возникновение и развитие сельской интеллигенции в Западной Сибири конца имперского периода: этическое самоопределение интеллигентов, влияние социально-политических, экономических, географических и природно-климатических факторов.

Строительство Транссибирской железной дороги упрочило взаимосвязь Сибири с центром страны в экономическом плане, многократно усилило переселение крестьян из Европейской России за Урал. Строительство железной дороги способствовало возникновению специализации и росту товарности хозяйственной деятельности крестьян; концентрации и кооперированию капиталов. В то же время сформировалось транзитное положение региона, которое увеличило риски заражения местных жителей опасными заболеваниями и распространения эпизоотий. Всё это вынуждало власть осуществлять меры по развитию церковной сети, формированию медицинской инфраструктуры, увеличивать численность духовенства, ветеринарного и медицинского персонала. Законодательная и административная политика государства, наметившиеся модернизационные процессы (урбанизация, кооперативное движение, распространение улучшенных форм сельскохозяйственного производства, активная деятельность политических и общественных неполитических организаций, становление сети начальных образовательных учреждений) также способствовали становлению сельской интеллигенции. Все рассмотренные выше факторы влияли на динамику количественных и качественных

характеристик сельской интеллигенции, определяли направления ее профессиональной и общественной деятельности.

Привлеченные нами в процессе работы источники и исследовательские работы позволили сделать вывод о том, что сельская интеллигенция Западной Сибири приблизительно с середины 80-х гг. XIX в. началась оформляться в особую полипрофессиональную региональную группу, количество представителей которой неуклонно росло. Нами выявлено, что в период с 1897 до 1914 г. численность сельской интеллигенции в регионе выросла в 1,8 раза – с 6 тыс. до 11 тыс. человек, что соответствовало общей динамике увеличения численности сельского населения. Среди сельской интеллигенции преобладали мужчины православного вероисповедания в возрасте 20–39 лет, имевшие начальное, реже – среднее образование. Материальное благосостояние интеллигенции со временем улучшалось, однако оставалось в целом неудовлетворительным, по мнению самих интеллигентов. Отношение к своему материальному благосостоянию показывает, что идентичность сельских интеллигентов в исследуемый период находилась в процессе становления. Для интеллигентского дискурса было свойственно отрицательное отношение к накопительству и обогащению, а демонстрируемое поведение интеллигентов не соответствовало декларируемым ценностям.

При описании любой общности людей важно охарактеризовать социальный портрет ее членов, так как он позволяет реконструировать элементы групповой идентичности. Социальный портрет сельской интеллигенции Западной Сибири как региональной части социального слоя интеллигенции России содержит черты, которые были свойственные интеллигенции в целом: стремление к служению народу, духовность, высокие нравственные идеалы, и в то же время – неустроенность быта, бесправное положение в сельском обществе. Следует подчеркнуть, что возвышенным социальным и этическим стандартам соответствовала основная, «ядерная» часть сельской интеллигенции, которая занималась – как по долгу службы, так и в порядке личной инициативы – просветительской деятельностью, оказанием медицинской, а зачастую и экономической помощи всем нуждающимся в ней, устройством праздничных мероприятий для крестьян. Однако довольно многочисленным был периферийный круг «полуинтеллигентов», не соответствовавших стандартам профессионализма, социальной активности и нравственности.

Сельские интеллигенты Западной Сибири, воспользовавшись наметившимися в сельской местности модернизационными процессами, активно начали проводить в деревне культурные и социально-экономические преобразования. Внедряя в сельское сообщество инновационные знания и преобразования, тем самым проявляя свою активную гражданскую позицию, интеллигенция осознавала необходимость сохранения духовных ценностей крестьянского сообщества (уважительного отношения к старшим, взаимопомощи, профилактики антисоциального поведения) и способствовала передаче их последующим поколениям сельских тружеников.

Важным направлением профессиональной и общественной деятельности сельской интеллигенции являлась активность, направленная на распространение как светского, так и духовного образования. Интеллигенты рассматривали просветительство как эффективный способ улучшения культурного и экономического положения крестьянства, действовали при этом в рамках должностных предписаний и личных инициатив. Следует отметить, что подобная активность интеллигенции осуществлялась в условиях малочисленности образовательных учреждений, в которых зачастую отсутствовал необходимый инструментарий для осуществления образовательного процесса. Эти факторы определяли направления просветительской активности интеллигентов, которые инициировали строительство и открытие образовательных учреждений в селе; приобретали на свои средства книги и учебные принадлежности; занимались постановкой спектаклей, способствовавших приобщению крестьян к литературным произведениям и приносивших денежные средства, которые затем использовались на нужды школы, на открытие и содержание библиотек.

Распространение духовного образования в сельской местности осуществляли преимущественно представители педагогической профессии и сельское приходское духовенство. В деле духовно-нравственного воспитания крестьян государство и представители сельской интеллигенции большие надежды возлагали на такую школьную дисциплину, как Закон Божий, преподавание которого должно было осуществляться сельским священником или другим представителем сельского клира, если священнослужитель не мог выполнять такую деятельность. Практиковались случаи, когда названный предмет преподавал школьный учитель, контролируемый священником. Духовно-нравственное воспитание крестьян осуществлялось при помощи церковного

пения, а также личного примера нравственной жизни интеллигента; активно практиковались проповеди, беседы, духовно-нравственные чтения для народа. Однако в поле просветительской деятельности попадали преимущественно представители молодого поколения жителей села, с которыми интеллигенты контактировали значительно чаще.

Нами установлено, что некоторые аспекты духовно-нравственного воспитания крестьян, осуществляемого сельской интеллигенцией, в отдельных случаях выступали тормозом в качественном обновлении сельской жизни. Это проявлялось в приоритете «душеспасительных» книг над светскими; в подозрительном отношении к некоторым прогрессивным способам ведения сельского хозяйства и т. д. Сельское общество, вступившее в новые для того времени социально-экономические отношения, подходило избирательно к предлагаемому интеллигенцией материалу. Подобная ситуация заставляла интеллигентов быть более отзывчивыми к потребностям изменяющегося общества, что получалось у них с разной степенью успешности.

Одним из актуальных для конца XIX – начала XX в. направлений просветительской деятельности была активность интеллигентов по распространению медицинских, санитарно-гигиенических знаний в сельском социуме. Интеллигенция знакомила крестьян с заболеваниями, способствующими возникновению эпидемий, а также информировала о том, какие меры необходимо предпринимать для их предотвращения, а в случае возникновения – для лечения.

Говоря о просветительской деятельности интеллигенции, следует учитывать, что данное направление ее активности не могло в исследуемый нами период оказать решающего влияния на распространение образования, на социокультурную ситуацию в регионе. Во многом это было обусловлено малочисленностью интеллигентов в сельской местности, отсутствием необходимых финансовых средств, непониманием замыслов интеллигентов крестьянским сообществом. Заслуга интеллигентов, на наш взгляд, заключается в том, что ими были заложены основы для тех преобразований в области просвещения, которые произойдут в более позднее время. Данный же этап в развитии образования в регионе, благодаря деятельности интеллигентов, являлся подготовительным, способствовал осознанию крестьянством практической необходимости в обучении грамотности, формировал положительное отношение населения к образовательным учреждениям.

Просветительство являлось важным компонентом идентичности изучаемой нами регионального полипрофессионального сообщества, так как это направление деятельности характерно для всей российской интеллигенции в разные исторические периоды. Просветительство не привело к преодолению чувства «оторванности от народа», которое традиционно присутствовало у представителей российской интеллигенции. Однако это направление деятельности сельских интеллигентов Западной Сибири отражает их поведенческую позицию. В рамках просветительской активности интеллигенты демонстрировали не только рациональные формы поведения, характерные для модернизирующегося общества, но и вполне традиционные формы, что вписывалось в их сценарий взаимодействия с крестьянами и свидетельствовало о незавершенности процесса идентификации сельской интеллигенции.

Опираясь на данные источников, можно утверждать, что одним из первостепенных направлений общественной активности сельской интеллигенции в деревенской местности была деятельность, направленная на распространение инновационных сельскохозяйственных знаний среди крестьян. Интеллигенция выступала транслятором и катализатором внедрения сельскохозяйственных инноваций в сельской местности — использования сельскохозяйственных машин, удобрений, улучшенных семян и пород скота, устройства показательных пасек, посевных полей и огородов, теплых загонов для животных, организации артелей и кооперативов. Важным способом внедрения сельскохозяйственных инноваций в хозяйственную деятельность крестьян становился личный пример хозяйственной деятельности интеллигентов.

В диссертационном исследовании показано, что организация в сельской местности Западной Сибири кооперативов, артелей также являлась одними из направлений деятельности сельской интеллигенции, она должна была способствовать повышению благосостояния селян. Интеллигенты не только устраивали ознакомительные лекции, чтения, посвященные функционированию этих организаций, но и активно участвовали в их создании. Являясь сами зачастую членами кооперативов и артелей, интеллигенты, в связи с отсутствием в большинстве деревень людей, обладающих необходимыми специальными знаниями, осуществляли ведение всего документооборота организаций, что ложилось на них довольно тяжелым бременем.

Значимой для экономического благосостояния крестьян являлась профессиональная и общественная деятельность интеллигенции по борьбе с эпизоотиями, которые наносили селянам ощутимый материальный ущерб. При этом интеллигенты занимались не только объяснением крестьянам причин распространения повальных болезней, методов их лечения и предупреждения, но и лечением заболевших животных. В случае необходимости инициировалось физическое уничтожение больного скота, и это нередко вызывало недоверие и враждебное отношение крестьян к интеллигенции. Проводилась как теоретическая, так и практическая работа по ознакомлению крестьян с мерами, необходимыми для борьбы с грызунами, которые уничтожали посевы на полях селян.

Проделанная нами исследовательская работа позволяет говорить о том, что активность сельских интеллигентов по распространению инновационных сельскохозяйственных знаний в аграрном секторе не всегда находила поддержку в сельском обществе. Кроме того, отдельные представители самой интеллигенции являлись противниками внедрения инноваций в крестьянские хозяйства, применения современных для того времени сельскохозяйственных машин. Заслуга интеллигентов, на наш взгляд, состояла в том, что они подготовили крестьян к позитивному восприятию сельскохозяйственных преобразований, которые массово проявились в стране в более позднее время. Кроме того, интеллигенты наметили основные направления и способы деятельности для своих последователей по внедрению инноваций в сельской местности. В целом интеллигенция являлась не только актором преобразований в аграрном секторе экономики деревни Западной Сибири, но и вынуждена была выстраивать рациональные стратегии поведения, чтобы быть способной ответить на вызовы модернизационных процессов.

Проанализировав корпоративное общение интеллигентов в профессиональной сфере, мы выявили, что оно регламентировалось должностными предписаниями. Однако были случаи, когда интеллигенты объединялись, нарушая должностные регламентации, злоупотребляли служебным положением в своих корыстных интересах. Сельская интеллигенция взаимодействовала также в процессе общественной деятельности: во время организации просветительских мероприятий, оказания медицинской помощи крестьянам и пр. Таким образом, если в рамках профессиональной деятельности между интеллигентами существовала субординация, то общественная активность практически нивелировала подобные условности.

Взаимные симпатии, общность интересов определяли и досуговое времяпровождение интеллигентов, которые устраивали творческие вечера, ходили друг к другу в гости, организовывали совместные семейные праздники. Обособленность интеллигентов от крестьян во время досугового времяпровождения подчеркивала их идентичность, «инаковость» в социальной структуре сельского сообщества.

Для самоидентификации сельской интеллигенции Западной Сибири конца XIX – начала XX в., как и для интеллигенции России в целом, было важным противопоставление себя и условного «народа». Опираясь на материалы источников, мы показали, что определяющими для профессиональной и общественной деятельности интеллигенции были взаимоотношения, которые складывались между представителями этого слоя и крестьянами. При этом частота взаимодействия с селянами не у всех профессиональных групп интеллигентов была одинаковой. Если с учителем, пастырем, писарем крестьяне контактировали чуть ли не ежедневно, то к таким представителями интеллигенции, как медицинский и ветеринарный персонал, специалисты агрономической сферы, крестьянские начальники, в связи с малочисленностью этих групп интеллигентов на обширных территориях Западной Сибири, селяне обращались значительно реже. Вероятно, по этой причине и взаимоотношения между ними и крестьянами складывались более стабильные, с налетом деловитости. В целом доминировали отношения интеллигенции и крестьян, строящиеся на симпатии, взаимопонимании и уважении. В сложных ситуациях, которые часто возникали в повседневной жизни крестьянского сообщества, интеллигенты оказывали ему как духовную, так и материальную поддержку. Многие интеллигенты успешно сотрудничали с жителями села, были примером для подражания.

В то же время деятельность интеллигентов в сельской местности часто сопровождалась конфликтными моментами, возникающими как по их вине, так и по вине деревенских жителей. Напряженные отношения возникали тогда, когда крестьяне не видели практической пользы от деятельности сельских интеллигентов. В таких случаях селяне старались либо избежать общения с интеллигентами, либо свести их до минимума. Кроме того, крестьяне не всегда принимали нововведения, которые предлагала интеллигенция, так как не видели в них рационального зерна, либо ощущали их расхождение с существующими традициями. Особенно настораживала крестьян активность сельской интеллигенции, влекущая сельское общество к финансовым затратам (необходимость

постройки здания школы или больницы, покупки книг для библиотеки и т. д.). Обратим внимание на то, что конфликтные ситуации возникали и в результате злоупотребления иными из интеллигентов своим служебным положением.

Нужно отметить, что во взаимоотношении с сельскими жителями интеллигенты реализовали не только новые модели поведения, основанные на рационализме, но и вполне традиционные модели. Нередко демонстрировалось покровительство по отношению к селянам, но бывали и случаи демонстрации своего превосходства над крестьянами, что характерно для традиционного общества, где существует неравенство участников взаимоотношений. Подобная модель отношений может свидетельствовать о том, что сельские интеллигенты чувствовали свою обособленность от народа, это являлось частью их картины мира. С другой стороны, проявления традиционализма в образе жизни сельских интеллигентов указывают на то, что в условиях модернизации интеллигенция приспособлялась к сельскому социуму с его преимущественно патриархальными ценностями, постепенно сближаясь с ним.

Одним из сложных вопросов при исследовании интеллигенции является изучение ее отношений с властью, так как противостояние «интеллигенция – власть» является неотъемлемым компонентом идентичности интеллигенции. Взаимоотношения интеллигенции с властью традиционно принято было рассматривать в свете теории конфликтов. Однако, учитывая удаленность Западной Сибири от политических и культурных центров, а, следовательно, и от органов власти, следует отметить некоторые особенности взаимоотношений сельской интеллигенции с властями в нашем регионе. С одной стороны, интеллигенты находились в прямой зависимости от тех руководящих органов, которые определяли их на замещение вакансии в конкретный населенный пункт, регламентировали и контролировали их профессиональную, а порой и личную жизнь, выплачивали жалование за трудовую деятельность. Однако, в связи с отдаленным положением населенных пунктов от административных центров, представители сельской интеллигенции сами нередко являлись представителями власти, наделялись определенными полномочиями. Интеллигенты знакомили население с государственными законами, распоряжениями, новостями, которые зачастую приходилось разъяснять крестьянам; вели отчетную документацию; следили за осуществлением мероприятий по профилактике эпидемий и эпизоотий или по их предотвращению; могли наложить

штраф; принимали участие в решении местных проблем, конфликтов. В своем большинстве состоя на государственной службе, интеллигенты выражали лояльное отношение к власти, так как жалование было главным источником их дохода. Но в то же время они обычно стремились своей профессиональной деятельностью способствовать улучшению положения сельских жителей. При этом отдельные персоны пользовались предоставленными им государством властными полномочиями с целью решения своих личных вопросов, что могло и противоречить интересам сельского сообщества.

Подводя итоги, можно констатировать, что сельская интеллигенция Западной Сибири конца XIX – начала XX в. являлась оформленной полипрофессиональной общностью, которая сочетала в себе черты, присущие всей интеллигенции страны, а также обладала специфическими региональными характеристиками. Деятельность интеллигенции в сельской местности исследуемого региона в сфере просветительства, духовно-нравственного воспитания крестьян, а также по внедрению инновационных знаний и процессов в их хозяйственную деятельность, имела определенную степень успешности. Эта степень успешности не могла быть высокой в силу глубокой укорененности в деревне традиционных ценностей, форм общественной жизни и культуры, а также малочисленности интеллигентов по сравнению с крестьянским населением региона. В изучаемый период не существовало условий, которые обеспечивали бы достижение решающих успехов и, тем более, завершение модернизационных процессов в сельской местности, что было обусловлено направлением государственной политики и состоянием образования деревенского общества. Однако заслуга интеллигенции состояла именно в том, что она подготовила деревенское общество, крестьянские хозяйства к восприятию тех преобразований, которые осуществились как в западносибирском селе, так и во всем государстве в более позднее время.

Перемены, начавшиеся в общественной жизни в связи с началом Первой мировой войны, привели к изменению положения интеллигенции в сельском социуме, к утрате многих аспектов просветительской и общественной деятельности интеллигентов. Произошло усложнение взаимоотношений интеллигенции с крестьянами, с властью; видоизменились внутригрупповые взаимоотношения внутри самой интеллигенции, что, на наш взгляд, свидетельствовало о начале качественно нового этапа развития полипрофессионального сообщества сельской интеллигенции Западной Сибири.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники

Государственный архив Алтайского края (ГААК)

- Ф. 65 – Томское губернское управление.
- Ф. 164 – Алтайская духовная миссия.
- Ф. 178 – Крестьянский начальник 1-го участка Бийского уезда.
- Ф. 181 – Нижне-Чарышское волостное правление.
- Ф. 182 – Бащелакское волостное правление.

Государственный архив в городе Тобольске (ГАТ)

- Ф. 3 – Переселенческое отделение Тобольского губернского управления.
- Ф. 152 – Тобольское общее губернское управление.
- Ф. 156 – Тобольская духовная консистория.
- Ф. 352 – Врачебное отделение Тобольского губернского управления.

Государственный архив Томской области (ГАТО)

- Ф. 1 – Томское губернское правительство, г. Томск.
- Ф. 3 – Томское губернское управление.
- Ф. 4 – Томская губернская врачебная управа.
- Ф. 100 – Канцелярия Дирекции училищ Томской губ.
- Ф. 126 – Канцелярия попечителя Западно-Сибирского учебного округа.
- Ф. 170 – Томская духовная консистория.
- Ф. 171 – Томское епархиальное попечительство о бедных духовного звания, г. Томск.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

- Ф. 398 – Департамент земледелия.
- Ф. 796 – Канцелярия Синода.
- Ф. 1149 – Департамент законов Государственного Совета.
- Ф. 1237 – Предварительное совещание для обсуждения вопросов по финансовым, промышленным и хозяйственным предприятиям России на Дальнем Востоке при Государственном Совете.
- Ф. 1273 – Комитет Сибирской железной дороги.
- Ф. 1276 – Совет Министров (1905–1917).
- Ф. 1288 – Главное управление по делам местного хозяйства МВД.
- Ф. 1291 – Земский отдел МВД.

Ф. 1298 – Управление главного врачебного инспектора МВД.

Ф. 1409 – Собственная его императорского величества Канцелярия.

Опубликованные источники

Законодательные и распорядительные издания

Войно, И. К. Сборник законов, правил, наставлений и распоряжений правительства для врачей, фармацевтов, ветеринаров и прочих медицинских чинов: в 3 ч. / сост. И. К. Войно. Киев: Тип. Е. Я. Фёдорова, 1871. 583 с.

Волчков, В. Руководство для крестьян: сборник действующих узаконений, касающихся общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов / В. Волчков. М.: Тип. М. Н. Лаврова, 1880. 256 с.

Законы и справочные сведения по начальному народному образованию / под ред. А. С. Пругавина. 2-е значит. доп. изд. СПб.: Обществ. польза, 1904. XLVIII, 1095 с.

Инородческие и иноверческие училища: системат. свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справ. сведений об училищах / сост. Г. Фальборком, В. Чарнолуским. Неофиц. изд. СПб.: [б. и.], 1903. [2], 62 с.

Настольная книга земского начальника и волостного правления: делопроизводство земского начальника, надзор земского начальника за волостными и сельскими правлениями и волостными судами: с прил. копии циркуляров Министерства внутренних дел, изданных в дополнение Закона 12 июля 1889 г. по 1 сент. 1894 г. / сост. Н. Г. Яновский. Ромны: Тип. братьев Дельберг, 1894. 512 с.

Обозрение церковно-гражданских узаконений по Духовному ведомству (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов): с ист. прим. и прил.: справ. кн. / сост. Я. Ивановский. СПб.: Синод. тип., 1883. VI, IV, 365 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е (1825–1881). СПб.: [б. и.], 1830–1884. Т. 1–55; Собр. 3-е (1882–1913). СПб.; Пг.: [б. и.], 1885–1916. Т. 1–33.

Полный круг духовных законов (по Своду законов, его приложениям, Духовному регламенту и Уставу духовных консисторий) / сост. И. П. Богословский. Изд. 2-е. СПб.: Синодал. тип., 1881. 524 с.

Правила о церковноприходских школах. Томск: Типолит. Михайлова и Макушина, 1886. 7, [1] с.

Правила о школах грамоты. Томск: Типолит. Михайлова и Макушина, 1891. 8 с.

Руководство для крестьян: сборник действующих узаконений, касающихся обществ, их управлений и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов / сост. В. Волков. М.: Тип. М. Н. Лаврова, 1880. 256 с.

Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по Ведомству православного исповедания / сост. Т. Барсов. СПб.: Синодал. тип., 1895. 656 с.

Сборник постановлений о пенсиях и единовременных пособиях: за службу по военно-сухопутному и гражданскому ведомствам всех министерств с изменениями и дополнениями, обнародованными по 1 июля 1873 г. с прил. особо составленной таблицы, определяющей оклады и количества пенсий / сост. и изд. А. Веденеевым. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1874. [4], 151, III с.

Свод законов Российской империи / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского; сост.: Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг. Изд. неофиц. СПб.: [б. и.], 1912. Т. 13. 341 с.

Свод законов Российской империи по Продолжениям 1906, 1908, 1910 гг. и позднейшим узаконениям 1911 и 1912 гг. / сост.: Н. Е. Озерецковский, П. С. Цыпкин; под ред. А. А. Добровольского. Неофиц. изд. СПб.: Законоведение, 1913. Кн. 1–4.

Свод законов Российской империи: все 16 томов со всеми относящимися к ним приложениями в одной книге / под ред. А. Ф. Волкова, Ю. Д. Филиппова. Неофиц. изд. СПб.: Обществ. польза, 1897–1898. Т. 1–16.

Свод законов Российской империи: все 16 томов, исправленных по Продолжениям 1906 и 1908 гг. и позднейшим узаконениям: в 4-х кн. / сост. А. М. Нюренберг. Неофиц. изд. М.: [б. и.], 1910–1912. Кн. 1–4.

Свод узаконений и распоряжений Правительства по врачебной и санитарной части в империи / под ред. Л. Ф. Рагозина. СПб.: Мед. департамент, 1896. Вып. 2. 871 с.

Собрание законов для православного духовенства: сост. по Своду законов и Уставу духовных консисторий, с разъяснениями кассационных департаментов Правительствующего Сената и др. офиц. источникам: с прил. систематического и алфавитного указателей. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1879. 514 с.

Указы из Святейшего правительственного Синода за 1900–1911 гг. [Конволют]. СПб.: [б. и.], 1900–1911.

Устав духовных консисторий / под ред. Ф. В. Ливанова. СПб.: Тип. М. Хана, 1871. 306 с.

Уставы о пенсиях и единовременных пособиях: (по Своду законов изд. 1857 г. и по продолж. 1863, 1864, 1868, 1869, 1871 и 1872 гг.) / сост. В. А. Иванов. СПб.: Тип. А. Граншеля, 1873. [4], IV, 512 с.

Циркулярные указы Святейшего правительственного Синода 1867–1900 гг. / сост. А. Завьялов. Изд. 2-е. СПб.: Изд-во книготорговца И. Л. Тузова, 1901. 444 с.

Статистические и справочные издания

Азиатская Россия: в 3 т. / Изд. Переселен. упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия. СПб.: Тип. Тов-ва А. Ф. Маркс, 1914.

Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного окр. / под ред. П. А. Голубева. Томск: Типолит. Михайлова и Макушина, 1890. IV, II, 436 с.

Волости и населенные места 1893 г. / вступ. ст. Н. Троицкого. СПб.: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1894. Вып. 10: Тобольская губ. [2], 204, 12, 111 с.

Волости и населенные места 1893 г. / сост. А. Н. Петровский. СПб.: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1893. Вып. 1: Акмолинская обл. [2], 25, 15 с.

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода за 1902 г. СПб.: Синодал. тип., 1905. VIII, 321, 83 с.

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода за 1913 г. Пг.: Синодал. тип., 1915. XI, 316, 142 с.

Краткий обзор деятельности правительственной агрономической организации в Сибири в 1911 г. М.: Тип. П. П. Сойкина, 1912. 222 с.

Ласков, Ю. И. Статистический и исторический материал по сельской медицине в Акмолинской обл. за 1884–1910 гг. / Ю. И. Ласков. Омск: Врачеб. отд-ние Акмолин. обл. правл., 1911. 70 с.

Мисюрев, А. А. Краткий историко-статистический очерк Томской епархии / А. А. Мисюрев. Томск: Пар. типолит. П. И. Макушина, 1897. 76 с.

Обзор Акмолинской обл. за 1898 г. Омск: Акмол. обл. правление, 1900. 115 с.

Обзор Акмолинской обл. за 1912 г. Омск: Акмол. обл. правление, 1913. 150 с.

Обзор Тобольской губ. за 1898 г.: (прил. ко всеподданнейшему отчету). Тобольск: Губерн. тип., 1900. 33, [70] с.

Обзор Томской губ. за ... [1879–1912 гг.]: прил. к всеподданнейшему отчету. Томск: Губерн. тип., 1880–1914.

Общий свод по [Российской] империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г. СПб.: МВД, Центр. стат. ком., 1905. Т. 1–2.

Однодневная перепись начальных школ в [Российской] империи, произведенная 18 янв. 1911 г. / ред. В. И. Покровский. СПб.: М-во народ. просвещения, 1914. Вып. 12/15: Азиатская Россия. 285 с. разд. паг.

Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 янв. 1911 г. / ред. В. И. Покровский. Пг.: М-во народ. просвещения, 1916. Вып. 16: итоги по империи. IV, 150 с.

Омская епархия: опыт географического и историко-статистического описания городов, сел, станиц и поселков, входящих в состав Омской епархии / сост. К. Ф. Клеменский. Омск: Тип. А. К. Демидова, 1900. VIII, 422, IV с., 24 л. ил., карт.

Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1914 г. Пг.: Тип. М-ва внутр. дел, 1916. VIII, 63, 211 с.

Палопеженцев, Н. И. Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском окр. Тобольской губ.: (ист.-статист. очерк) // Ежегодник Тобольского губ. музея. 1893. Вып. 1. С. 91–102 (2-я паг.); 1894. Вып. 2. С. 1–90 (отд. паг.); 1895. Вып. 3. С. 1–66 (отд. паг.).

Памятная книжка Акмолинской обл. на 1914 г. / сост. В. С. Недашковским. Омск: Обл. тип., 1914. [5], 167, 96 с., [4] л.

Памятная книжка Западной Сибири на... [1881, 1882, 1916 гг.]. Омск: тип. Окруж. штаба, 1881, 1882, 1916.

Памятная книжка Томской губ. на 1908 г. Томск: Губ. тип., 1908. [10], 210, [1], 1–16, 16а–бг, 17–56, 80, [2] с.

Памятная книжка Томской губ. на 1910 г. Томск: Губ. упр., 1910. IV, 317, [1], 230, 50 с.

Памятная книжка Томской губ. на 1912 г. Томск: Губ. упр., 1912. [1], 199, 164, 52 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: в 89 т. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: МВД, Центр. стат. ком., 1905. Т. 78: Тобольская губ. 247 с.; 1904. Т. 79: Томская губ. 246 с.; 1904. Т. 81: Акмолинская обл. 135 с.

Путинцев, Н. Д. Статистический очерк Томской губ. / Н. Д. Путинцев. Самара: Типолит. Н. А. Жданова, 1892. 133, [3] с., 1 карта.

Россия, 1913 год [Электронный ресурс]: стат.-док. справ. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Stat/36.php (дата обращения: 21.08.2014).

Список населенных мест Тобольской губ. 1912 г. / сост. Л. И. Зездин. Тобольск: Губ. стат. ком., 1912. [1], 634, IX с.

Список населенных мест Томской губ. за 1893 г. Томск: Губ. стат. ком., 1893. 381, [4] с.

Список населенных мест Томской губ. на 1911 г. Томск: Губ. стат. ком., 1911. 577, XXVI с.

Справочная книга Омской епархии / сост. И. Голошубин. Омск: Тип. «Иртыш», 1914. [2], IV, 1250 с.

Справочная книга по Томской епархии 1914 г. / сост. В. А. Карташев. Томск: Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1914. 594 с.

Справочная книга по Томской епархии за 1898–1899 гг. Томск: Тип. Епархиал. братства, 1900. 458 с.

Справочная книга по Томской епархии за 1902–1903 гг. / под ред. Д. Е. Березова. Томск: Тип. Епархиал. братства, 1903. 508 с.

Справочная книга по Томской епархии за 1909–1910 гг. по 1 марта 1911 г. Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1911. 779 с.

Справочная книга: (состав священно- и церковнослужителей Томской епархии с указанием существенных сведений для каждого члена причта) / сост. Г. Меншагин. Томск: Тип. «Сиб. вестн.», 1886. [1], 128 с.

Справочная книга Тобольской епархии к 1 сент. 1913 г. Тобольск: Тип. Епарх. братства, 1913. 66 с.

Статистический обзор Тобольской губ. за 1898 г. Тобольск: Тип. Губ. упр., 1899. 33 с.

Тобольская епархия. Омск: Тип. А. К. Демидова, 1892. Ч. 1–2.

Чудновский, С. Л. Переселенческое дело на Алтае: (стат.-экон. очерк) / С. Л. Чудновский. Иркутск: Тип. газ. «Вост. обзор.», 1889. Т. 1, вып. 2. 156 с.

Делопроизводственные материалы

Дьяков, И. А. Общий обзор состояния пчеловодства по Томской губ. и отчет за 1910 и 1911 гг. / И. А. Дьяков. Томск: Тип. Губ. упр., 1913. 21 с.

Еланцев, П. П. Обзор холерной эпидемии Томской губ. в 1892 г. / П. П. Еланцев. Томск: Типолит. П. И. Макушина, 1893. 43 с.

Журналы Епархиального съезда депутатов от духовенства и церковных старост Томской епархии 1913 г. Тобольск: Тип. Епархиал. братства, 1914. 244, VI с.

Журналы Общепархиального съезда духовенства и церковных старост Томской епархии, бывшего в июне 1911 г. Томск: Тип. Дома трудолюбия, 1912 (обл. 1913). 150 с.

Журналы Общепархиального съезда духовенства и церковных старост Томской епархии за 1914 г. Томск: Тип. Приюта и дома трудолюбия, 1914. 139, IV с.

Журналы Съезда отцов депутатов от духовенства Омской епархии, происходившего в 1899 г. в г. Омске Акмолинской обл. Омск: Тип. А. К. Демидова, 1899. 88 с.

Медведев, Н. Н. Переселенцы в Сибирь: доклад комитета Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам / Н. Н. Медведев. М.: Лештук. пар. скоропечатня П. О. Яблонского, 1890. 68 с.

Мисюрев, А. А. Краткие сведения по истории дирекции училищ Томской губ. / А. А. Мисюрев. Томск: тип. Дома трудолюбия, 1913. 86 с.

Отчет о деятельности Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим Акмолинской обл. за 1904 г. (девятый год). Омск: Тип. Акмол. обл. правления, 1905. 30 с., прил.

Отчет о деятельности Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в учебных заведениях Тобольской губ. за 1915 г. Тобольск, [б. и.], 1916. 56 с.

Отчет о деятельности Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в учебных заведениях Тобольской губ. Тобольск, [б. и.], 1908. 28 с.

Отчет Тобольского епархиального комитета Православного миссионерского общества, высочайше утвержденного, за 1901 г. Тобольск: [б. и.], 1902. 56 с.

Положение убойного дела и ветеринарного надзора за ним в Акмолинской обл., Тобольской и Томской губерниях: (из отчета по командировке С. И. Самборского). [СПб.]: тип. М-ва внутр. дел, [1904]. 10 с.

Результаты 3-го Всероссийского съезда ветеринарных врачей в Харькове // Архив ветеринарных врачей. 1914. Кн. 2. Ч. неофиц. С. 187–189.

Сущинский, П. Экономический быт и правовые отношения старожилов и новоселов на Алтае: (исследования на месте) / П. Сущинский. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1898. 39 с.

Периодические издания

Алтайский крестьянин: изд. Алтайск. союза кредит. и ссудосберегат. товариществ. Барнаул. До 1916 г. Газета. 1913. № 18, 28; 1914. № 16, 17, 21, 28.

Вестник воспитания: педагогический научно-популярный журнал / ред.-изд.: Е. А. Покровский, Н. Ф. Михайлов. М., 1890–1917 (до 1901 по 8 номеров в год, затем по 9). 1896. № 7; 1897. № 8.

Восточное обозрение: лит. и полит. газета. Иркутск. Ежедн. 1894. 28 авг., 11 сент.; 1896. 3 мая, 21 авг.; 1897. 29 янв., 5 марта, 16 марта, 26 марта, 4 июня, 27 июня, 2 июля, 7 дек.; 1899. 4 марта; 1900. 25 янв., 22 февр., 9 марта, 29 апр., 12 июля, 2 сент.; 1901. 4 янв., 25 февр., 8 мая, 24 мая, 13 июня, 23 сент., 30 сент., 3 окт.; 1902. 14 авг., 21 авг., 1 сент.

Жизнь Алтая: внепартийная, прогрессивная, обществ. и лит. газ. / изд. В. М. Вершинин; ред. (в разное время): А. И. Шапошников, П. А. Казановский, Л. И. Шумиловский,

Л. И. Шапошников. Барнаул, 1910–1917. Ежедн. 1911. 4 янв., 13 янв., 13 февр., 16 февр., 18 февр., 25 февр., 23 сент.; 1912. 3 янв., 5 янв., 2 февр.

Омские епархиальные ведомости / ред. Н. Александров. Омск, 1898–1918. 2 раза в мес. 1899. № 19; 1908. № 7; 1909. № 18.

Православный благовестник: миссионерский журнал / Православное миссионерское о-во. 2 раза в месяц. 1906. № 7/8.

Русская школа: педагогический журнал / ред.-изд. Я. Г. Гуревич. СПб., 1890–1918. Ежемес. 1903. № 2; 1908. № 9; 1915. № 2.

Сибирская деревня: орган Вост.-Сиб. о-ва сельского хозяйства, промышленности и торговли и Краснояр. отд. Московск. О-ва сельского хозяйства. Красноярск. Двухнедел. 1914. № 17.

Сибирская жизнь: ежедн. общедоступ. газета. Томск. Ежедн. 1899. 6 июня; 1901. 21 апр.; 1908. 17 февр.; 1909. 29 янв.; 1913. 7 мая, 16 нояб. 26 нояб., 12 дек.; 1914. 5 янв., 9 янв., 29 янв., 23 мая, 15 июня, 16 сент.

Сибирские вопросы: периодический сб., с 1906 г. – независимый прогрессивный журнал О-ва изучения Сибири и улучшения ее быта / ред. П. М. Головачёв, с 1909 г. – ред. А. И. Иванчин-Писарев; изд. В. П. Сукачев, 1905–1913. СПб.: тип. Альтшулера, с августа по ноябрь 1908 г. Тип. И. Флейтмана. С 1-го июля 1906 г. – ежемес. С 1-го апреля 1907 г. (с № 4). Еженед. 1907. № 3; 1908. № 17/18, 26; 1909. № 9, 22, 30, 35, 49/50; 1910. № 8/9, 44; 1911. № 1, 9/10, 11, 13/14, 15/16, 24/25, 26/27, 47/49.

Сибирский врач: газета научной и общественной медицины и врачебного быта. Томск. 1913–1916. Продолж. Еженед. 1914. 12 янв.; 26 янв.

Сибирские врачебные ведомости: газета врачебного дела в Сибири / ред. В. М. Крутовский. Красноярск, 1903–1907. 2 раза в месяц. 1904. № 2, 4.

Сибирский вестник: полит., лит. и обществ. газ. / ред.: В. П. Картамышев, М. Н. Загибалов, Г. В. Прейсман; изд. М. Ф. Картамышева. Томск, 1885–1905. С 1886 г. – 2 раза в нед., с № 89 – ежедн. 1903. 18 авг.; 1904. 11 апр., 1 окт.

Сибирский листок: газета частная тобольская / ред.-изд. М. Н. Костюрина. Тобольск, 1890–1919. 2 раза в мес., с 1907 г. – 3 раза в нед. В 1906 г. со 2 янв. по 7 июня газета была приостановлена. 1903. 26 июня; 1904. 5 сент.; 1906. 24 авг.; 1908. 20 янв.

Сибирь / ред.-изд.: В. И. Вагин, М. В. Загоскин. Иркутск, 1873–1887. Еженед. 1907. 21 авг.

Степной край: обществ.-полит. и лит. газ. / ред.-изд. Л. К. Черман. Омск, 1893–1905. 2–3 раза в нед. 1894. 30 янв.; 1895. 9 нояб.

Тобольские епархиальные ведомости. Тобольск: изд. при Братстве Дмитрия Солунского, 1882–1919. 2 раза в мес. 1886. № 1, 21/22; 1891. № 1/6, 9/10, 23/24; 1893. № 1/2; 1894. № 9; 1895. № 9; 1896. № 9; 1900. № 23; 1906. № 8; 1910. № 4.

Томские губернские ведомости: еженед. газ., с 1905 г. 2 раза в неделю. Томск, 1857–1917. 3 раза в нед. 1901. 31 июля.

Томские епархиальные ведомости: офиц. изд. Томской епархии, 1 июля 1880 – 1918 г. 2 раза в месяц. 1885. № 7, 14; 1886. № 8, 9, 10, 11, 15; 21/22; 1887. № 6, 15; 1888. № 6, 9, 12; 15, 17; 1889. № 16, 21; 1891. № 3, 12, 16, 18; 1892. № 3, 17; 1893. № 2, 20; 1896. № 9; 1913. № 8/9.

Библиографические указатели и словари, энциклопедии

Аблов, Н. Н. Педагогическая периодическая печать (1803–1916 гг.): библиогр. обзор / Н. Н. Аблов. М.: Учпедгиз, 1937. 131 с.

Азадовский, М. К. Сибирь в художественной литературе / М. К. Азадовский. Иркутск: [б. и.], 1927. Вып. 1: период. изд. Европейской России 1891–1917 гг. 49, [2] с.

Балацкая, Н. М. Памятные книжки губерний и областей Российской империи (1836–1917): предварит. список / Н. М. Балацкая, А. И. Раздорский. СПб.: РНБ, 1994. 500 с.

Богданов, И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР / И. М. Богданов. М.: Статистика, 1964. 195 с.

Богданова, А. А. Сибирская тема в периодической печати, альманахах и сборниках XIX в. (1800–1900 гг.) / А. А. Богданова; ред. В. А. Цыбенко. Новосибирск: Изд-во Новосиб. пед. ин-та, 1970. 50 с.

Вопросы и нужды учительства: сб. ст. и справок / ред. Е. А. Звягинцев. М.: Тов-во И. Д. Сытина, 1909. 95 с.

История Сибири и Дальнего Востока: текущ. указ. лит. [1966–2012 гг.]. Новосибирск: Гос. публ. науч.-техн. б-ка СО АН СССР; Гос. публ. науч.-техн. б-ка СО РАН, 1966–2012.

Масанов, И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. / И. Ф. Масанов. М., 1956–1960.

Матханова, Н. П. Сибирская мемуаристика XIX в. / Н. П. Матханова; отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.

Межов, В. И. Сибирская библиография: указ. книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания: в 3 т. / В. И. Межов. СПб.: Тип. Дома призрения малолет. бедн., 1892–1903.

Практическая школьная энциклопедия: настольная книга для народных учителей и других ближайших деятелей в области народного образования / общ. ред. Н. В. Тулупова, П. М. Шестакова. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1912. 820 с.

Приходько, П. Т. Охрана здоровья, труд и быт трудящихся Сибири: сист. указ. лит. за 1776–1929 гг. / П. Т. Приходько. Томск: Мед. ин-т, 1930. VIII, 106 с.

Раздорский, А. И. Справочные издания епархий Русской православной церкви (1861–1915): сводный каталог и указатель содержания / А. И. Раздорский. 2-е изд., доп. и испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 670, [1] с.

Родосский, А. С. Указатель к «Христианскому чтению» за последние 10 лет его издания: с 1871 по 1880 г. включит. / сост. А. Родосский. СПб.: тип. Ф. Г. Елеонского и К°, 1881. 71 с.

Россия: полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В. П. Семёнова-Тян-Шанского. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1907. Т. 16: (Западная Сибирь). 589 с.

Руководство при совершении церковных богослужений, псаломщику. Тобольск: тип. Губ. правл., 1893. 4 с.

Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги, 1790–1917: в 3 т. / отв. сост. Р. Е. Павлова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001.

Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. Новосибирск: Сибкрайиздат; Зап.-Сиб. отд-ние ОГИЗ, 1929. Т. 1. 988 стб.; 1931. Т. 2. 1152 стб.; 1932. Т. 3. 804 стб.; [Б. г.]. Т. 4. 1082 стб.

Систематический указатель статей, помещенных в «Вестнике воспитания» за 1890–1894 гг. М.: Типолит. В. Рихтер, 1895. 35 с.

Стож, М. Е. Словарь сибирских писателей, поэтов, ученых / М. Е. Стож. 7-е изд. Иркутск: Ирисы, 1916. 70 с.

Тобольские епархиальные ведомости (1882–1919): указ. разделов и статей / сост.: игумен Филарет (А. Н. Сковородин), И. Б. Короткова. Екатеринбург: Баско, 2009. 248 с.

Указатель «Омских епархиальных ведомостей», 1898–1902 гг. / сост. ред. «Омск. епархиал. вед.». Омск: Тип. К. И. Демидова, 1903. 16 с.

Источники личного происхождения

[*Вербицкий В. И.*] Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священника Василия Вербицкого / сост. прот. Игорь Кропачев. Новокузнецк: Сретение, 2008. 372, [27] с.

Глухих, Ф. С. Из неведомого мира / Ф. С. Глухих // Красен человек ученьем: материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.) / сост., предисл., примеч. К. Е. Зверевой, В. А. Зверева. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1995. С. 72–75.

Гребенщиков, Г. Д. Собрание сочинений: в 30 т. / Г. Д. Гребенщиков. Барнаул: О-во возрождения лит. Сибири, 2003. Т. 30, ч. 1: письма. 281 с.

Зверев, В. А. Детство и школа в социокультурном пространстве сибирского села начала XX в.: (воспоминания Ф. Д. Останина) / В. А. Зверев, К. Е. Зверева // Актуальные вопросы истории Сибири XVIII–XXI в.: тематич. сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. Вып. 3. С. 113–131.

Зверев, В. А. Начальная школа на Алтае в начале XX в. (по воспоминаниям Ф. Д. Останина) / В. А. Зверев, К. Е. Зверева // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 2. С. 192–199.

Зверева, К. Е. Деревенская учительница о «темных сторонах» педагогической и медицинской культуры крестьян / К. Е. Зверева, В. А. Зверев // «Сибирь – мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск: НГПИ, 1999. С. 79–92.

[*Зинин, Н. К.*] Воспоминания из сибирской жизни, 1887–1895 гг. / Н. К. Зинин. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1895. 185 с.

Из воспоминаний учительницы Анны Иоанновны Редикарцевой (Бакалдиной) – о передвижных школах // Школа Тобольской губ. в XVIII – начале XX в. Тюмень: Вектор Бук, 2001. С. 160–163.

Из духовного наследия алтайских миссионеров: сб. / сост., вступит. ст. и примеч. протоиерея Б. И. Пивоварова. Новосибирск: Изд-во Православ. гимназии во имя Преподоб. Сергия Радонежского, 1998. 194 с.

Красен человек ученьем: материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.) / сост., предисл., примеч. К. Е. Зверевой, В. А. Зверева. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1995. 116 с.

[*Останин, Ф. Д.*] Из воспоминаний о детстве и юности «История – вечно живая память народа» / Ф. Д. Останин // Зверева К. Е., Зверев В. А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX в. Новосибирск: НГПУ, 2013. Прил. С. 190–214.

Самаровский петербуржец: письма сибиряков к Х. М. Лопарёву / [ред.-сост. В. К. Белобородов]. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. 295 с.

Соколов-Костромской, П. Записки колонизатора Сибири / П. Соколов-Костромской. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. 104 с.

Топоров, А. М. Я – учитель: воспоминания: для ст. шк. возраста / А. М. Топоров; вступ. ст. Г. С. Титова. М.: Дет. лит., 1980. 159 с.

[*Трегубов, А. Л.*] По новым местам: переселение в Сибирь в 1913 г., впечатления и заметки по поездке в заселяемые районы Сибири / А. Л. Трегубов. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1913. 49 с.

Чевалков, М. В. Памятное завещание: автобиография миссионера Алтайской духовной миссии / М. В. Чевалков. М.: Тип. А. И. Снегирёвой, 1894. [2], 94 с.

Чувашова, И. К. Слава богу за всё: воспоминания деревенской учительницы / И. К. Чувашева. Новосибирск: Сиб. горница, 2008. 95 с.

Чукмалдин, Н. М. Мои воспоминания / Н. М. Чукмалдин. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 368 с.

Художественные произведения

Вяткин, Г. Д. Открытыми глазами: [сб. соч.] / Г. Д. Вяткин; сост.: Е. И. Беленький, В. М. Физиков. Омск: Кн. изд-во, 1985. 224 с.

Гребенщиков, Г. Д. Егоркина жизнь: автобиогр. повесть / Г. Д. Гребенщиков. Барнаул: [б. и.], 2004. 317, [2] с.

Гребенщиков, Г. Д. Нахал / Г. Д. Гребенщиков // Гребенщиков Г. Д. Отголоски сибирских окраин: рассказы первые. Семипалатинск: Типолит. торгов. дома «П. Плещеев и К°», 1906. С. 39–64.

Гребенщиков, Г. Д. Отец Порфирий / Г. Д. Гребенщиков // Избр. произв.: в 2 т. Томск: Сибирика, 2004. Т. 1. С. 163–175.

Гребенщиков Г. Д. Собрание сочинений: в 30 т. / Г. Д. Гребенщиков. Барнаул: О-во возрождения лит. Сибири, 1998. Т. 30, ч. 1: письма / ред.-сост. А. Б. Фирсов. 2003. 281 с.

Ершов, А. И. Избранное / А. И. Ершов. Новосибирск: Обл. гос. изд-во, 1946. 191 с.

Пермитин, Е. Н. Первая любовь / Е. Н. Пермитин // Пермитин Е. Н. Жизнь Алексея Рокова: трилогия. М.: Современник, 1986. Кн. 2. 733, [2] с.

Исследовательская литература

Опубликованные исследования

[*Рыбко, С., иеромонах.*] Кто такой монах? [Электронный ресурс] / С. Рыбко. URL: <http://azbyka.ru/tserkov/monashestvo/index.shtml> (дата обращения: 21.08.2014).

Агаджанян, Н. А. Экология души: культура, нравственность, альтруизм / Н. А. Агаджанян. М.; Астрахань: Астрахан. мед. акад., 2002. [2], 311 с.

Агеев, В. С. Социальная идентичность личности [Электронный ресурс] / В. С. Агеев. URL: http://anastasiya-shulgina.narod.ru/book_456/book_14.htm (дата обращения: 14.07.2014).

Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX в.: очерки истории / отв. ред. В. А. Ильиных. Новосибирск: Ин-т ист. СО РАН, 2008. 308 с.

Адаменко, А. М. Образование и деятельность церковноприходских попечительств на территории Томской епархии [Электронный ресурс] / А. М. Адаменко. URL: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/his/15/image/15-034.pdf> (дата обращения: 21.08.2014).

Адаменко, А. М. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX в. / А. М. Адаменко. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 192 с.

Адлыкова, А. П. Проблемы миссионерской деятельности монастырей Сибири в Синодальный период / А. П. Адлыкова // Макарьевские чтения: материалы 6-й Междунар. конф. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. С. 20–27.

Азиатская Россия во второй половине XIX – начале XX в.: проблемы региональной истории: сб. науч. ст., посвящ. 60-летию А. П. Толочко / под ред. Ю. А. Сорокина. Омск: Омск. ун-т, 2008. 340 с.

Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. ст. к 50-летию со дня рождения А. В. Ремнёва. Омск: Омск. ун-т, 2005. 599 с.

Алексеева, В. К. Кооперативное движение в Сибири, конец XIX – начало XX в. / В. К. Алексеева. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1993. 119 с.

Аллахвердова, О. В. Изменение картины мира в конфликте [Электронный ресурс] / О. В. Аллахвердова. URL: <http://elibrary.ru/download/77974831.pdf> (дата обращения: 21.08.2014).

Альтшуллер, М. А. Земство в Сибири / М. А. Альтшуллер; пер. П. И. Лященко. Томск: Типолит. Сиб. тов-ва печати, 1916. 434 с.

Андрианов, А. И. Учителство Тюкалинского уезда в период 1900–1917 гг. / А. И. Андрианов, О. В. Андрианов // История педагогического образования Западной Сибири: сб. науч. ст. и материалов. Омск: Изд-во ОмНПУ, 2002. С. 61–71.

Андрющенко, Б. К. Винная монополия в Западной Сибири и организация казенной торговли [Электронный ресурс] / Б. К. Андрющенко. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/276/image/276-167.pdf> (дата обращения: 21.08.2014).

Арефьев, В. С. Описание Сибири: очерки для народного чтения / В. С. Арефьев. Томск: Изд. кн. магазина П. И. Макушина. Вып. 1: географическое положение и природа Сибири. 1900. 107 с.

Артамонова, Н. Я. Интеллигенция Восточной Сибири: опыт формирования и деятельности (конец XIX – середина XX в.) / Н. Я. Артамонова. М.: Прометей, 2000. 237 с.

Архангельский, Г. И. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823—1872 гг. / Г. И. Архангельский. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1874. [370] с.

Асалханов, И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. / И. А. Асалханов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 268 с.

Астырев, Н. М. О волостных писарях: очерки крестьянского самоуправления / Н. М. Астырев. СПб.: Кн. дело. 1886. 351 с.

Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта: (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. Т. 1. 805 с.; 1998. Т. 2. 594 с.

Бажаев, В. Г. О нуждах сельского хозяйства в Томской губ. / В. Бажаев. СПб.: Тип. В. Демакова, 1896. 16 с.

Базанов, А. Г. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере: (Тобольский Север) / А. Г. Базанов. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1936. 134 с.

Бакиева, Г. Т. Волостное управление у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. [Электронный ресурс] / Г. Т. Бакиева. URL: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a12/156-164.pdf (дата обращения: 21.08.2014).

Бакиева, Г. Т. Портрет волостного писаря у сибирских татар (вторая половина XIX – начало XX в.) / Г. Т. Бакиева // Тобольск-научный – 2010: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск: Полиграфист, 2010. С. 73–75.

Беленький, В. Х. Еще раз об интеллигенции / В. Х. Беленький // Социологические исследования. 2004. № 4. . 94–102.

Беликов, Д. Н. Томский раскол: (ист. очерк от 1834 по 1880-е гг.) / Д. Н. Беликов, протоиерей. Томск: Пар. типолит. П. И. Макушина, 1901. [2], III, [3], 247 с.

Белолобская, Г. С. Человек и власть в контексте взаимодействия гражданского общества и государства: российский опыт / Г. С. Белолобская // Наука и образование. 2006. № 3. С. 28–31.

Березин, В. П. Очерки по истории здравоохранения Томской обл. (к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции) / В. П. Березин, П. А. Бова, Н. П. Федотов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1967. 275 с.

Берлин, И. История свободы: Россия / И. Берлин. М.: Нов. лит. обзор., 2001. 538 с.

Блинова, О. В. Взаимодействие учителей сельских и городских образовательных учреждений Западной Сибири на рубеже XIX – начала XX в. в рамках деятельности общественных организаций / О. В. Блинова // Культура и интеллигенция России: Инновационные практики, образы города. Юбилейные события. Историческая память горожан: материалы VII Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Омск: ОмГУ, 2009. С. 328–330.

Блинова, О. В. Взаимоотношения власти и общества по вопросу расширения сети образовательных учреждений на территории Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. / О. В. Блинова // Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири Н. М. Муравьева-Амурского. Иркутск: [б. и.], 2010. С. 310–318.

Блинова, О. В. Материально-техническое обеспечение и учительский состав школ грамоты Омской епархии в начале XX в. (по отчетам епархиального наблюдателя за 1902–1912 гг.) / О. В. Блинова // Проблемы экономической и социальной истории Сибири XIX – начала XX в. Омск: ОмГПУ, 2009. С. 138–146.

Блинова, О. В. Особенности методологических подходов при изучении места и роли учителей в Западной Сибири рубежа XIX–XX вв. / О. В. Блинова // Методологические проблемы исторического познания. Омск: ОмГПУ, 2010. Вып. 3. С. 84–90.

Блинова, О. В. Региональная специфика института учительства в Западной Сибири в последней четверти XIX – начале XX в. / О. В. Блинова // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых. Омск: ОмГПУ, 2009. Вып. 13. С. 58–64.

Блинова, О. В. Роль учителей в общественной деятельности интеллигенции Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. / О. В. Блинова // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых. Омск: ОмГПУ, 2010. Вып. 14. С. 107–113.

Блинова, О. В. Социокультурный облик учительства в газетной прессе Западной Сибири конца XIX – начала XX в. / О. В. Блинова // Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 75-летию НГПУ. Новосибирск: НГПУ, 2010. С. 116–119.

Блинова, О. В. Специфика исследовательского подхода в изучении института учителей в Западной Сибири в последней четверти XIX – начале XX в. (на примере применения подходов новой социальной истории) / О. В. Блинова // История идей и история общества: материалы VII Всерос. науч. конф. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. С. 224–227.

Блинова, О. В. Специфика рассмотрения социокультурного облика института учительства в Западной Сибири в последней четверти XIX – начале XX в. / О. В. Блинова // Методологические проблемы исторического познания. Омск: ОмГПУ, 2009. Вып. 2. С. 86–91.

Блинова, О. В. Специфика участия учителей в культурно-просветительской деятельности общественных организаций Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. (на примере Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества) / О. В. Блинова // Омский научный вестник. 2010. № 1. С. 55–58.

Блинова, О. В. Этноконфессиональные школы Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.: положение и роль учителей и особенности образования / О. В. Блинова // Вестник ОмГУ. 2010. № 2. С. 154–161.

Блок, А. А. Россия и интеллигенция (1907–1918) / А. А. Блок. 2-е изд. СПб.: Алконт, 1919. 74 с.

Бова, П. А. Очерки по истории здравоохранения Томской обл. / П. А. Бова, В. Ф. Олейниченко; под ред. Г. И. Мендриной. Томск: Изд. ТГУ, 1986. 152 с.

Бова, П. А. Положение сельского врача в Сибири в период капитализма / П. А. Бова // IV Симпозиум по истории медицины, СССР – ГДР: положение и задачи врача в обществе в различные исторические периоды. М.: ВНИИСГПОЗ им. Н. А. Семашко, 1981. С. 82–85.

Бормотова, И. М. Формирование этикетного кодекса интеллигенции: интеллигенция и интеллигентность [Электронный ресурс] / И. М. Бормотова. URL: <http://www.ni-journal.ru/archive/52ab0058/0f2c52b8/95041ca6/e0673b9a> (дата обращения: 21.08.2014).

Бородин, А. П. Государственный совет и попытка Столыпина реформировать начальное образование / А. П. Бородин // Вопросы истории. 1975. № 8. С. 82–96.

Бочанова, Г. А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Г. А. Бочанова, Л. М. Горюшкин, Г. А. Ноздрин. Новосибирск: Наука, 2001. 211 с.

Брукс, Дж. Грамотность и печать в России, 1861–1928 / Дж. Брукс; пер. С. А. Казанцева, А. И. Рейтблата // Чтение в дореволюционной России: сб. науч. тр. М.: Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1991 (на титул. листе 1992). С. 82–99.

Брукс, Дж. Когда Россия научилась читать: грамотность и народная литература, 1861–1917 гг. / Дж. Брукс // Что мы читаем? Какие мы?: сб. науч. тр. СПб.: Рос. нац. б-ка, 1993. С. 151–171.

Букин, А. Ф. Вклад политических ссыльных в культуру Западной Сибири (1905–1917 гг.) / А. Ф. Букин. Омск: Полигр. центр КАН, 2009. 103 с.

Букин, А. Ф. Политические ссыльные интеллигенты в Западной Сибири (1906–1917 гг.) / А. Ф. Букин, Э. Ш. Хазиахметов // Гуманитарное знание: ежегодник. Омск: ОмГПУ, 2000. Вып. 4. С. 222–228.

Букин, С. С. Медицина и здравоохранение / С. С. Букин, В. И. Исаев // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Ист. наследие Сибири», 2009. [Т. 2]: К–Р. С. 335–337.

Бунин, А. О. Масломолочная кооперация Сибири в конце XIX – начале XX в.: проблемы становления и развития / А. О. Бунин, А. Ю. Кабанов // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений. Новосибирск: [б. и.], 2009. Вып. 6. С. С. 28–45.

Буслаева, Л. П. История развития просвещения и школы народов СССР с X в. по октябрь 1917 г.: (учеб. пособие для студентов) / Л. П. Буслаева. Горький: ГГПИИЯ, 1974 (вып. дан. 1976). 111 с.

Верт, П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / П. Верт; [пер. с англ. Н. Мишаковой и др.]. М.: Нов. лит. обозр., 2012. 275 с. (Historia Rossica / редкол.: Е. Анисимов [и др.]).

Вехи: сборник статей о русской интеллигенции / Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве, С. Л. Франк. Репр. изд. 1909 г. М.: Новости (АПН), 1990. 216 с.

Виноградов, П. Начальное образование в Томской губ. в 1908 г. сравнительно с земскими губерниями и культурными странами всего мира / П. Виноградов. Томск: Тип. Губ. упр., 1910. 32 с.

Виноградов, П. Очерк положения начального образования в Томской губ. в 1908 г. / П. Виноградов // Памятная книжка Томской губ. Томск, 1910. С. 121–152.

Возиллов, В. В. Философия интеллигенции: разум как революционная сила истории / В. В. Возиллов, Ю. Н. Назаров. Иваново: ИД «Референт», 2002. 362 с.

Волгина, Н. Д. Влияние социальных изменений в российском обществе на статусные характеристики интеллигенции / Н. Д. Волгина. Саратов: Изд-во Саратов. ГТУ, 1999. 80 с.

Волков, В. В. Российский интерсоциум периода империи: основные тенденции и противоречия перехода от традиционного общества к современному в XVIII – начале XX в. / В. В. Волков. СПб.: Нестор, 2006. 483 с.

Волобуев, О. В. Дискуссия о роли интеллигенции в первой народной революции XX в. / О. В. Волобуев, С. В. Кулешов, В. В. Шелохаев // Интеллигенция и революция, XX век. М.: Наука, 1985. С. 74–84.

Вольфсон, Д. Сибирские воскресные школы / Д. Вольфсон. Томск: Тов-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1903. 240 с.

Гавров, С. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. [Электронный ресурс] / С. Гавров. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/gavr/02.php (дата обращения: 21.08.2014).

Ганшин, В. Г. Формирование гражданского общества в России и Китае / В. Г. Ганшин. М.: Ин-т Дал. Востока, 2007. 231 с.

Гаспаров, М. Л. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность / М. Л. Гаспаров // Русская интеллигенция: история и судьба. М.: Наука, 1999. С. 5–14.

Гидиринский, В. И. Русская интеллигенция в истории России: социокультурный аспект / В. И. Гидиринский. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2007. 176 с.

Гизей, Ю. Ю. Церковноприходская школа Томской епархии (1884–1917) / Ю. Ю. Гизей. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 143 с.

Гильденберг, В. Н. Сельская власть в Тобольской губ. в конце XIX – начале XX в.: отражение практики «неблаговидных поступков» в официальных документах [Электронный ресурс] / В. Н. Гильденберг. URL: // http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/1VNMK/021_Gil'denberg.pdf (дата обращения: 21.08.2014).

Глебова, М. В. Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи в условиях муниципалитета: опыт комплексного решения проблемы [Электронный ресурс] / М. В. Глебова. URL: http://www.dnv-prk.info/index.php?option=com_content&view=article&id=250:2010-04-10-10-47-50&catid=62:2009-10-02-11-32-01&Itemid=146 (дата обращения: 21.08.2014).

Головачёв, П. М. Сибирь: природа, люди, жизнь / П. М. Головачёв. М.: Типолит. Тов-ва «Н. Кушнерев и К^о», 1902. 300 с.

Головлёв, В. С. Опыт российской интеллигенции в трансляции духовной культуры / В. С. Головлёв // II Оптинский форум: наследие России и духовный выбор интеллигенции. М.; Калуга: Оптина пустынь, 2006. 320 с.

Голубцов, С. В. История Омской епархии: Исилькуль православный / С. В. Голубцов. Омск: Полиграф, 2009. 44 с.

Гончарова, О. А. Влияние Алтайской духовной миссии на изменения в быту алтайского населения / О. А. Гончарова // Макарьевские чтения: материалы 2-й Междунар. конф. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2004. С. 58–60.

Гончарова, О. А. Горный Алтай: история народной медицины и здравоохранения / О. А. Гончарова. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. 247 с.

Гончарова, О. А. К вопросу об изучении деятельности Алтайской духовной миссии по сохранению алтайского этноса / О. А. Гончарова, Л. С. Черданцева // Макарьевские чтения: материалы 4-й Междунар. конф. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2005. С. 24–31.

Гордиенко, О. Н. Сельские школы на Алтае в 70–90-х гг. XIX в. / О. Н. Гордиенко // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2004. Ч. 2. С. 142–145.

Горелова, Ю. Р. Проблема просвещения народа в духовно-нравственных исканиях и вне-профессиональной деятельности интеллигенции Западной Сибири (последняя четверть XIX – начало XX в.) / Ю. Р. Горелова. Омск: Омск. ин-т предпринимательства и права, 2005. 340 с.

Горелова, Ю. Р. Просветительские инициативы православного духовенства Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. / Ю. Р. Горелова // Уральские Бирюковские чтения: сб. науч. тр. Челябинск: ЧГПУ, 2004. Вып. 2. С. 355–360.

Горелова, Ю. Р. Церковноприходские школы и просветительные инициативы сельского духовенства Томской епархии в конце XIX в. / Ю. Р. Горелова // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2002. Ч. 2. С. 93–95.

Горюшкин, Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.) / Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. 343 с., 1 л. табл.

Горюшкин, Л. М. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.) / Л. М. Горюшкин, Н. А. Миненко. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 317 с.

Горюшкин, Л. М. Источники по истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: учеб. пособие / Л. М. Горюшкин. Новосибирск: НГУ, 1988. 96 с.

Горюшкин, Л. М. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.) / Л. М. Горюшкин, Г. А. Бочанова, Л. Н. Цепляев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. 296 с., 8 л. ил.

Горюшкин, Л. М. Опыт народной агрономии в Сибири (вторая половина XIX – начала XX в.) / Л. М. Горюшкин, Г. А. Бочанова, Г. А. Ноздрин. Новосибирск: Наука, 1993. 260, [2] с.

Горюшкин, Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX) / Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1967. 412 с.

Горюшкин, Л. М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне: об уровне и особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. / Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1962. 30 с.

Гражданское общество: истоки и современность / О. А. Габриелян, В. А. Гуторов, И. И. Кальной, В. В. Колесников. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 492 с.

Грекулов, Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX – начало XX в.) / Е. Ф. Грекулов. М.: Наука, 1969. 184 с.

Громыко, М. М. Мир русской деревни / М. М. Громыко. М.: Молод. гвардия, 1991. 445, [2] с., ил.

Громыко, М. М. Семья и община в традиционной духовной культуре крестьян XVIII–XIX вв. / М. М. Громыко // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 7–24.

Громыко, М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. / М. М. Громыко. М.: Наука, 1986. 238 с.

Грудзинская, Е. С. Акушерско-гинекологическая помощь в селах Томской губ. до революции / Е. С. Грудзинская // Научная конференция, посвященная истории медицины Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1955. С. 67–71.

Грудзинская, Е. С. Средние медицинские школы в дореволюционной Сибири / Е. С. Грудзинская // Научная конференция, посвященная истории медицины Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1955. С. 42–44.

Гуляев, М. Д. О сельской интеллигенции / М. Д. Гуляев // Интеллигенция и общественно-политическая жизнь: материалы «круглого стола» «Роль и место интеллигенции в общественной жизни. Пути и проблемы формирования интеллигентности среди молодежи на пороге XXI в.». Якутск: Изд-во ЯГУ, 1999. С. 65–66.

Давыденко, Н. А. Сельскохозяйственная печать Сибири как фактор модернизации сельского хозяйства / Н. А. Давыденко // Восток – Запад: проблемы взаимодействия: история, традиции, культура. Новосибирск: НГПУ, 2007. Ч. 2. С. 114–119.

Давыдов, Ю. Два подхода к пониманию российской интеллигенции / Ю. Давыдов // Свободная мысль. 1991. № 18. С. 15–26.

Даниленко, А. В. Правительственная политика при проведении буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в. в Сибири и ее оценка демократической общественностью / А. В. Даниленко // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск: ИГПУ, 1997. С. 80–102.

Дегальцева, Е. А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX в. / Е. А. Дегальцева. Барнаул: Изд-во Алт. техн. ун-та, 2005. 187 с.

Дегальцева, Е. А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.) / Е. А. Дегальцева. Бийск: Изд-во АлтГУ, 2002. 288 с.

Дегальцева, Е. А. Общественные организации как новая форма социального общения (Западная Сибирь, конец XIX – начало XX в.) / Е. А. Дегальцева // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Новосибирск: ИИ, 2003. С. 88–93.

Дегальцева, Е. А. Роль политической ссылки в деятельности культурно-просветительских обществ в Томской губ. во второй половине XIX – начале XX в. / Е. А. Дегальцева // Общественно-политическая жизнь Сибири, XX век. Новосибирск: [б. и.], 1998. Вып. 3. С. 48–64.

Дзялошинский, И. М. Медиа и социальная активность молодежи [Электронный ресурс] / И. М. Дзялошинский. URL: <http://www.hse.ru/data/2010/10/18/1222990467/Медиа%20и%20социальная%20активность%20молодежи.doc> (дата обращения: 12.07.2014).

Диденко, П. И. Интеллигенция как субъект российской истории / П. И. Диденко. Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 2003. 287 с.

Дмитриев, Г. П. Связь школы с жизнью: (ист. очерк) / Г. П. Дмитриев, П. П. Костенков, А. В. Шестаков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. 131 с.

Долгова, Т. В. Политическая социология интеллигенции / Т. В. Долгова, В. Г. Иванов, В. Ф. Мартюшов. Тверь: ТГТУ, 2000. 116.

Донченко, А. С. Очерки истории ветеринарии в Западной Сибири, XVII – начало XX в. / А. С. Донченко, Т. Н. Осташко, Т. Н. Самоловова. Новосибирск: Изд-во ГУП РПО СО, 2004. 255 с.

Дружинин, В. И. У истоков интеллигенции.ru и совести.net / В. И. Дружинин, Е. И. Самарцева. Тула: Изд-во ТулГУ, 2009. 311 с.

Дука, О. Г. Процедура сравнения в исторических исследованиях: методологический аспект / О. Г. Дука // Методологические проблемы исторического познания. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 27–32.

Дука, О. Г. Системный подход в исторических исследованиях: методологический аспект / О. Г. Дука // Методологические проблемы исторического познания. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 32–35.

Езова, С. А. К уточнению понятия интеллигенция / С. А. Езова // Научные и технические библиотеки. 2005. № 11. С. 42–48.

Елизарова, Н. В. Духовная книга в репертуаре чтений жителей Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. / Н. В. Елизарова // Русский вопрос: история и современность. Омск: ИД «Наука», 2007. С. 88–90.

Елизарова, Н. В. К вопросу о деятельности РПЦ по борьбе с пьянством на территории Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. / Н. В. Елизарова // Омский научный вестник. 2004. № 2. С. 30–33.

Елизарова, Н. В. Книгоснабжение библиотек церковноприходских школ Западной Сибири в конце XIX в. / Н. В. Елизарова // Пишем времена и случаи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск: НГПУ, 2008. С. 70–73.

Елизарова, Н. В. О пьянстве сибиряков в конце XIX – начале XX в. (по материалам дореволюционных периодических изданий) / Н. В. Елизарова // История Сибири, 1583–2006: проблемы и перспективы. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. С. 153–160.

Елизарова, Н. В. Роль миссионерских библиотек в распространении православия на территории Омского Прииртышья конца XIX – начала XX в. / Н. В. Елизарова // Омский научный вестник. 2003. № 4. С. 46–49.

Елизарова, Н. В. Роль религиозно-просветительских учреждений в развитии образования в Омском Прииртышье (конец XIX – начало XX в.) / Н. В. Елизарова // Омский научный вестник. 2003. № 3. С. 16–19.

Ерахтин, А. В. Интеллигенция, власть и социальная справедливость в современной России / А. В. Ерахтин // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С. 28–38.

Ерман, Л. К. Интеллигенция в Первой русской революции / Л. К. Ерман. М.: Наука, 1966. 377 с.

Ерман, Л. К. Состав интеллигенции в России в конце XIX и начале XX в. / Л. К. Ерман // История СССР. 1963. № 1. С. 161–177.

Ермачкова, Е. П. Проблема изучения образования и культуры сельского населения Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Е. П. Ермачкова // Вестник Тобольского педагогического института. 2004. № 4. С. 136–145.

Ермоленко, Т. Ф. Патерналистские контуры российской модернизации / Т. Ф. Ермоленко. Ростов н/Д: Изд-во Южн. федерал. ун-та, 2011. 292 с.

Ерошкина, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкина. М.: Высш. школа, 1983. 352 с.

Ерошов, В. В. Тропую миссионеров: Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае / В. В. Ерошов, В. М. Кимеев. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. 132 с.

Жуковский, Э. Д. Эпизоотии в Томской губ. и меры борьбы с ними / Э. Д. Жуковский. Томск: Пар. типолит. П. И. Макушина, 1896. 20 с.

Завалишин, И. И. Описание Западной Сибири / И. И. Завалишин. М.: Тип. Грачева и К°, 1862. Т. 1. 419 с.

Запорожченко, Г. М. Первые потребительские кооперативы в Сибири конце XIX – начало XX в. / Г. М. Запорожченко // Кооперация Сибири в XX в. Новосибирск: [б. и.], 2006. Вып. 5. С. 130–145.

Зверев, В. А. «К священнику обращаются все»: деятельность сельского православного духовенства во время эпидемии начала 1890-х гг. (по материалам Томской губ.) / В. А. Зверев, Е. В. Караваева // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 41–45.

Зверев, В. А. Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.) / В. А. Зверев.– Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. – 244 с.

Зверев, В. А. Книжная культура сельского населения Западной Сибири имперского периода: основные итоги исследования / В. А. Зверев, Ю. В. Тимофеева // Образование в истории, история в образовании: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. «Инте-

грация исторического и образовательного пространства», посвящ. 50-летию со дня рождения М. Ю. Брандта. Новосибирск: НГПУ, 2011. С. 215–224.

Зверев, В. А. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма (проблемы физического и социального возобновления) / В. А. Зверев. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1988. 88 с.

Зверев, В. А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода / В. А. Зверев. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. 278 с.

Зверев, В. А. Медико-санитарные условия жизни сельского населения Сибири (1861–1917 гг.) / В. А. Зверев // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1992. С. 38–55.

Зверев, В. А. Начальные сельские училища в округах Западной Сибири конца XIX в. (по данным ревизии Б. И. Сциборского) / В. А. Зверев, К. Е. Зверева // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 1. С. 204–216.

Зверев, В. А. О девиантном поведении в среде учительства Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / В. А. Зверев, А. С. Потеряева // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 10. С. 214–225.

Зверев, В. А. Образ жизни сельского населения Сибири в начальный период модернизации российского общества: проблемы исторического изучения / В. А. Зверев // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск: Ин-т ист. ОИИФФ СО РАН, 2004. С. 76–78.

Зверев, В. А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861–1917 гг.) / В. А. Зверев. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1998. 119 с.

Зверев, В. А. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви в деревне Томской губ. во второй половине XIX – начале XX в. / В. А. Зверев, Е. В. Караваева // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1. С. 59–64.

Зверев, В. А. Сотрудничество церкви и школы в сибирской деревне досоветского периода (по неопубликованным мемуарам учителя И. К. Чувашевой) / В. А. Зверев // Русское православие в Сибири: история и современность: материалы Междунар. науч. конф. «Русское православие: четыре века в Сибири». Омск: Полиграф, 1995. С. 60–63.

Зверев, В. А. Церковноприходские школы Западной Сибири второй половины XIX в. (по материалам ревизии Б. И. Сциборского) / В. А. Зверев, К. Е. Зверева // Сибирский педагогический журнал. 2004. № 1. С. 159–169.

Зверев, В. А. Школьные библиотеки в сибирской деревне конца XIX – начала XX в. / В. А. Зверев, К. Е. Зверева // Книга в Сибири (конец XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Гос. публ. науч.-техн. б-ка СО АН СССР, 1989. С. 110–123.

Зверев, В. В. Новые подходы к художественной литературе как историческому источнику / 226

В. В. Зверев // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 161–166.

Зверева К. Е. Модели отношения сибирского крестьянства к школьному образованию в конце XIX – начале XX в. / К. Е. Зверева, Ю. В. Андриюшкевич // Социальные конфликты в истории России. Омск: ОмГПУ, 2006. С. 250–254.

Зверева, К. Е. Вклад русского крестьянства в развитие образовательного потенциала Сибири (1861–1914 гг.) / К. Е. Зверева, В. А. Зверев // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск: НГПИ, 1992. С. 85–104.

Зверева, К. Е. Грамотность крестьянства Западной Сибири в период капитализма / К. Е. Зверева // Образ жизни сибирского крестьянства периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1983. С. 116–128.

Зверева, К. Е. Деревенская школа и нужды агрономической подготовки крестьянства Сибири (конец XIX – начала XX в.) / К. Е. Зверева // Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1985. С. 114–125.

Зверева, К. Е. Источники для изучения просвещения крестьянства Сибири эпохи капитализма / К. Е. Зверева // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма. Новосибирск: Наука, 1989. С. 92–106.

Зверева, К. Е. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX в. / К. Е. Зверева, В. А. Зверев. Новосибирск: НГПУ, 2013. 237 с.

Зверева, К. Е. Круг чтения крестьянства Сибири в период капитализма (80-е гг. XIX в. – 1917 г.) / К. Е. Зверева, В. А. Зверев // Распространение книги в Сибири (конец XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Гос. публ. науч.-техн. б-ка СО АН СССР, 1990. С. 78–96.

Зверева, К. Е. Образовательный уровень крестьянства Сибири (конец XIX – начало XX в.) / К. Е. Зверева, Е. И. Соловьёва // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. Новосибирск: НГПУ, 1987. С. 78–79.

Зверева, К. Е. Советская историография проблемы просвещения крестьянства Сибири эпохи капитализма / К. Е. Зверева // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма: историография проблемы. Новосибирск: Наука, 1988. С. 171–190.

Зиновьев, В. П. Индустриальные кадры старой Сибири / В. П. Зиновьев. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2007. 255, [1] с.

Змеев, Л. Ф. Чтения по врачебной истории России / Л. Ф. Змеев. СПб.: Тип. В. Демакова, 1896. 252 с.

Зольникова, Н. Д. Приходское духовенство РПЦ / Н. Д. Зольникова // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Ист. наследие Сибири», 2009. [Т. 2]: К–Р. С. 700–703.

Зольникова, Н. Д. Русская православная церковь / Н. Д. Зольникова, Н. Н. Покровский // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Ист. наследие Сибири», 2009. [Т. 2]: К–Р. С. 788–794.

Иванов, А. В. Проблемы кооперации и гражданского общества в дореволюционной Сибири / А. В. Иванов // Кооперация Сибири в XX в. Новосибирск: [б. и.], 2009. Вып. 6. С. 16–27.

Иванов, Б. В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и Гражданской войны / Б. В. Иванов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1976. 376 с.

Иванова, В. Р. Российская научная интеллигенция в зеркале реформ / В. Р. Иванова, Т. В. Наумова. М.: МИИТ, 2003. 92 с.

Иванова, Н. Л. Личность в бизнесе: проблемы и кризисы самоопределения. [Электронный ресурс] / Н. Л. Иванова. URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_psychology/ivanova/1/j3.html (дата обращения: 10.07.2014).

Иванова, Н. А. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX в. / Н. А. Иванова, В. П. Желтова. М.: Наука, 2004. 572, [1] с.

Иванов-Разумник, Р. В. Что такое «махаевщина»? К вопросу об интеллигенции / Р. В. Иванов-Разумник. СПб.: С. В. Бунин, 1908. 159 с.

Илимский Д. [Голенищев-Кутузов Д. И.] Кооперативные союзы в Сибири (1908–1918 гг.) / Дм. Илимский. М.: Всерос. центр. союз потреб. о-в, 1919. 102, [1]с.

Ильиных, В. А. Очерки истории сибирской деревни / В. А. Ильиных, Г. А. Ноздрин. Новосибирск: Экор, 1995. 280 с.

Ильиных, В. А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг.: материалы к моногр. / В. А. Ильиных, Г. А. Ноздрин. Новосибирск: Ин-т ист. СО РАН, 2007. 170 с.

Иностранческая школа: сборник статей и материалов по вопросам иностранческой школы / под общ. ред. Г. Г. Тумим, В. А. Зеленко. Пг.: Н. П. Карбасников, 1916. [4], 254 с.

История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / гл. ред.: А. П. Окладников, В. И. Шунков. Л.: Наука, 1968. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма / отв. ред. Ф. А. Кудрявцев. 1968. 527 с.

Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: учебник / А. К. Соколов, Ю. П. Бокарев, Л. В. Борисова [и др.]; под ред. А. К. Соколова. М.: Высш. школа, 2004. 687 с.

Исхакова, Р. Р. Создание церковноприходских школ в России в 1880-х гг.: политический курс и идейная борьба / Р. Р. Исхакова. Казань: Нов. знание, 2002. 27 с.

Ищенко, О. В. Развитие профессионального образования в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: (опыт истории в контексте современности) / О. В. Ищенко, И. С. Сквородина, А. П. Толочко. Омск: ОмГУ, 2005. 223 с.

Кабацкий, Н. И. Деятельность большевиков Сибири среди непролетарских масс в революции 1905–1907 гг. / Н. И. Кабацкий // Большевики во главе трудящихся масс Сибири в трех российских революциях. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1986. С. 3–13.

Казакова, В. И. Социальный портрет как объект феноменологического анализа [Электронный ресурс] / В. Т. Казакова. URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2011_1\(21\)/5.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2011_1(21)/5.pdf) (дата обращения: 11.07. 2014).

Казаринов, И. Холерная эпидемия 1892 г. в Сузунском заводе / И. Казаринов. Томск: Пар. типолит. П. И. Макушина, 1895. 11 с.

Как празднуют Рождество в разных странах мира? [Электронный ресурс] // Сибирская православная газета. URL: <http://www.ihtus.ru/pr3.shtml> (дата обращения: 21.08.2014).

Караваева, Е. В. Деятельность православного духовенства Томской епархии по устройству деревенских яслей-приютов летом 1915 г. / Е. В. Караваева // Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 75-летию НГПУ. Новосибирск: НГПУ, 2010. С. 212–216.

Караваева, Е. В. Законодательные и другие нормативные акты – основа для санитарно-просветительской и медицинской деятельности православного духовенства в конце XIX – начале XX в. / Е. В. Караваева // Сибирский медицинский журнал. 2009. Т. 24, № 3, вып. 1. С. 48–56.

Карапетян, Р. О. Становление и развитие интеллигенции как особого социального слоя / Р. О. Карапетян. М.: МГУ, 1974. 147 с.

Карнишина, Н. Г. Православное духовенство и общественное восприятие системных преобразований общества во второй половине XIX в. / Н. Г. Карнишина // Интеллигенция в процессах преобразования мира: исторические вызовы, социальные проекты и свершения. Иваново: ИвГУ, 2007. С. 82–83.

Катионов, О. Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв. / О. Н. Катионов. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: НГПУ, 2008. 372 с.

Кауфман, А. А. Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири: (к вопросу о сравнительной характеристике переселенца и коренного сибирского крестьянина) / А. А. Кауфман // Северный вестник. 1891. Кн. 4. Отд. 2. С. 27–52.

Кауфман, А. А. Обзор способов полеводства и севооборотов в Западной Сибири: по данным новейших исследований / А. А. Кауфман. СПб.: тип. В. Демакова, [1893]. 25 с.

Кауфман, А. А. Община и успехи сельского хозяйства в Сибири / А. А. Кауфман. СПб.: Типолит. Б. М. Вольфа, 1894. 39 с.

Кауфман, А. А. Община. Переселение. Статистика / А. А. Кауфман. М.: Изд. Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева, 1915. [4], 512 с.

Кауфман, А. А. Очерк крестьянского хозяйства в Сибири / А. А. Кауфман. Томск: Типолит. П. И. Макушина, 1894. [2], II, 90 с.

Кауфман, А. А. Переселение и колонизация / А. А. Кауфман. СПб.: Тип. тов-ва «Обществ. польза», 1905. Ч. 1–2. IX, 349, 81 с.

Кауфман, А. А. Сибирское переселение на исходе XIX в.: ист.-стат. очерк. 2-е изд. / А. А. Кауфман. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1901. 100 с.

Кауфман, А. А. Экономический быт государственных крестьян восточной части Томского окр. и северо-западной части Мариинского окр. Томской губ. / А. А. Кауфман. СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1892. Т. 1. 265 с.

Кацюба, Д. В. Алтайская духовная миссия: вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности / Д. В. Кацюба. Кемерово: Кемеров. ун-т, 1998. 156 с.

Квашнина, Е. В. К вопросу об особенностях развития начального народного образования в Сибири в конце XIX в. / Е. В. Квашнина // Актуальные вопросы истории Сибири XVIII –XX в. Новосибирск: НГТУ, 2006. С. 42–63.

Кирияков, В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири) / В. В. Кирияков. М.: Типолит. тов-ва «И. Н. Кушнерев и К^о», 1902. 370 с.

Кирякова, О. А. Условия жизни и деятельности сельских учителей Томской губ. в конце XIX – начале XX в. / О. А. Кирякова // IX Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование»: материалы конф.: в 6 т. Томск: ТГПУ, 2005. Т. 4, ч. 1: культурология, история, философия. С. 219–224.

Ковальченко, И. Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. / И. Д. Ковальченко. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. 504 с.

Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 1987. 440 с.

Колесникова, А. В. Жизнетворчество русской интеллигенции, или Бытие, творящее идеи нового бытия / А. В. Колесникова. Новосибирск: Изд-во НИИПКиПРО, 2005. 148 с.

Кон, И. С. Социологическая психология [Электронный ресурс] / И. С. Кон. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/konsps/10.php (дата обращения: 21.08.2014).

Кондратьев, С. В. Церковные школы Алтайской духовной миссии конца XIX–начала XX в. / С. В. Кондратьев // Пишем времена и случаи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск: НГПУ, 2008. С. 125–128.

Кондриков, Б. В. Работа большевиков Тобольской губ. в деревне в 1905–1907 гг. / Б. В. Кондриков, В. С. Флеров // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. Вып. 6. С. 64–106.

Коропов, В. М. История ветеринарии в СССР / В. М. Коропов. М.: Сельхозгиз, 1954. 368 с.

Косых, Е. Н. Из истории культурной жизни сибирской деревни начала XX в. (по материалам Томской губ.) / Е. Н. Косых, К. В. Фадеев // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2004. Ч. 2. С. 194–197.

Кохановский, В. П. Философия для аспирантов: учеб. пособие / В. П. Кохановский, Е. В. Золотухина, Т. Г. Лешкевич, Т. Б. Фатхи. Изд. 2-е. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 448 с.

Коцонис, Я. Как крестьян делали отсталыми: сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861–1914 / Я. Коцонис. М.: Нов. лит. обзор., 2006. 13 с.

Красильников, С. А. Интеллигенция Сибири / С. А. Красильников, Д. С. Холявченко // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Ист. наследие Сибири», 2009. [Т. 1]: А–И. С. 631–638.

Красильников, С. А. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение советской власти (1917 – лето 1918 г.) / С. А. Красильников, В. Л. Соскин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. 255 с.

Красильников, С. А. Численность и состав сибирской интеллигенции накануне 1917 г. / С. А. Красильников // Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. С. 38–45.

Крашенникова, Н. Н. К вопросу о подготовке учителя начальных классов в Сибири в конце XIX – начале XX в. / Н. Н. Крашенникова // Аспирантский сборник НГПУ: по материалам науч. исследований аспирантов, соискателей, докторантов. Новосибирск: НГПУ, 2002. Ч. 1. С. 132–137.

Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. 396, [3] с., ил.

Лапанов, Н. И. Сергей Степанович Евсеенко, 1850–1915: (ученый в области ветеринарии) / Н. И. Лапанов. М.: Агропромиздат, 1990. 109, [2] с.

Левит, М. М. Становление общественной медицины в России / М. М. Левит. М.: Медицина, 1974. 232 с.

Лейкина-Свирская, В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. / В. Р. Лейкина-Свирская. М.: Мысль, 1971. 368 с.

Лейкина-Свирская, В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. / В. Р. Лейкина-Свирская. М.: Мысль, 1981. 285 с.

Ленин, В. И. Шаг вперед, два шага назад / В. И. Ленин // Избр. соч.: в 10 т. М.: Политиздат, 1984. Т. 3. С. 303–506.

Леонов, Н. И. Конфликтология: учеб. пособие / Н. И. Леонов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. 232 с.

Лобатынский, С. М. О церковноприходских школах и школах грамоты Томской епархии / С. М. Лобатынский. Томск: Типолит. П. И. Макушина, 1893. 32 с.

Лозинский, Е. И. Что же такое, наконец, интеллигенция? / Е. И. Лозинский. СПб.: Новый голос, 1907. 261 с.

Лотман, М. Ю. Интеллигенция и свобода [Электронный ресурс]: (к анализу интеллигентского дискурса) / М. Ю. Лотман. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/uspen/12.php (дата обращения: 21.08.2014).

Лукин, Н. М. Революция и церковь / Н. М. Лукин. 3-е изд. М.: Гос. изд-во, 1924. 40 с.

Лысов, А. П. Народное образование в Тюменском окр. в 1897 г.: очерк / А. П. Лысов. Тюмень: Тип. «Сибирской торговой газеты», 1898. 23 с.

Любимова, Г. В. Эпидемия в сибирской деревне: взгляд со стороны практической медицины и религиозно-магической практики (конец XIX – начало XX в.) / Г. В. Любимова // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2003. Вып. 5. С. 182–187.

М[андельштам], М. Интеллигенция как категория капиталистического строя / М. М[андельштам]. Казань: Тип. Губерн. правления, 1890. 52 с.

Мавлютова, Г. Ш. Миссионерская деятельность РПЦ в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX в.) / Г. Ш. Мавлютова. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2001. 177 с.

Майдурова, Н. А. Деятельность эсеров Западной Сибири среди крестьян в годы нового революционного подъема / Н. А. Майдурова // Непролетарские партии России в трех революциях. М.: Наука, 1989. С. 164–167.

Макарий, архиепископ [Невский, М. А.] Беседа о спасении души: как начать спасение души / Макарий (Невский). СПб.: [б. и.], 1908. 16 с.

Маляревский, Г. Я. Очерк истории и современного состояния народного образования в Сибири / Г. Я. Маляревский. СПб.: Синод. тип., 1896. 86 с.

Мамсик, Т. С. Агронмия народная / Т. С. Мамсик, Г. А. Ноздрин // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Ист. наследие Сибири», 2009. [Т. 1]: А–И. С. 39–40.

Мансуров, В. А. Интеллигенция в структуре власти – миф или реальность? / В. А. Мансуров, К. Г. Барбакова // Интеллигенция и мир. 2008. № 1. С. 7–46.

Манхейм, К. Проблема интеллигенции: исследование ее роли в прошлом и настоящем / К. Манхейм. М.: ИНИПОН, 1993. 102 с.

Маркелов, К. В. Между гражданским обществом и государством: информационная политика на перепутье / К. В. Маркелов // Социология власти. – 2004. – № 5. – С. 55–68.

Марцинковская, Т. Д. Проблема идентичности российской интеллигенции [Электронный ресурс] / Т. Д. Марцинковская. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2008n1-1/84-marsinkovskaya1.html> (дата обращения: 21.08.2014).

Матузкова, Е. Универсализация понятия «идентичность» в социогуманитарном знании XX в. [Электронный ресурс] / Е. Матузкова. URL: http://liber.onu.edu.ua:8080/bitstream/123456789/3769/1/dialog15_165-174%2B.pdf (дата обращения: 15.07.2014).

Меметов, С. В. Листая страницы журнала...: (основные тенденции современного интеллигентоведения) / С. В. Меметов, Н. Г. Юркин // Мир и интеллигенция. 2013. № 1. С. 105–119.

Мендрина, Г. И. Из истории переселенческой медицины в Сибири / Г. И. Мендрина // Материалы теоретической и клинической медицины. Томск: Изд-во ТГУ, 1964. Вып. 4. С. 214–224.

Мендрина, Г. И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири / Г. И. Мендрина, Н. П. Федотов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1975. 260 с.

Мендрина, Г. И. Медицинская деятельность политических ссыльных в Сибири / Г. И. Мендрина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1962. 64 с.

Менщиков, В. Н. К вопросу о становлении народного образования в Тобольском крае (60-е гг. XIX в. – 1917 г.) / В. Н. Менщиков // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2002. Ч. 2. С. 99–102.

Менщиков, В. Н. Сельское учительство Тобольской губ., 90-е гг. XIX в. – 1917 г.: становление и деятельность / В. Н. Менщиков // Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход. Иваново: ИванГУ, 2000. С. 195–196.

Мессарош, П. И. Сельская медицина в Томской губ. / П. И. Мессарош. Томск: Тип. Сиб. тов-ва, 1911. 8 с.

Методологические проблемы истории: учеб. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов ист. и филос. специальностей учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / В. Н. Сидорцов [и др.]; под общ. ред. В. Н. Сидорцова. Мн.: ТетраСистемс, 2006. 352 с.

Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. / П. Н. Милюков. М.: Прогресс-Культура, 1994. Т. 2, ч. 2. 496 с.

Миненко, Н. А. Культура русских крестьян Зауралья, XVIII – первая половина XIX в. / Н. А. Миненко. М.: Наука, 1991. 224 с.

Миненко, Н. А. Русское население Урала и Западной Сибири и православная церковь XVIII–XIX вв. / Н. А. Миненко // Религия и церковь в Сибири. Тюмень: МИ «Рутра», 1995. Вып. 8. С. 36–55.

Миненко, Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: ист.-этногр. очерк / Н. А. Миненко. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 391 с.

Мирзоев, В. Г. Историография Сибири: домарксистский период / В. Г. Мирзоев. М.: Мысль, 1970. 391 с.

Миронов, Б. Н. Добровольные ассоциации и гражданское общество в позднеимперской России / Б. Н. Миронов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11, № 3. С. 183–195.

Миронов, Б. Н. Историческая социология России: учеб. пособие / Б. Н. Миронов. СПб.: Изд. дом С.-Петербур. ун-та, 2009. 535, [1] с.

Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. / Б. Н. Миронов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

Миронов, Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX в. / Б. Н. Миронов. М.: Нов. хронограф, 2010. 911 с.

Михайлова, Л. П. Школа Тобольской губ. накануне Октября / Л. П. Михайлова // Ученые записки / Тюменск. пед. ин-т. 1968. Сб. 41, вып. 8. С. 6–20.

Михайловский, М. А. О церковных школах Томской епархии / М. А. Михайловский. Томск: тип. Епарх. братства, [1901]. 26 с.

Могилевский, К. И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910) / К. И. Могилевский. М.: РОССПЭН, 2008. 325, [2] с.

Модоров, Н. С. Миссионерская школа и ее роль в развитии культуры коренного населения Горного Алтая (конец XIX – начало XX в.) / Н. С. Модоров // Актуальные вопросы истории Сибири: материалы Всерос. конф., посвящ. памяти А. П. Бородавкина. Барнаул: АлтГУ, 2002. С. 448–453.

Модоров, Н. С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.) / Н. С. Модоров. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1996. 399 с.

Мосина, И. Г. Политическая ссылка и интеллигенция в Сибири (конец XIX – начало XX в.) / И. Г. Мосина // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск, 1985. Вып. 9. С. 114–115.

Мосина, Н. Г. Интеллигенция в Сибири в начале XX века (численность и структура) / И. Г. Мосина // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем / гл. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1981. Вып. 1. С. 133–136.

Мурашкинцева, А. А. Кооперативное маслоделие в Западной Сибири / А. А. Мурашкинцева. СПб: тип. И. Н. Скороходова, 1902. 26 с.

Мыринова, Н. Правовой статус сельского учительства Западной Сибири в начале XX в. / Н. Мыринова // Развитие системы образования в Западно-Сибирском регионе: история, традиция, инновации и эксперименты в условиях модернизации российского образования. Новосибирск: НИПКИПРО, 2006. Ч. 1. С. 43–45.

Население Западной Сибири в XX в. / под ред. Н. Я. Гущина, В. А. Исупова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 170 с.

Никольский, Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский. Л.: ОГИЗ: Моск. рабочий, 1931. 398 с.

Новомбергский, Н. По Сибири: сб. ст. по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству / Н. Новомбергский. СПб.: Тип. Дома призрения малолет. бедных, 1903. 331 с.

Ноздрин, Г. А. Агитационно-пропагандистская работа социал-демократов в сибирской деревне в 1907–1914 гг. / Г. А. Ноздрин // Большевики во главе трудящихся масс Сибири в трех российских революциях. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1986. С. 40–53.

Ноздрин, Г. А. Аграрно-колониционная политика государства в конце XVI – начале XX в. / Г. А. Ноздрин, Т. С. Мамсик // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Ист. наследие Сибири», 2009. [Т. 1.]: А–И. С. 32–34.

Ноздрин, Г. А. Ветеринария Сибири в XIX – начале XX в. / Г. А. Ноздрин // Опыт природопользования в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 2001. С. 52–101.

Ноздрин, Г. А. Кооперативное движение в общественно-политической жизни сибирской деревни второй половины XIX – начала XX в. / Г. А. Ноздрин // Кооперация Сибири в XX в. Новосибирск: [б. и.], 2006. Вып. 5. С. 146–160.

Ноздрин, Г. А. Крестьянство во второй половине XIX – начале XX в. / Г. А. Ноздрин // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Ист. наследие Сибири», 2009. [Т. 2]: К–Р. С. 205–206.

Ноздрин, Г. А. Политические объединения в сибирской деревне (середина 90-х гг. XIX в. – 1914 г.) / Г. А. Ноздрин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 352 с.

Ноздрин, Г. А. Село Бердское во второй половине XIX – начале XX в. / Г. А. Ноздрин // Сибирский плавильный котел: социал.-демограф. процессы в Сев. Азии XVI – начала XX в. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2004. С. 173–176.

Ноздрин, Г. А. Хозяйственное и социокультурное развитие русской сибирской деревни в начале XX в. / Г. А. Ноздрин // Русский этнос Сибири в XX в. Новосибирск: НГУ, 2004. С. 90–113.

Образование и наука в Сибири: история и современность: тез. докл. и сообщ. 3-й науч.-практ. конф. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1985. 140 с.

Овчинников, В. А. Церковная школа в Томской губ. / В. А. Овчинников // Из истории юга Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. С. 114–122.

Овчинникова, Н. В. Из опыта ведения просветительской деятельности миссионеров в Тобольской епархии (конец XIX – начало XX в.) [Электронный ресурс]. URL: http://skmuseum.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=41&Itemid=203 (дата обращения: 21.08.2014).

Оглезнева, Г. В. Сельские учительницы Восточной Сибири в начале XX в. / Г. В. Оглезнева // Женщина в Сибири в XIX–XX вв.: место в региональном социуме и гендерные роли. Барнаул: АзБука, 2008. С. 88–99.

Окулич, И. К. Кобылка в Томской губ. в 1900 г. / И. К. Окулич. Томск: Пар. типолит. П. И. Макушина, 1900. [2], 16 с.

Олейник, О. Ю. Советская интеллигенция в 30-е гг. (теоретико-методологический и историографические аспекты) / О. Ю. Олейник. Иваново: ИвГЭУ, 1997. 255 с.

Опыт российских модернизаций, XVIII–XX вв. / отв. ред. В. В. Алексеев. М.: Наука, 2000. 246 с.

Ососков, А. В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917): учеб. пособие для студентов пед. институтов. / А. В. Ососков. – М.: Просвещение, 1982. – 208 с.

Осташко, Т. Н. Сельская интеллигенция Сибири, конец 1919 – 1927 г. / Т. Н. Осташко. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 174 с.

Осташко, Т. Н. Функциональный подход к изучению интеллигенции // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII–XX вв.): материалы 2-й Всерос. науч. конф. Омск: [б. и.]. Т. 1: интеллигенция и многоликость культуры российской провинции. 2005. С. 8–9.

Островская, Л. В. Мировоззренческие аспекты народной медицины русского крестьянского населения Сибири второй половины XIX в. / Л. В. Островская // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII–XX в. Новосибирск: НГУ, 1975. С. 131–142.

Островская, Л. В. Некоторые замечания о характере крестьянской религиозности (на материалах пореформенной Сибири) / Л. В. Островская // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в.: классовая борьба, общественное сознание, культура. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. С. 172–186.

Островская, Л. В. Христианство в понимании русских крестьян пореформенной Сибири / Л. В. Островская // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1983. С. 135–150.

Островский, И. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма / И. В. Островский. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. 309 с.

Островский, И. В. П. А. Столыпин и его время / И. В. Островский. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. 144 с.

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (вторая половина XIX в.) / отв. ред. А. И. Пискунов. М.: Педагогика, 1976. 600 с.

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, конец XIX – начало XX в. / отв. ред. Э. Д. Днепров. М.: Педагогика, 1991. 481 с.

Очерки русской культуры XIX в.: в 6 т. / редкол.: Л. Д. Дергачева [и др.]. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. Т. 2. 480 с.

Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Ричард Пайпс; пер. с англ. В. Козловского. Кембридж (Масс.): [б. и.], 1980. 435 с.

Пайпс, Р. Русская революция [Электронный ресурс]: в 3 кн. / Ричард Пайпс. М.: Захаров, 2005. Кн. 1. 480 с. URL: http://russiabgu.narod.ru/pages/themes/txt/paips_russkaya_revolutciya.pdf (дата обращения: 21.08.2014).

Палкин, Б. Н. Очерки истории медицины и здравоохранения Западной Сибири и Казахстана в период присоединения к России (1716–1868 гг.) / Б. Н. Палкин. Новосибирск: Зап. Сиб. кн. изд-во, 1967. 561 с.

Паначин, Ф. Г. Педагогическое образование в России: ист.-пед. очерки / Ф. Г. Паначин. М.: Педагогика, 1979. 216 с.

Паначин, Ф. Г. Учителство и революционное движение в России (XIX – начало XX в.) / Ф. Г. Паначин // Историко-педагогические очерки. М.: Педагогика, 1986. 216 с.

Петров, М. Н. Западная Сибирь: губернии Тобольская и Томская / М. Н. Петров. М.: Тип. Тов-ва И. Д. Сытина, 1908. 206 с.

Петровский, А. В. Личность в психологии: парадигма субъектности [Электронный ресурс] / А. В. Петровский. URL: http://vk.com/doc36519343_126074781 (дата обращения: 12.07.2014).

Плотников, А. Е. Из истории формирования эсеровских организаций в Сибири (1900–1907 гг.) / А. Е. Плотников // Революция 1905–1907 гг. и общественные движения в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск: Омский ун-т, 1995. С. 67–79.

Плотников, А. Е. Организация политических партий в Сибири в период Первой российской революции (1905–1907 гг.) (перечень и предварительный анализ) / А. Е. Плотников // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период. Омск: ОмГУ, 1992. С. 96–114.

Плотников, А. Е. Численность, состав, территориальное размещение интеллигенции в Сибири (по переписи 1897 г.) / А. Е. Плотников // Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябрьского периода. Омск: ОмГУ, 1990. С. 96–105.

Плотников, А. Ф. Нарымский край (5 стан Томского уезда, Томской губ.): ист.-статист. очерк. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1901. 373 с.

Побережников, И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И. В. Побережников. М.: РОССПЭН, 2006. 237, [2] с.

Побережников, И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теорет.-методол. проблемы модернизации / И. В. Побережников. М.: РОССПЭН, 2006. 237, [2] с.

Погорелов, Г. А. Что такое волостной писарь?: К Съезду волостных писарей / Г. А. Погорелов. М.: кн. маг. И. К. Голубева: п/ф «Правоведение», 1907. 30 с.

Покровский, И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы: опыт церков.-ист., статист. и геогр. исследования / И. М. Покровский. Казань: [б. и.], 1897. Т. 1. 534 с.; 1913. Т. 2. 890 с.

Половинкин, Н. С. Роль Тобольской епархии в системе образования и просвещения в крае, XVIII – начало XX в. / Н. С. Половинкин, А. В. Чернышов // Религия и церковь в Сибири: сб. науч. ст. и документ. материалов. Тюмень: [б. и.], 1991. Вып. 2. С. 14–21.

Пономарева, Ю. А. Социальная поддержка коренного населения Горного Алтая в деятельности Алтайской духовной миссии / Ю. А. Пономарева // Макарьевские чтения: материалы 2-й Междунар. конф. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2004. С. 61–66.

Поплавская-Есипова, В. А. Русское законодательство относительно церкви во второй половине XIX в. / В. А. Поплавская-Есипова // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. С. 119–133.

Попов, Д. И. Культурно-просветительные общества и сибирская деревня в конце XIX – начале XX в. / Д. И. Попов // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2004. Ч. 2. С. 150–154.

Попов, Д. И. Культурно-просветительские организации и либерально-оппозиционное движение в Сибири в 1907–1914 гг. / Д. И. Попов // Исторический ежегодник / под ред. А. В. Якуба. Омск: ОмГУ, 1999. С. 57–68.

Порхунов, Г. А. Борьба большевиков Сибири против мелкобуржуазного влияния на демократическую интеллигенцию в период революции 1905–1907 гг. / Г. А. Порхунов // Большевики Сибири в борьбе против царизма (1895 – февраль 1917 г.). Омск: ОГПИ, 1982. С. 10–19.

Почеревин, Е. В. Отношение крестьян Западной Сибири к государственным органам управления и чиновникам в начале XX в. [Электронный ресурс] / Е. В. Почеревин. URL: <http://izvestia.asu.ru/2007/4-3/hist/TheNewsOfASU-2007-4-3-hist-30.pdf> (дата обращения: 21.08.2014).

Прибыльский, Ю. П. Народное образование в Тюменском крае в XVIII–XX вв.: концепция развития / Ю. П. Прибыльский, А. М. Невский // Западная Сибирь: проблемы региональной культурологии. Томск: [б. и.]. С. 66–69.

Проблемы и перспективы развития образования в Сибири / отв. ред. А. П. Ершов, Л. Г. Борисова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. 175 с.

Резун, Д. Я. Сибирь, конец XVI – начало XX в.: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 196 с.

Ремнёв, А. В. Был ли 1861 г. переломным в сибирской политике?: (К вопросу о периодизации истории Сибири) / А. В. Ремнёв // История и культура Сибири: материалы отчетной сессии Омского филиала Объедин. ин-та ист., филол. и филос. СО РАН. Омск: [Б. и.], 1996. С. 75–83.

Ремнёв, А. В. Самодержавие и Сибирь: административная политика во второй половине XIX – начале XX в. / А. В. Ремнёв. Омск: ОмГУ, 1997. 253 с.

Репина, Л. П. История исторического знания / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. М.: Дрофа, 2004. 288 с.

Римский, С. В. Российская церковь в эпоху Великих реформ / С. В. Римский. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. 567 с.

Римский, С. В. Русская православная церковь в XIX в. / С. В. Римский. – Ростов н/Д: ДЮИ, 1997. 384 с.

Родигина, Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. / Н. Н. Родигина. Новосибирск: НГПУ, 2006. 343 с.

Родигина, Н. Н. «Какая школа нужна Сибири?»: вопросы регионального образования в освещении педагогических журналов конца XIX – начала XX в. / Н. Н. Родигина // Сибирский педагогический журнал. 2006. № 5. С. 141–150.

Родигина, Н. Н. «Кому просвещать Сибирь?»: вопросы образования на страницах российской журнальной прессы конца XIX – начала XX в. / Н. Н. Родигина // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 2. С. 176–184.

Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902 / сост. С. В. Рождественский. СПб.: М-во нар. просвещения, 1902. [2], II, 785, [2] с.

Розов, А. Н. Священник в духовной жизни русской деревни / А. Н. Розов. СПб.: Алетейя, 2003. 253, [1] с.

Романов, А. П. Сельский учитель и крестьянские традиции в конце XIX – начале XX в. / А. П. Романов // Культура и интеллигенция России между рубежами веков: Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX – начало XXI в.): материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 10-летию Сиб. филиала Рос. ин-та культурологии МК РФ. Омск: ОмГУ, 2003. С. 247–412.

Рубакин, Н. А. Рассказы о Западной Сибири, или о губерниях Тобольской и Томской, и как там живут люди / Н. А. Рубакин. 4-е изд., просм. и доп. А. Балакиным. М.: Типолит. Рус. тов-ва печат. и изд. дела, 1915. 199 с.

Русская А. Г. Взаимоотношения // Социальная психология [Электронный ресурс]: словарь / А. Г. Русская. URL: <http://slovari.yandex.ru/взаимоотношение/Социальная%20психология/Взаимотношения> (дата посещения: 21.08.2014).

Румянцев, И. Д. Эпизоотия повального воспаления легких крупного рогатого скота в Томской губ. и причины малоуспешности борьбы с нею / И. Д. Румянцев. Харьков: Тип. Б. Бенгис, [1914]. 20 с.

Рыбкин, Г. Ф. Православие на службе самодержавия в России / Г. Ф. Рыбкин. М.: Безбожник, 1930. 56 с.

Рыженко, В. Г. Возможности междисциплинарного изучения интеллигенции (XX в., региональная версия) / В. Г. Рыженко, В. Ш. Назимова // Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход. Иваново: ИванГУ, 2000. С. 34–36.

Рыженко, В. Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е гг.: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования / В. Г. Рыженко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 369 с.

Рыжов, О. А. Управление социальным конфликтом / О. А. Рыжов, В. В. Ларченков // Политология. 2012. № 5. С. 114–117.

Сабурова, Т. А. Русский интеллектуальный мир / миф: социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия / Т. А. Сабурова. Омск: Наука, 2005. 306 с.

Савчук, В. В. Инакомыслие или конформизм: нравственный выбор интеллигенции в России / В. В. Савчук // Логос. № 6. 2005. С. 233–232.

Сарапулова, Н. Г. Землеустроительная и переселенческая политика в Тобольской губ. в начале XX в. [Электронный ресурс] / Н. Г. Сарапулова. – URL: <http://www.dom-hors.ru/issue/fik/2011-3-4/sarapulova.pdf> (дата обращения: 21.08.2014).

Семёнова, К. А. Здоровоохранение г. Томска: время становления (1860-е – 1919 г.) / К. А. Семёнова. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 155, [1] с., ил.

Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: сб. материалов конф. / под ред. В. А. Ламина. Новосибирск: НГУ, 2003. 324 с.

Сибирь в составе Российской империи / Л. М. Дамешек, А. В. Ремнёв [и др.] М.: Нов. лит. обозр., 2007. 368 с.

Сибирь, ее современное состояние и ее нужды: сб. ст. / под ред. И. С. Мельника. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1908. 295 с.

Скубневский, В. А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.) / В. А. Скубневский. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1991. 271 с.

Смирнов, Н. Н. На переломе: российское учительство накануне и в дни революции 1917 г. / Н. Н. Смирнов. СПб.: Наука, 1994. 411 с.

Соколов, А. В. Формула интеллигентности [Электронный ресурс] / А. В. Соколов. URL: <http://teterin.raid.ru/formula-intelligentnosti> (дата обращения: 21.08.2014).

Соколов, А. В. Формула интеллигентности. [Электронный ресурс]. URL: <http://teterin.raid.ru/formula-intelligentnosti/> (дата обращения: 21.08.2014).

Соколов, Е. Ф. Положение начального школьного образования в Тобольской губ. за 1896/97 учеб. г. // Е. Ф. Соколов / Ежегодник Тобольского губернского музея. 1898. Вып. 9. С. 80–115.

Соколов, К. Б. Русская интеллигенция XVIII – начала XX в.: картина мира и повседневность / К. Б. Соколов. СПб.: Нестор – История, 2007. 510 с.

Софронов, В. Ю. Три века сибирского миссионерства / В. Ю. Софронов. Тобольск: ТГПИ, 2005. Ч. 1. 142 с.; Ч. 2. 170 с.

Софронов, В. Ю. Христианизация Тобольского Севера / В. Ю. Софронов. Тобольск: ТГПИ, 2007. 103 с.

Степаненко, Л. В. Становление и развитие образования и просвещения в Западной Сибири с древнейших времен до начала XX столетия / Л. В. Степаненко // Актуальные вопросы истории Сибири XVIII–XX в. Новосибирск: НГТУ, 2006. С. 30–41.

Структура и содержание идентичности российской интеллигенции / М. С. Гусельцева, М. М. Кончаловская, Т. Д. Марцинковская [и др.]. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. 212 с.

Суворова, Н. Г. Волостной писарь: слуга двух господ или хозяин сибирской деревни / Н. Г. Суворова // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 281–311.

Суворова, Н. Г. Подготовка кадров для крестьянской администрации в Омской школе волостных писарей (1861–1885) / Н. Г. Суворова // 280 лет Омску: история и современность. Толочко. Омск: ОмГУ. 1996. С. 22–25.

Сулимов, В. С. К вопросу о динамике развития церковноприходских школ и школ грамоты в Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) / В. С. Сулимов // Религия и церковь в Сибири. Тюмень: Рутра, 1996. Вып. 9. С. 59–63.

Сулимов, В. С. Очерки по истории народного образования Западной Сибири / В. С. Сулимов. Тюмень: [б.и.], 1995. 197 с.

Сулимов, В. С. Чувства добрые пробуждать: из истории светской школы Тобольской губ. в конце XIX – начале XX в. / В. С. Сулимов. Тюмень: Вектор Бук, 2004. 152 с.

Сумароков, П. Миссионерство в Сибири / П. Сумароков // Христианское чтение. 1883. № 9/10. С. 411–435; № 11/12. С. 561–593; 1884. № 1/2. С. 113–147; № 5/6. С. 639–673; № 9/10. С. 327–347; № 11/12. С. 657–685.

Сучков, И. В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX–XX вв. / И. В. Сучков // Отечественная история. 1995. № 1. С. 62–69.

Тимофеева, Ю. В. Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) / Ю. В. Тимофеева. Новосибирск: СИБПРИНТ, 2012. 193 с.

Тимофеева, Ю. В. Книжная культура сельского населения Западной Сибири конца XIX – начала XX в. в фондах ГАТО / Ю. В. Тимофеева // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Омскбланкиздат, 2010. Ч. 2. С. 218–223.

Тимофеева, Ю. В. Распространение печатной продукции в сибирской деревне конца XIX – начала XX в. / Ю. В. Тимофеева, В. А. Зверев // Восток – Запад: проблемы взаимодействия: история, традиции, культура. Новосибирск: НГПУ, 2007. Ч. 2. С. 95–99.

Тимофеева, Ю. В. Роль школы и учительства в приобщении к книжной культуре сельского населения Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. / Ю. В. Тимофеева // Педагогический профессионализм в современном образовании. Новосибирск: НГПУ, 2007. С. 418–426.

Тимофеева, Ю. В. Чтение сельских учителей Тобольской губ. в конце XIX – начале XX в. / Ю. В. Тимофеева // Региональное книговедение: Сибирь и Дальний Восток. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2008. С. 492–501.

Толочко, А. П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) / А. П. Толочко. Томск: Изд-во ТГУ, 1989. 220 с.

Толочко, А. П. Черносотенцы в Сибири (1905 г. – февраль 1917 г.) / А. П. Толочко. Омск: ОмГУ, 1999. 123 с.

Томский медицинский институт, 1888–1988: 100 лет со дня основания: ист. очерк / М. А. Медведев, Г. И. Мендрина, П. А. Бова [и др.] Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 206, [1] с.

Трофимов, П. Л. От Общества взаимопомощи учителей до Профессионального союза работников просвещения: (из истории создания Профессионального союза работников просвещения Омской обл.) / П. Л. Трофимов // Из истории советской интеллигенции: материалы II Симп. по ист. рабочего класса, крестьянства и интеллигенции Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1974. С. 62–73.

Трошин, И. П. История развития скотоводства Западной Сибири / И. П. Трошин. Новосибирск: [б. и.], 1969. 208 с.

Туган-Барановский, М. И. Интеллигенция и социализм [Электронный ресурс] / М. И. Туган-Барановский. URL: http://www.yabloko.ru/Themes/History/tougan_bar.html (дата обращения: 01.08.2014).

Тюкавкин, В. Г. Сибирская деревня накануне Октября: (к вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции) / В. Г. Тюкавкин. Иркутск: Вост.- Сиб. кн. изд-во, 1966. 471 с.

Уильямс, С. Либеральная реформа при нелиберальном режиме: создание частной собственности в России в 1906–1915 гг. / С. Уильямс: пер. с англ. М.: ИРИСЭН: Мысль, 2009. 331с.

Улыбина, Л. Г. Из истории народного образования в Тобольской губ. (конец XIX – начало XX в.): обзор литературы / Л. Г. Улыбина, Е. В. Микова // Народное образование Тюменского края: историография, источниковедение. Тюмень: [б.и.], 1993. С. 52–57.

Успенский, А. П. Краткий обзор церковно-школьного дела в Томской епархии за 1884–1910 гг. / А. П. Успенский. Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1911. 74 с.

Устьянцева, О. Н. Взаимоотношение сельского православного духовенства и крестьян в Томской губ. в конце XIX в. / О. Н. Устьянцева // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2002. Ч. 2. С. 35–37.

Устьянцева, О. Н. Культурно-просветительская деятельность Русской православной церкви: организация библиотек в Томской епархии в конце XIX – начале XX в. / О. Н. Устьянцева // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. С. 145–148.

Устьянцева, О. Н. Роль православного духовенства в борьбе с эпидемией холеры на территории Томской епархии в 1892 г. / О. Н. Устьянцева // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. С. 110–113.

Ушаков, А. В. Общественные организации интеллигенции и государственная власть в России в конце XIX – начале XX в. / А. В. Ушаков // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М.: МПГУ им. В. И. Ленина, 1994. С. 31–39.

Ушаков, А. В. Демократическая интеллигенция периода трех революций в России: пособие для учителя / А. В. Ушаков. М.: Просвещение, 1985. 159 с.

Ушакова, Л. А. Культурно-просветительская роль политических ссыльных народников в Сибири (70-е – середина 90-х гг. XIX в.) / Л. А. Ушакова. Новосибирск: Новосиб. консерватория им. М. И. Глинки, 1986. 74 с.

Ушакова, С. Н. Профессиональное образование начальное и среднее / С. Н. Ушакова // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Ист. наследие Сибири», 2009. [Т. 2]: К–Р. С. 718–721.

Фадеев, К. В. Народное образование на селе в конце XIX – начале XX в. (на материалах Томской губ.) / К. В. Фадеев // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: ОмГАУ, 2006. Ч. 2. С. 22–26.

Фальборк, Г. А. Народное образование в России / Г. А. Фальборк, В. И. Чарнолуский. СПб.: Изд. О. Н. Поповой, [1900]. 264 с.

Федотова, В. Г. Какая политическая культура нужна гражданскому обществу? / В. Г. Федотова // Философский журнал. 2013. № 1 (10). С. 34–48.

Федотова, Ф. Г. Модернизация «другой» Европы [Электронный ресурс] / Ф. Г. Федотова. URL: http://philosophy.ru/iphras/library/fedot_mod.html (дата обращения: 21.08.2014).

Фролова, Т. А. «Пришлый» человек в Сибири: ментальные основания поведения, или История сельского писателя Петра Аниканова / Т. А. Фролова // Локальные сообщества имперской России в условиях социальных конфликтов: (подходы и практики в современных региональных исследованиях). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. С. 138–147.

Фураев, Г. Очерк по истории профессионального объединения работников просвещения Омской губ. (1895–1924 г.) / Г. Фураев. Омск: Изд. Союза работников просвещения, 1924. 43 с.

Харченко, Л. Н. Православная церковь в культурном развитии Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): очерк истории / Л. Н. Харченко. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2005. 510, [2] с.

Хорос, В. Г. Русская история в сравнительном освещении [Электронный ресурс] / В. Г. Хорос. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Horos/06.php (дата обращения: 21.08.2014).

Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.): критич. очерки / [отв. ред. Н. А. Смирнов]. М.: Наука, 1967. 336 с.

Цимбаева, Е. Н. Исторический анализ литературного текста / Е. Н. Цимбаева. М.: URSS: КомКнига, 2005. 173, [1].

Чарнолуский, В. И. Учительские организации в России / В. И. Чарнолуский. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1908. 146 с.

Чаянов, А. В. Крестьянское хозяйство: избр. тр. / А. В. Чаянов. М.: Экономика, 1989. 491, [2] с.

Чернятевич, О. В. Участие духовенства Томской епархии в распространении сельскохозяйственных знаний в начале XX в.: (омское общество «Пчеловодство») / О. В. Чернятевич // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2004. Ч. 2. С. 278–280.

Чехов, Н. В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. / Н. В. Чехов. М.: Польза, 1912. 224 с.

Чуркина, Н. И. Историческая география педагогического образования Западной Сибири / Н. И. Чуркина // Пишем времена и случаи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск: НГПУ, 2008. С. 249–253.

Чуркина, Н. И. Педагогическое образование как фактор социокультурного развития Западной Сибири (XVIII–XX вв.) / Н. И. Чуркина. Омск: ОмГПУ, 2011. 220 с.

Чуркина, Н. И. Социальный статус учителей в Западной Сибири в XVIII–XX вв. / Н. И. Чуркина // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность. Красноярск: Краснояр. пед. ун-т, 2007. С. 211–217.

Чуркина, Н. И. Этапы становления и особенности сибирского учительства / Н. И. Чуркина // История образования и просвещения в Западной Сибири. Омск: Амфора, 2007. С. 103–113.

Шамахов, Ф. Ф. Внешкольное образование в Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907–1917 гг.) / Ф. Ф. Шамахов // Учен. зап. / Томск. пед. ин-т. 1962. Т. 20, вып. 3. С. 67–88.

Шамахов, Ф. Ф. Динамика развития общеобразовательной школы Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: (анализ статист. данных) / Ф. Ф. Шамахов // Учен. зап. / Томск. пед. ин-т. 1955. Т. 13. С. 399–510.

Шамахов, Ф. Ф. Роль народной инициативы в борьбе за просвещение в дореволюционной Сибири / Ф. Ф. Шамахов // *Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг.* Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1967. Вып. 3: Сибирь периода капитализма. С. 99–106.

Шамахов, Ф. Ф. Учительские институты дореволюционной Западной Сибири / Ф. Ф. Шамахов // *Труды / Томск. пед. ин-т.* 1952. Т. 9. С. 3–63.

Шамахов, Ф. Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907–1917 гг.) / Ф. Ф. Шамахов. Томск: ТГУ, 1966. 196 с.

Шамахов, Ф. Ф. Школы дореволюционного Томска / Ф. Ф. Шамахов // *Учен. зап. / Томск. пед. ин-т.* 1954. Т. 12. С. 5–106.

Швецов, С. П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири / С. П. Швецов // *Каторга и ссылка.* 1928. № 3 (40). С. 57–87; № 10 (47). С. 96–112; № 11 (48). С. 88–106.

Шейнфельд, М. Б. Историография Сибири, конец XIX – начало XX в.: [учеб. пособие] / М. Б. Шейнфельд. Красноярск: Краснояр. пед. ин-т, 1973. 399 с.

Шиловский, М. В. Жилищные условия интеллигенции Сибири XIX – начала XX в. / М. В. Шиловский // *Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: VI Науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина.* Барнаул: Алт. ун-т, 2003. Кн. 2. С. 178–184.

Шиловский, М. В. Использование большевиками Сибири объединений и собраний городской и сельской интеллигенции для усиления работы в массах в 1905 г. / М. В. Шиловский // *Город и деревня Сибири в досоветский период: Бахрушинские чтения 1984 г.* Новосибирск: Изд. Новосиб. ун-та, 1984. С. 142–149.

Шиловский, М. В. *Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в.: учеб. пособие / М. В. Шиловский.* Новосибирск: [б. и.], 1995. Вып. 2. 72 с.

Шиловский, М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. / М. В. Шиловский. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2003. 428 с.

Шиловский, М. В. Роль каторги и ссылки в заселении и освоении Сибири в XIX – начале XX в. / М. В. Шиловский // *Сибирский плавильный котел: социал.-демогр. процессы в Северной Азии XVI – начала XX в.* Новосибирск: Сиб. хронограф, 2004. С. 165–173.

Шиловский, М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона / М. В. Шиловский. Новосибирск: ИД «Сова», 2008. 269 с.

Шиловский, М. В. Специфика политического поведения интеллигенции Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / М. В. Шиловский // *Общественно-политическая жизнь Сибири, XX в.* Новосибирск: Новосиб. ун-т, 2004. Вып. 6. С. 3–14.

Шипилин, В. Д. Революционная деятельность социал-демократов в Западной Сибири и Акмолинской обл. в годы реакции в связи с проведением Столыпинской реформы / В. Д. Шипилин // Большевики Сибири в борьбе против царизма (1895 – февраль 1917 г.). Омск: ОГПИ, 1982. С. 10–19.

Штах, Ю. Р. Координационная роль разного рода обществ и объединений в духовной жизни сибирской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. / Ю. Р. Штах // Гуманитарное знание: ежегодник. Омск: ОмГПУ, 2000. Вып. 4. С. 216–221.

Штейнфельд В. П. Бийский уезд Томской губ.: (топогр., эконом. и этногр. очерк уезда) / сост. В. П. Штейнфельд. Бийск: Тип. «Гов-во», 1910. [2], 151 с.; 2 л. табл., карт.

Щетинина, Г. И. Идейная жизнь русской интеллигенции, конец XIX – начало XX в. / Г. И. Щетинина. М.: Наука, 1995. 236 с.

Экштут, С. А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века / С. А. Экштут. М.: Молодая гвардия, 2012. 428 с.

Элбакян, С. Е. Российская интеллигенция: ментальность и архетип [Электронный ресурс] / С. Е. Элбакян. URL: <http://www.ni-journal.ru/archive/52ab0058/0f2c52b8/95041ca6/e0673b9a/> (дата обращения: 21.08.2014).

Энгельштейн, Л. Повсюду «культура» [Электронный ресурс]: о новейших интерпретациях русской истории XIX–XX вв. / Л. Энгельштейн // Новая русская книга: крит. обзор. 2001. № 3/4. URL: <http://magazines.russ.ru/nrk/2001/3/ engelsh.html> (дата обращения: 21.08.2014).

Эткинд, А. Внутренняя колонизация: имперский опыт России / А. Эткинд; авториз. пер. с англ. В. Макарова. 2-е изд. М.: Нов. лит. обзор., 2014. 448 с.

Эфиров, А. Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири: ист. очерки / А. Ф. Эфиров. М.: Учпедгиз, 1948. 280 с.

Юрочкина, И. Ю. У истоков дополнительного образования в Западной Сибири: деятельность общественных объединений Томска на рубеже XIX–XX вв. / И. Ю. Юрочкина // Пишем времена и случаи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск: НГПУ, 2008. С. 273–277.

Юрцовский, Н. С. Народное образование в Омской губ. (прошлое, настоящее и ближайшие перспективы) / Н. С. Юрцовский // Омская губерния: Здравоохранение. Народное образование. Омск: [б. и.], 1923. С. 41–104.

Юрцовский, Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири / Н. С. Юрцовский. Новониколаевск: Облиздат, 1923. Вып. 1. 250 с.

Ядринцев, Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этногр. и статист. исследования с прил. статист. таблиц / Н. М. Ядринцев. СПб.: Изд-во И. М. Сибирякова, 1891. 308 с.

Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н. М. Ядринцев. СПб.: Изд-во И.М. Сибирякова, 1892. 720 с.

Язынин, А. Е. Генезис черносотенно-монархического движения Западной Сибири и его противоборство с политическими противниками (1905–1914 гг.) / А. Е. Язынин. Ишим: Изд-во Ишим. пед. ин-та, 2010. 118 с.

Якимова, И. А. Волостные писари в системе крестьянского самоуправления на Алтае во второй половине XIX в. [Электронный ресурс] / И. А. Якимова. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod4/part2-p197-201.pdf> (дата обращения: 21.08.2014).

Яковкина, Н. И. История русской культуры, XIX в. / Н. И. Яковкина. СПб.: Лань, 2000. 574 с.

Aoshima, Y. Professionals or bureaucrats? [Электронный ресурс]: Pedagogues and the state during russia's Great reforms / Y. Aoshima. URL: <http://src-home.slav.hokudai.ac.jp/publicatn/acta/25/aoshima.pdf> (дата обращения: 21.08.2014).

Brooks, J. When Russia learned to read: literacy and popular literature, 1861–1917 / J. Brooks. Princeton: University press, 1985. 450 p.

Byford, A. Professional cross-dressing: doctors in education in late imperial Russia (1881–1917) [Электронный ресурс] / А. Byford. URL: <http://fpp-mpsu.ru/uploads/all/all-rqmyQPeKDVLTOpnvUO54iIK7FSQWfN.pdf> (дата обращения: 21.08.2014).

Eklof, B. Russian peasant schools: officialdom, village culture and popular pedagogy, 1861–1914 / B. Eklof. Berkeley: University of California press, 1986. 341 p.

Ely, C. The question of civil society in late imperial Russia [Электронный ресурс] / C. Ely // A Companion to russian history. Series: Wiley Blackwell companions to world history series. URL: http://books.google.ru/books?id=JyN0hIKcfTcC&pg=PR2&lpg=PR2&dq=a+companion+to+russian+history+online&source=bl&ots=B0vYKRbbHO&sig=Nky_CsyA9wMmZ26TDfoHuoPFTA&hl=ru&sa=X&ei=nKMxU9OfIaii4gSM04GoBA&ved=0CF4Q6AEwBw#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 21.08.2014).

Gerasimov, I. V. Modernism and public reform in late imperial Russia: rural professionals and self-organization, 1905–1930 / Ilya V. Gerasimov. Basingstoke (Hants.): Palgrave Macmillan, 2009. 325 p.

Morson, G. S. The intelligentsia and its critics [Электронный ресурс] / G. S. Morson // A Companion to russian history. Series: Wiley Blackwell companions to world history series. URL: http://books.google.ru/books?id=JyN0hIKcfTcC&pg=PR2&lpg=PR2&dq=a+companion+to+russian+history+online&source=bl&ots=B0vYKRbbHO&sig=Nky_CsyA9wMmZ26TDfoHuoPFTA&hl=ru&sa=X&ei=nKMxU9OfIaii4gSM04GoBA&ved=0CF4Q6AEwBw#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 21.08.2014).

Perrie, M. The russian peasant movement of 1905–1907 [Электронный ресурс]: its social composition and revolutionary significance / M. Perrie. URL: [http://psi203.cankaya.edu.tr/uploads/files/Perrie,%20Russian%20Peasant%20Movement%20of%201905-1907%20\(1972\).pdf](http://psi203.cankaya.edu.tr/uploads/files/Perrie,%20Russian%20Peasant%20Movement%20of%201905-1907%20(1972).pdf) (дата обращения: 21.08.2014).

Social identity and intergroup relations / H. Tajfel (Ed.). Cambridge: University press, 1982. 546p.

Tajfel, H. Human groups and social categories / H. Tajfel. Cambridge: University press. 1981. 369p.

Weiming, T. Intellectuals in a world of knowledge [Электронный ресурс] / T. Weiming // Procedia social and behavioral sciences. URL:<http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042810012346> (дата обращения: 21.08.2014).

Диссертации и авторефераты диссертаций

Адоньева, И. Г. Судебные преобразования в Западной Сибири конца XIX – начала XX в. в оценках местной юридической интеллигенции: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. Г. Адоньева. Омск, 2008. 24 с.

Афанасьев, А. Д. Общественно-политическая деятельность провинциального учительства с 90-х гг. XIX в. по 1917 г. (на примере Курской губ.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Д. Афанасьев. Курск, 1999. 22 с.

Баршова, О. А. Формирование учительской интеллигенции во второй половине XIX – начале XX в. как фактор социокультурного развития российской провинции (на примере Мордовского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 / О. А. Баршова. Саратов, 2013. 24 с.

Бекбаева, Е. Е. Сельская кооперация Степного края в конце XIX – начале XX в. (по материалам Акмолинской и Семипалатинской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. Е. Бекбаева. М., 1992. 16 с.

Блинова, О. В. Социокультурный облик учительства в Западной Сибири в 1880-х – 1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. В. Блинова. Омск, 2010. 281 с.

Быкова, А. Г. Алкогольный вопрос в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / А. Г. Быкова. Омск, 2009. 46 с.

Валитов, А. А. Становление гражданского общества Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. А. Валитов. Оренбург, 2007. 23 с.

Верещагин, И. Ф. Церковно-епархиальная периодическая печать в общественной жизни российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Европейского

Севера России): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. Ф. Верещагин. Архангельск, 2013. 24 с.

Владимирцева, В. Г. Гражданская просветительская инициатива в условиях пореформенной модернизации: на материалах Оренбургской губ., 1875–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. Г. Владимирцева. Оренбург, 2010. 30 с.

Гизей, Ю. Ю. Церковноприходская школа Западной Сибири конца XIX – начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю. Ю. Гизей. Кемерово, 2004. 267 с.

Гизей, Ю. Ю. Церковноприходская школа Западной Сибири конца XIX – начала XX в. (по материалам Томской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю. Ю. Гизей. Кемерово, 2004. 27 с.

Голованов, В. М. Проблемы демократизации народного образования в Сибири и последней трети XIX – начале XX в. (до октября 1917 г.): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / В. М. Голованов. М., 1979. 16 с.

Давыденко, Н. А. Трудовые традиции сибирских крестьян в животноводстве (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. А. Давыденко. Омск, 2006. 19 с.

Дегальцева, Е. А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Е. А. Дегальцева. Новосибирск, 2006. 382 с.

Дереглазов, Н. А. История становления и развития системы начального профессионального образования России: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. А. Дерезлазов. Воронеж, 2006. 26 с.

Елизарова, Н. В. Библиотеки Русской православной церкви в распространении духовного просвещения среди населения Западной Сибири в 1881–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. В. Елизарова. Кемерово, 2007. 20 с.

Емельянова, А. С. Социокультурный статус интеллигенции: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / А. С. Емельянова. Ростов н/Д, 2001. 29 с.

Ерёмина, Т. И. Законодательное регулирование правового статуса учителя в начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т. И. Ерёмина. СПб., 2006. 26 с.

Ермачкова, Е. П. Развитие образования и просвещения среди населения западносибирской деревни (1861–1913 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. П. Ермачкова. Омск, 2006. 22 с.

Есипова, В. А. Приходское духовенство Западной Сибири в период реформ и контрреформ второй половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. А. Есипова. Томск, 1996. 23 с.

Есипова, В. А. Приходское духовенство Западной Сибири в период реформ и контрреформ второй половины XIX в. (на материалах Томской епархии): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. А. Есипова. Новосибирск, 1996. 231 с.

Зверева, К. Е. Просвещение крестьянства Сибири в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / К. Е. Зверева. Новосибирск, 1988. 19 с.

Зимин, И. В. Подготовка медицинских кадров в России (XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / И. В. Зимин. СПб., 2004. 49 с.

Зимин, И. В. Женское медицинское образование в России (вторая половина XVIII – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. В. Зимин. СПб., 1999. 18 с.

Злодеева, Е. Б. Пироговские съезды врачей и их роль в становлении системы государственного здравоохранения в России (конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. Б. Злодеева. М., 2004. 23 с.

Змеев, М. В. Социальный мир интеллигенции рубежа XIX–XX вв. в контексте русской общественной мысли: (на материалах Пермской обл.): автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / М. В. Змеев. Пермь, 2003. 22 с.

Зубков, И. В. Учительская интеллигенция России в конце XIX – XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. В. Зубков. М., 2008. 20 с.

Иванов, А. М. Духовно-нравственные ценности российской интеллигенции: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / А. М. Иванов. Чебоксары, 2007. 22 с.

Караваева, Е. В. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви среди сельского населения во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Томской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. В. Караваева. Омск, 2011. 23 с.

Караваева, Е. В. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви среди сельского населения во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Томской епархии): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. В. Караваева. Омск, 2011. 290 с.

Карапетян, Р. О. Место и роль интеллигенции в развитии общества: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01 / Р. О. Карапетян. М., 1977. 48 с.

Корносенков, С. В. Концепт «интеллигенция» в современном российском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Корносенков. Челябинск, 2008. 22 с.

Лонин, А. В. Интеллигенция Енисейской губ. конца XIX – начала XX в.: численность, состав, общественно-политическая деятельность.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. В. Лонин. Красноярск, 2003. 22 с.

Малышева, М. П. Российская интеллигенция в освоении Сибири и Казахстана конца XVIII – середины XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. П. Малышева. Алма-Ата, 1991. 24 с.

Мезенцева, В. В. Профессиональная и общественная деятельность интеллигенции Западной Сибири в 1907–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. В. Мезенцева. Омск, 2000. 28 с.

Мезенцева, В. В. Профессиональная и общественная деятельность интеллигенции Западной Сибири в 1907–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. В. Мезенцева. Омск, 2000. 251 с.

Мендрина, Г. И. Очерки по истории медицины Сибири эпохи капитализма (1861–1917): автореф. дис. ... д-ра мед. наук: 14.00.33 / Г. И. Мендрина. Томск, 1965. 33 с.

Никулин, П. Ф. Внутренний экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / П. Ф. Никулин. Томск, 2009. 49 с.

Никульченкова, С. А. Философско-культурологический анализ формирования нравственных традиций русской интеллигенции: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05 / С. А. Никульченкова. СПб., 1993. 20 с.

Ноздрин, Г. А. Политические объединения в сибирской деревне (середина 90-х гг. XIX в. – 1914 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Г. А. Ноздрин. Новосибирск, 2005. 48 с.

Плетнёв, Д. И. Гражданская культура как культура согласия общества и государства: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Д. И. Плетнёв. Томск, 2005. 25 с.

Попов, Д. И. Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Д. И. Попов. Омск, 2006. 50 с.

Попов, Д. И. Культурно-просветительные общества как объект организаторской и пропагандистской работы партийно-политических сил в Сибири (1907–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. И. Попов. Омск, 2000. 23 с.

Почервин, Е. В. Низовая административно-судебная система в Алтайском окр. (конец XIX в. – 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. В. Почервин. Барнаул, 2013. 24 с.

Ремнёв, А. В. Административная политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / А. В. Ремнёв. СПб., 1997. 47 с.

Рыженко, В. Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е гг.: вопросы теории, истории, историографии и методов исследования: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / В. Г. Рыженко. Омск, 2004. 42 с.

Сабурова, Т. А. Интеллигенция Омска на рубеже XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т. А. Сабурова. Омск, 2004. 18 с.

Самойлова, Е. В. Интеллигенция в социокультурном пространстве Западной Сибири в 1860–1890 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. В. Самойлова. Омск, 2006. 251 с.

Семёнова, К. А. Здравоохранение г. Томска в историческом развитии (начало 1860-х – 1919 г.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / К. А. Семёнова. Томск, 2009. 224 с.

Семёнова, Н. С. Учительская интеллигенция и партия социалистов-революционеров (1902–1907 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. С. Семёнова. Кострома, 1997. 32 с.

Сикорский, А. Н. Вопросы истории ветеринарии Западной Сибири в дореволюционный период и первые годы советской власти (до 1929 г.): автореф. дис. ... канд. ветеринар. наук: 16.00.03 / А. Н. Сикорский. М., 1964. 17 с.

Сковородина И. С. Развитие низшего и среднего профессионального образования в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. С. Сковородина. Омск, 2003. 25 с.

Станкова, М. В. Черносотенно-монархическое движение в Западной Сибири в 1905–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. В. Станкова. Омск, 1999. 23 с.

Сулимов, В. С. Светское школьное образование Тобольской губ. конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. С. Сулимов. Барнаул, 2006. 22 с.

Суринов, В. М. Общественно-научная деятельность Н. Л. Скалозубова: (из истории формирования агрономических служб конца XIX – начала XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. М. Суринов. М., 1967. 36 с.

Тимофеева, Ю. В. Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю. В. Тимофеева. Омск, 2011. 22 с.

Топольян, А. П. Русская православная церковь в модернизационных процессах современной России: (политологический анализ): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А. П. Топольян. Ростов н/Д, 2013. 22 с.

Транквилицкая, И. В. Развитие системы земледелия в Томской губ. в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. В. Транквилицкая. Кемерово, 2006. 18 с.

Уваров, П. Б. Исторические методы исследования интеллигенции: концептуальные основания и когнитивные возможности: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / П. Б. Уваров. Челябинск, 2010. 49 с.

Устьянцева, О. Н. Томская епархия в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / О. Н. Устьянцева. Кемерово, 2003. 27 с.

Фадеев, К. В. Культурная жизнь Томской губ. (1890-е – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / К. В. Фадеев. Томск, 2006. 26 с.

Фёдорова, М. И. Народное просвещение Тобольской губ. на рубеже XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. И. Фёдорова. Омск, 1998. 22 с.

Цысь, О. П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. П. Цысь. Екатеринбург, 2003. 25 с.

Четверухин, Г. Н. Российская интеллигенция второй половины XIX в. и проблема миров творчества: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Г. Н. Четверухин. Кострома, 2007. 29 с.

Чуркина, Н. И. Становление педагогического образования в Западной Сибири (вторая половина XIX в. – 1919 г.): автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Н. И. Чуркина. Омск, 2012. 41 с.

Широкова, М. А. Сельская интеллигенция Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны: состав и деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. А. Широкова. Чебоксары, 2013. 22 с.

Яворская, Ю. А. Медицинская интеллигенция в социокультурном пространстве российской провинции, 1860-е – 1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 / Ю. А. Яворская. Краснодар, 2003. 23 с.

Язынин, А. Е. Возникновение черносотенно-монархических организаций Западной Сибири и их противоборство с политическими противниками (1905–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Е. Язынин. Омск, 2005. 24 с.

Яновская, Е. В. Роль интеллигенции начала XX в. в формировании культуры русской провинции: на примере жизни и деятельности К. Ф. Некрасова: автореф. дис. ... канд. культурологи: 24.00.01 / Е. В. Яновская. СПб., 2008. 29 с.